

Сергей Орлов

ИЗБРАННОЕ

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

Избранные

СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва

«Художественная литература»

1988

50/32

ББК 84Р7

О-66 4

Предисловие
О. ШЕСТИНСКОГО

Составление
В. ОРЛОВОЙ

Оформление художника
А. ГАННУШКИНА

416741

О $\frac{4702010200-297}{028(01)-88}$ 71-88

ISBN 5-280-00193-7

© Предисловие, состав, оформление.
Издательство «Художественная
литература», 1988 г.

ПОЭТ, УСТРЕМЛЕННЫЙ В БУДУЩЕЕ

Я уверен, что о жизни и творчестве Сергея Орлова еще будут много писать, и взгляд на созданное им и на прожитую им жизнь станет более емким, выверенным, историчным. Но и мы, современники, способны сказать о нем свое слово, потому что его поэзия для нас неотделима от человеческого общения с ним, от его живой, яркой личности.

Истоки гражданственности, патриотизма его поэзии можно понять, только пристально вглядываясь в солдатский путь поэта, героический и драматичный. Его, Сергея Орлова, личная борьба с фашизмом стала той стартовой площадкой, откуда поднялась, набирая силу, животрепещущая поэзия солдата Великой Отечественной.

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаинная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках.

Здесь нет ни малейшей позы. Стихи действительно рождались в огне, который в последнем танковом бою был беспопашден к С. Орлову.

Помню, как, сразу после войны, он пришел на занятие литературного кружка Ленинградского дворца пионеров. С густой копной золотистых волос, синеглазый, с обожженным, в рубцах, лицом. Позже Марк Максимов точно скажет о его лице: «...красивое, как Время, в танке опаленное лицо». Он был одет в офицерскую гимнастерку без погон, поскрипывали хромовые сапоги. Ладный, стройный, подтянутый. Мы, школьники, уже знали его стихи о войне, но, когда он сам стал их читать, слегка окая, чистым голосом, твердо выделяя каждую фразу; известные нам стихи приобрели иное звучание, они

переставали быть только поэзией, но превращались в судьбу человека. Строки стихотворения «Его зарыли в шар земной...» через годы преобразились в реквием минувшей войны, а в тот час они еще звучали как горестное, ошеломляющее прощание солдата с только что погибшими друзьями-одногодками.

Я никогда не расспрашивал Сергея Сергеевича, когда мы сблизились, о том роковом для него бое, когда загорелся его подбитый танк на новгородской земле, под деревней Гора, что недалеко от города Холма, и медсестра тащила его страшные метры в укрытие деревенской кузни. Он и сам не вспоминал при мне о своем жестоком часе и лишь однажды, когда мы были с ним в Махачкале на солнечном песчаном берегу Каспийского моря, вдруг взял в руки прутик и начертил расположение немецких батарей, направленных на движущиеся танки. Выходило, что, выполняя приказ, танки шли, подставив борта под удары снарядов. «Вот тут в меня...» — сказал он, пронзая прутиком сыпучий песок. Уже после смерти поэта стало известно, что один мой друг родом из деревни Гора, и я поехал туда, на безымянное поле, где разворачивалась танковая атака. Зачем я поехал? Наверное, затем, чтобы прикоснуться к тем дням самоотверженности и боли, подвига и солдатского долга, которые дали право Сергею Орлову беспощадно, честно, страстно молвить о войне. Он писал в молодости: «Надо не просто об этом сказать, надо право иметь сказать». И в течение всей своей жизни прежде всего завоевывал «право сказать», а потом уже говорил, как поэт, проникновенно, по-своему. Не раз я слышал от него мнение о чьих-либо хороших стихах: «Честные стихи, за них жизнью заплачено». Это был его наивысший критерий оценки явления искусства. И сам он платил за свою поэзию — жизнью, опытом, здоровьем.

Текла неспешно речка Ловать в прибрежных ивовых зарослях; чернели несколько изб исчезающей деревушки Гора; полуразвалилась кузня... Но было широкое поле, пестрое от летних цветов, уходящее вдаль, упирающееся кромкой своей в речку. Кажется, столько времени прошло с лет войны! Да так ли уж много? Поле еще хранило следы окопов, а на высоком противоположном берегу очерчивались расплывшиеся немецкие доты. Оживала история, и я сам словно делался свидетелем захлебнувшейся атаки и с напряжением, до рези в глазах, прослеживал краткий путь до порога кузни. «Есть ли здесь живые свидетели боя?» — спросил я. «Нет, — ответил мне друг, — жителей эвакуировали. Но отец мой до войны работал кузнецом». Странно переплетаются людские пути. Долго бродил я по этому ныне тихому полю и думал, думал с неиз-

бывной печалью: «Нет, есть они, свидетели,— это небо, река, старые, узловатые деревья... Есть поэзия, которая могла считать своей родиной эту окровавленную, искореженную гусеницами танков землю...»

И забыл ее бы просто,
Я — деревню на бугре,
Если бы не привелось мне
За деревнею гореть.

Рыжим кочетом над башней
Пламя встало на дыбы...
Как я полз по снежной пашне
До окраинной избы,

Опаленным ртом хватая
Снега ржавого куски,
Пистолет не выпуская
Из дымящейся руки,

Не расскажешь в этой песне.
Да и не к чему. Потом
За меня ребята честно
Расквитались там с врагом.

И осталась не сожженной
Деревенька вдоль бугра
На земле освобожденной
По названию Гора.

Близится срок, когда историки литературы, уже охватывая взглядом весь XX век, выделяют главные ценности в русской поэзии. Шумливые и суесящиеся поэты, добивающиеся популярности любыми средствами, потускнеют, но немеркнувшим золотом будет сиять поэзия фронтового поколения, неотделимая от освободительной борьбы народа, от утверждения в народном сознании идеалов справедливости и мужества. Эта поэзия фронтовиков немыслима без С. Орлова. Он вносит в нее свой острый художнический взгляд, свое стилистическое своеобразие: лаконичность, предельную эмоциональную концентрацию чувств, какую-то особую нежность к товарищу-однополчанину. Поэт, как личность, был целомудрен, сдержан, правдив, и эти качества характера естественно стали чертами его поэзии, придали ей достоверность.

А мы прошли по этой жизни просто,
В подкованных пудовых сапогах.
Махоркой и соленым потом воздух,
Где мы прошли, на все века пропах.

.
Что из того, что там потом поставят
Потомки благодарные навек
Нам монументы? — Не для звонкой славы
Мы замутили кровью столько рек.

За внешней сдержанностью Сергея Сергеевича таилась чуткая отзывчивость ко всему, что происходило на земле. Впечатления от поездок в дальние страны, скажем, в Пекин или Рим воплощались в стихах. Его любили как поэта и человека во многих странах. Перечитываю обращенные ко мне письма выдающегося болгарского поэта Павла Матева: «...передай приветы Сереже... Какой он милый и сердечный человек!» И С. Орлов был жаден до новых встреч, не переставал удивляться явлениям природы, открытиям науки, произведениям живописи.

Он был высокообразованным человеком, начинал до войны учиться в Петрозаводском университете, после войны продолжил образование на историческом факультете Ленинградского университета, а затем перешел в Литературный институт, который и закончил. Развиваясь как художник в послевоенные десятилетия, осваивал новые пласты жизни, стремясь поэтически отозваться на то, что волновало современников. Отошел ли он от темы воинского подвига? Нет. Он видел мир и рассуждал о грядущем с позиции человека, пережившего трагедию, завоевавшего мир на земле, знающего цену жизни.

Тысячелетие второе
кончается, а что за ним?
Какие там грядут герои?..
Не ведаем, что сотворим.

И все же представить Сергея Орлова лишь как поэта фронтовой жизни или актуальных проблем современности — значит обеднить его, лишить иных существенных достоинств.

Он — певец России, русской земли, ее истории. Его слово о Родине всегда выстрадано, осмыслено, по-сыновьи заботливо. В автобиографии Орлов писал: «Я родился в 1921 году в селе Мегра, Белозерского района, Вологодской области... Мне не нужно напрягать память, чтобы вспомнить детство: его можно увидеть глазами и сейчас. Оно белеет березами и пламенеет рябинами перед зданием бывшей школы, плывет теми же буксирами по каналу, лежит огромным слюдяным простором Белого озера в тихие вечера, синее бескрайними лесами, плещет зарницами, звенит дождями. Все это осталось и по сию пору». С образом России он прошел фронтовую страду и в самые трудные месяцы после госпиталя вновь привыкал к жизни на родной белозерской земле. Не могу не привести стихотворения, найденного вдовой поэта в его архиве, где так щемяще передана любовь и тоска по отчей земле:

Земля летит, зеленая, навстречу,
Звенит озер метелью голубой.
На ней березы белые, как свечи,
Свист пеночки и цветик полевой.
Я землю эту попираю ногами,
К ней под обстрелом припадал щекой,
Дышал ее дождями и снегами
И гладил обожженною рукой.
Прости, земля, что я тебя покину
Не по своей, так по чужой вине
И не увижу никогда рябину
Ни наяву, ни в непробудном сне...

О России появляется немало стихов. Порою поверхностных, словно стихотворец пытается отметить факт ее существования и спешит дальше, походя объявляя о любви к ней. С. Орлов брезгливо относился к таким поделкам. Уважения к стихотворцу-ремесленнику не испытывал, сторонился его, ибо при своей прямоте мог бы сказать ему неприязненные слова. Сам он к теме России подступал благоговейно, стихи о ней неизменно перерастали в размышления о жизни и нравственности. Поэт стремился осмыслить Россию с разных точек зрения: ее история и проявления народного гения привлекали его. Любимыми героями истории были белозерские князья, павшие в Куликовской битве. Многие годы изучал он фрески Дионисия из Ферапонтова монастыря, и выношенные поэтические монологи о Дионисии выявляли его понимание национального русского искусства.

Он был цельной личностью, не идущей на компромиссы, и не раз испытывал горькие разочарования в людях, обнаруживая в них корысть и мелкотравчатость. А сам был открыт, всем сердцем открыт людям, не считался ни со временем, ни со здоровьем, помогая кому-то, поддерживая, напутствуя... Нет возможности перечислить тех, кто на своем творческом пути так или иначе почувствовал его ободряющее внимание. И сам Сергей Сергеевич при этом был скромн, почти застенчив, когда речь шла о его поэзии. Мог позвонить по телефону, сказать: «Старик! Послушай, я тут стишок написал...» И читал прекрасные стихи, которые потом украшали его очередной сборник. Незадолго до смерти, подготавливая трехтомник, он облегченно вздохнул: «Ну, подчистую закрома выгреб...» А после смерти вышли один за другим объемистые сборники, включающие в себя то, что он не решился включить в трехтомник, — стихи, ныне уже широко известные любителям поэзии. В этом не было чего-то нарочитого. Лишь строгость, требовательность к себе.

Я перечитал то, что писали о нем его товарищи-поэты — Ю. Воронов, Е. Исаев и другие. Все они едины во мнении

о предельной человеческой скромности и гражданской целеустремленности поэта. Закономерно, что лирический герой его поэзии, персонажи стихотворений несут в себе качества характера простых русских людей, обстоятельных в труде, душевных, чуждых зазнайства и себялюбия. Это прослеживается с самых ранних стихов поэта — неприязательные и благородные образы паромщика и певуны Шуры Капарулиной, фотографа и плотогона, мальчишки, запустившего в небо голубя, и алтайских коммунаров, — все они и иные люди, воссозданные им в поэзии, — та нравственная мощь нашего народа, которая позволила стране выстоять при неслыханных испытаниях и в чистоте уберечь национальную гордость и честь. Некрасовской простотой веет от этих людей, но простота их не однозначная, а скрывающая в себе и смекалку, и талант, и моральную сдержанность.

Был у Орлова на первый взгляд неожиданный интерес: к межпланетным полетам, к жизни во вселенной. Он был серьезно эрудирован в области космоса, и одна из самых впечатляющих встреч в его жизни — встреча с Юрием Гагариным. Поразительно, что еще в 1945 году он пишет ряд пророческих стихов, органичных для него, о мирном освоении космоса:

И настанет тот час, несомненно,
Годы медленно строем пройдут,
Корабли по планетам вселенной
Поселенцев с Земли разнесут.

Или:

А с Земли в упор на мир глядит
Человек упрямый и смятенный,
Сколько человеку предстоит
Дела в неизведанной вселенной.

Или:

Миры колобродят, и космос наполнен
Шипеньем и треском далеких планет,
Гремучих громов, искрящихся молний
И сил неизвестных....

Я бы сказал, что Сергей Орлов — поэт глубокой простоты. Будущие исследователи его творчества проследят новаторский поиск его мысли, заложенной в стихах. И есть четкая связь между героями стихов и думами поэта, улетающими в простор мироздания. Он верил в своих героев, в их духовный порыв и созидательный размах. Он был сам из их породы и сознавал, что его героям-труженикам предстоят грандиозные свершения в развертывающейся перед ними мирной жизни.

Мы еще на дальние планеты
Корабли Союза поведем,
Слесари, танкисты и поэты,
Мы на желтую Луну взойдем.

Вчитайтесь в поэзию С. Орлова, и вы убедитесь, что по насыщенности раздумьями и предвиденьями он поэт исключительный. Словно в своей жизненной неторопливости видел или предчувствовал то, что не знали другие. Он был занят поездками по стране, общественными обязанностями, домашними заботами, а в сердцевине сознания, может быть, подспудно, незаметно происходила колоссальная работа ума, работа, нацеленная на понимание будущего.

Его нельзя назвать виртуозом стиха. Он, наверное, и не желал поражать воображение читателей каскадом метафор и ассоциаций. У С. Орлова и непритязательные глагольные рифмы, а порой и неточные рифмы. Но его поэзия привлекает внимание, вызывает подлинный интерес нестандартным мышлением, а не блестящими побрякушками.

Я жить хочу, я жить хочу, с печалью
Мешая злую радость пополам.

Как неожиданно! Но ведь в этом и суть искусства художника: повествуя о примелькавшемся, знакомом, устоявшемся в нашей жизни,— вдруг, как по взмаху руки, повести нас в неизведанную даль чувства и познания.

Стал я стар не душой, не телом,
Но неведом покой душе,—
Дела главного я не сделал,
А пора уходить уже.

Задумайтесь: «стар... не душой, не телом»,— пишется в 1976 году. А чем же тогда? Стар, а точнее сказать,— умудрен именно своими размышлениями о грядущем, о том, как людям жить дальше на земле.

Я уже отмечал, что С. Орлов помог многим поэтам. И не столько практическими делами, сколько более важным,— он помогал понять себя, высветить свой нравственный мир, укрепиться в своих убеждениях. Он знал, что только при таком духовном состоянии может успешно осуществляться творческая работа, и старался, чтобы атмосфера духовности не покидала его товарищей. То, что я пишу,— не панегирик Орлову. Это мое виденье его поэзии и его жизни. Смею думать, объективное виденье. Конечно, С. Орлов был личностью сложной, и мне приходилось видеть его и раздражительным, и оби-

женным, и мнительным, и жестким... И сейчас, анализируя запомнившиеся мне ситуации, признаю, что правда была за ним, что вводили его в неуравновешенное состояние черствость, ловкачество, мелкие предательства.

Каждый из пишущих о поэте не избегает того, чтобы сказать и о своем личном отношении к нему. Позволю себе сказать и я. На протяжении многих лет он был мне самым близким товарищем. Я учился у него душевной ясности, строгой доброте. Он как бы заставлял меня быть критичнее к себе. Память, как прожектор, выхватывает из прожитых годов: вот он читает мои первые стихи, и его положительный отзыв окрыляет меня; вот он провожает меня, студента-слависта, в Болгарию, и я заново в свою записную книжку:

Нахлынула тревога сразу,
когда мне друг махнул рукой,
рыжебородый, сероглазый,
в мохнатой шапке меховой,—

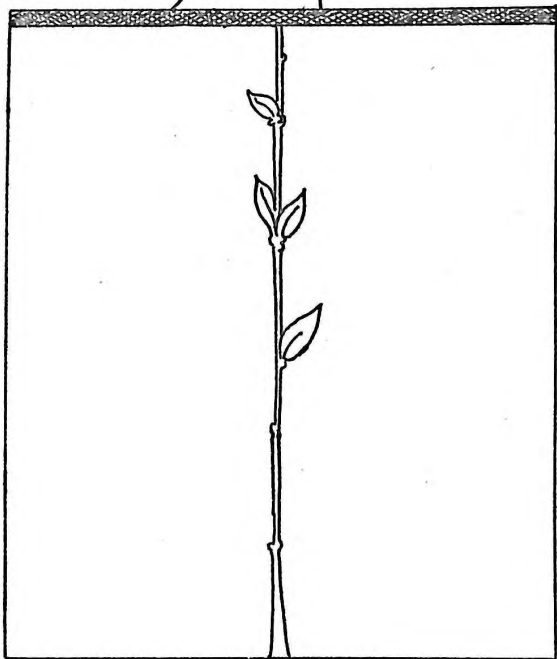
вот мы вместе с ним в редколлегии журнала «Нева» занимаемся поэзией, поддерживая молодых; вот уже в Москве вместе работаем в Секретариате правления СП РСФСР; а вот и наш последний снимок — невеселые, задумчивые лица... Сейчас легко было бы сказать, что предчувствовали что-то. Нет, не предчувствовали. Просто мало ли огорчений в жизни?

Отрадно, что память его чтится в стране. Отрадно, что память его чтится и на родине, в Белозерске. Древний город, испытывший потрясения в давние века русской истории, продуваемый ветрами с Белого озера,— это гнездо, откуда вылетел смелый орел отечественной поэзии. Сотни белозерцев пали на фронтах. На белозерском мемориале — снаряженные гильзы, наполненные землей из тех краев, где погибли солдаты. Земля всех фронтов в этих гильзах. А чуть в стороне вознесся гранитный Сергей Орлов, молодой, с копной непокорных волос, со взглядом, как при жизни, лучистых глаз, устремленным в даль, в неоглядное поле России, сливающееся где-то на окоме с синим, манящим небом.

Олег Шестинский

Стихотворения

ВЕЧЕР

Опустился теплый вечер,
Словно голубь с высоты,
На мои большие плечи,
На деревню, на кусты...

Сизо-дымчатый, туманный,
Вечер крыльями накрыл
Лес, реку, людей, поляны...
Ничего не позабыл.

Посмотрел, улечься где бы,
Синий соня,— и уснул,
Все закрыв дневное небо...
Я сурово вверх взглянул.

А вверху дрожат в бессилье
Чище самых чистых рос
На его широких крыльях
Голубые капли звезд!

1937

ЗВЕЗДА

Я пить хотел. Родник под старым кленом.
Я зачерпнул воды и вдруг тогда
Увидел, как дрожит в моих ладонях
Вечерняя прекрасная звезда.

Как хорошо держать ее, как счастье,
Которое случайно ты поймал,
К губам нести...

Но вдруг толчок, несчастье..

И я звезду бесследно расплескал.
Вот так и ты пропала без следа,
Краса моя, вечерняя звезда.

1937

* * *

Планета на время от солнца отходит
В пространство, где холод и тьма...
Приходит суровое время года —
В снегах и метелях зима.

Ночами сильнее ударяют морозы,
Река покрывается льдом.
Крупней и смелей загораются звезды
Над синим полярным ковшем.

И, будто черемуха где отцветает,—
Снежинки летят на ветру.
Заря пламенеет. И солнце, вставая,
Не греет уже поутру.

И, мягко упав на леса и поляны,
Пушистые, как облака,
Скрипучим морозом и липким туманом
Широкие дышат снега.

И, лишь накренившись слегка на рассвете,
Проедет осадистый воз,
И сено повеет гречихой и мятой,
Как будто сейчас сенокос.

1937

В ОГОРОДЕ

Топорщит перья сизый лук
На грядке в огороде.
Стою с ведром, смотрю вокруг,
Как зелень дружно всходит.

Вдали, поднявшись словно флаг
Над боевым парадом,
Пылает ярко-красный мак
С горошком светлым рядом.

Горошек закрутил усы,
Он выглядит гусаром.
Напившись допьяна росы,
Стоит вояка старый.

Все тянет к солнцу стебелек,
Цепляется за прутик...
Капуста смотрит и в клубок
Листочки в смехе крутит.

Но смех заметен не для всех,
Беззвучен он, как вечер.
Она рассыплет хрусткий смех
Лишь осенью под сечкой.

1938

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень.
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой,
И кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

1938

* * *

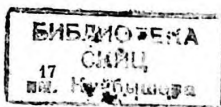
Умер снег... Земля черна и гола.
Но прошел, качаясь, первый дождь,
На правах законных новосела
Вымыл лес и будущую рожь.

Как искринки падали дождейки,
Лопались, прозрачны и чисты,
И травинки на сухом суглинке
Поднимали светлые хвосты.

Как птенцы проклевывались почки,
От дождя вспотев, как от росы,
На березах первые листочки
Высунули клейкие носы.

А когда парной нагрянул вечер,
Радости земной не утаив,—
Темным елям на большие плечи
Сели звезды, словно соловьи.

1939

* * *

Всплошную голубым узором
Мороз разрисовал окно.
Темно становится. И скоро
Зажгут огни. Пора б давно...

Сверчок скрипит в углу за печкой,
А я глаза закрою вдруг,
И мне покажется — кузнечик
Трубит на весь в ромашках луг.

Качнутся легкие березы,
Как луг запахнет старый дом.
Но это мать вошла с мороза,
Внесла подойник с молоком...

1939

* * *

Он шел по дороге в большое село,
Прохладный, прозрачный, веселый, зеленый.
И люди ему улыбались светло,
Встречая приветливо с низким поклоном.

Навстречу ему выносили цветы —
Герани и розы на тоненьких ножках.
Он шел по хлебам шелковистым густым,
Обрызгав до пят опаленные рощи.

Все ждали... И он не прошел стороной, —
Он хлынул на жадную землю со звоном.
И люди кричали: — Какой он грибной! —
И капли со смехом ловили в ладони.

1939

НОЧЬ

Давным-давно огни погасли в хатах,
А коростель скрипит, во ржи скрипит.
Над полем месяц тонкий и горбатый,
Как будто серп, на гвоздике висит.

Хлеб жала девка. Тяжко пояснице.
Окутал землю вечер полутьмой.
Серп на звезду ближайшую, как спицу,
Повесила и спать ушла домой.

1940

ВОДОЛАЗ

В голубоватой мгле реки,
Как дождь серебряный, мальки
И длинных водорослей лес
Качается у самых глаз,
Реки сверкающий разрез
Увидел водолаз.
По дну, как будто водяной,
Идет он на задание
И раздвигает лес рукой
С особенным вниманием.
Над медной головой река
В голубоватых бугорках,
Идет он, наклонясь слегка,
В пудовых башмаках.
На это желтое плато
Ни разу не ступал никто,
Как на иной планете,
Идет он лесом этим.
Покой, ничем не нарушим,
Здесь пребывал от века,
В коронах золотых ерши
Глядят на человека,
Из-под коряги смотрит сом,
Свернувшись серым колесом,
И золотыми плахами,
Лещи сверкают бляхами.

1940

КОПЬЕ

В окаменевшем дубе археолог
Копье нашел в суглинке глубоко.
Был камень отшлифованный тяжелый
Насажен на крылатое древко.

Должно быть, это было состязанье,
И предки днем, на берегу ручья,
Перед охотой, детям в назиданье,
Метали копья со всего плеча.

Метнул и он, прищурившись от света,
Свое копье. Силен был человек, —
Из каменного века предок этот
Копье закинул в наш, двадцатый век.

1940

ОСЕНЬ В ПАРКЕ

В баgreц и бронзу всю планету
В сумятице дождей убрав,
Здесь скорбно увядает лето
Над желтизной погибших трав.

И листья кленов, как ладони,
Здесь к солнцу тянутся дрожа...
Горит на дальнем небосклоне
Рябин малиновый пожар.

Здесь меж стволами запах прели,
Грибовый холодок, и близ
Беседок золотой метелью
Шуршит под ветром палый лист.

Пройдемся по аллеям хмурым —
Там сторожа у скамь пустых,
Где зябко мраморным скульптурам,
Снимают и увозят их.

1940

* * *

Как на родине? Осень.
В скирдах рожь на полях.
По-над золотом просек
Журавли в облаках.

Где родные равнины,
Милый с детства простор,—
Знамя алой рябины
Вынес ввысь косогор.

Ей гореть не сгорая,
Ярче алой зари.
По зиме прилетают
На нее снегири.

Скажет каждый прохожий,
Стороны моей гость:
До чего же похожи
На багряную гроздь!

В крепких валенках русских
Он пройдет на виду,
И снежок, как капуста,
Захрустит на ходу.

Только мне-то не скоро,
Обойдя все пути,
По родимым просторам
Легким шагом пройти.

Край любимый в тревоге,
Слезы в тихом дому.
Заплутали дороги,
Дали в рыжем дыму.

По-над дымной долиной
На рябины взгляну.
Как знамена, рябины
Нас зовут на войну.

1941

* * *

Через края сосновых станций,
Спокойных рек, седых берез
Невидимую нить пространства
Мотал локтями паровоз,

Чтоб на безвестном перегоне,
Где дали синие легки,
Встал семафор на снежном склоне,
Урал открыв из-под руки.

1941

* * *

Как долго мы не получали писем!
Уже сентябрь — осенняя пора.
Леса стоят расцветки яркой, лисьей.
В траве сверкает иней по утрам.

А где-то там, за Вологдой зеленой,
В лесах родной затерян городок.
Мамаша ждет, наверно, почтальона:
Не шлет ей что-то весточки сынок.

Опять дорога письма затеряла.
Тяжелые бои идут вокруг.
И поезда с Московского вокзала
На Вологду отправятся не вдруг...

1941

* * *

Когда-нибудь и мы домой приедем,
А если нет, пускай тогда о нас
Домашние, знакомые, соседи
Своим детишкам поведут рассказ.

О том, как мы в сражения ходили,
Любили жизнь и пали потому,
Что больше жизни родину любили,
Ее не уступая никому.

А если кто из нас, счастливый парень,
Домой вернется, пусть гостей зовет,
Пускай бутылке в донышко ударит
И водку по стаканам разольет.

И выпьют все, и пусть течет беседа
О судьбах мира и о днях боев,
О тех, что не увидели победы,
Но очень крепко верили в нее.

1941

ГРАНАТА

В скорлупе с чугунной спинкой
Не простое яйцо,—
Брызнет огненной начинкой,
Только дерни за кольцо.

Если в бой пойдут ребята
И пойду я с ними в бой,—
Ты очистишь мне, граната,
Путь в бою перед собой.

А окружит враг проклятый,
Не прорваться из кольца,—
Ты спасешь меня, граната,
От позорного конца.

1941

ДОЖДЬ

Осень. Листья на панели.
Город в тучах над Невой...
Проникает сквозь шинели
Дождь осенний затяжной.

Только пусть, под ветра свисты,
Льет холодный он и злой.
«Каково сейчас фашистам?
А для нас он свой, родной!..»

Сентябрь 1941 г.

* * *

Может, мне и осталось всего
Путь-дорога к немецким окопам,
Танк разбитый, разрывы кругом,
Крови след на поблекшей осоке.

Он ведет, убегая, в лесок,
А в конце, там, где холм муравьиный,
Мне придется улечься в песок,
Под деревьями руки раскинув.

И в опавшей листве золотой
Надо мною в тяжелом безлюдье
Прорастет березняк молодой,
Через ребра распавшейся груди.

20 сентября 1941 г.

ОСЕНЬ

Широким журавлиным клином
Последний выбит летний день.
Погреться у костров рябины
Сошлись избушки деревень.

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора.
Как будто мир пришли оплакать
Кричащие в полях ветра.

Над красноватым эшелоном
Дымки — прощальные платки.
Мелькают в глубине вагонов
Шинели серые, штыки...

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —

На поезд смотрит без движенья,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенье
И древняя, как мир, тоска...

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать Россия,
Глядишь вослед своим сынам?..

1942

ПИСЬМО

Вот сижу я с твоим письмом,
В нем привет ото всей родни.
Прочитал, и пахнуло теплом
Возле танка холодной брони.

Будто нет между нами верст
Снеговых, что ветрами звенят.
Встал в пяти шагах Белозерск
С домом нашим возле меня.

Медной лампы огонь скупой,
Вижу, в комнате нашей горит,
И с тетрадами столик твой,
И сидишь ты над ним до зари.

А за окнами темнота.
Через озеро в шум пурги
Прочь уходит моя мечта,
Еле слышно ее шаги.

Надо много пройти дорог,
Много битв, много трудных дней,—
Пусть далек родной городок,
Он от этого мне родней.

Будет день, я вернусь опять
В дорогие мои края
И скажу тебе: «Здравствуй, мать,
Бой окончен. Вернулся я».

А пока я кладу конверт
В боковой карман на груди,
И теплей мне в мороз, поверь,
И яснее даль впереди.

1942

* * *

Дымные твои просторы,
Труб фабричных окруженье, —
До свиданья, славный город,
Грозный город оружейник!

На платформах часовые
В ватниках и шлемах черных.
Танки высятся стальные
Под брезентом на платформах.

Рвется в двери хвои запах,
Пролетают полустанки.
Мчит без усталости на запад
Эшелон тяжелых танков.

И от гор до самой Волги
Над землей февральской снежной
Люди смотрят взором долгим,
И растет в сердцах надежда.

1942

В ЗЕМЛЯНКЕ

Что ж молчишь ты, товарищ бедовый,
И задумчиво смотришь в огонь?
Лучше с песней в землянке сосновой
Разверни на колене гармонь.

Отгремят как тяжелые грозы,
Беспокойные эти года,
И к родным белозерским березам
Нас еще унесут поезда.

Там родные просторы безбрежны,
И летит над просторами прочь
Ветер Ладоги, ветер с Онежья
До Архангельска, в белую ночь.

Нам ли хмуриться грустью безвестной?
Как-нибудь проживем, ничего...
Здравствуй, тихая, светлая песня,
С говорком вологодским на «о»!

1942

КОСТЕР

В перелеске давно рассвело,
Мы костер разложили с утра.
Хорошо нам сидеть у костра,
Забирая горстями тепло.

Это очень похоже на дом,
Можно, сидя на хвое, вздремнуть...
И танкист задремал над огнем,
Улыбаясь устало, чуть-чуть.

Он сидел на разбитой сосне,
Улыбаясь сквозь пламя костра.
Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора;

Дом знакомый, тропинка к нему,
В палисаде рябина да клен,
И девчонка как песня в дому —
Та, в которую парень влюблен...

Но сигнал пролетел над леском:
Звали нас боевые пути.
И поднялся уже над огнем
Паренек, воротник опустив.

Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами взметнулась зола,
И к машине ушел от костра,
Зачерпнув на дорогу тепла.

1942

НА НОЧЛЕГЕ

День короткий, путь далекий,
А над домиком дымок.
Мы к хозяйке черноокой
Забрели на огонек.

Самовар золотозубый,
И медали на груди...
«Скидывай, ребята, шубы,
В красный угол проходи!

Ты прости нас, молодая,
Мы к тебе — как в дом к себе.
Может, взвод располагает
Твой мужик в моей избе...»

1942

* * *

Издали рывкают гулкие пушки,
Люди не спят в этом раннем часу.
Танки стоят на зеленой опушке,
Словно слоны в африканском лесу.

Так вот и кажется, хобот вздымая,
Вдруг затрубят от звериной тоски.
В чаще лесной, среди зелени мая,
В горькой полыни лежали стрелки.

Душу гнетет ожиданье, томленье.
Черт его знает, как время ползет!
Скоро ли, что ли, приказ в наступленье,
Чтобы — вперед! Без раздумья — вперед!

1942

* * *

Обвалились небесные хляби,
Фронтovou дорогу гвоздя...
Мне припомнился город Челябинск
Весь в столбах голубого дождя.

И девчонка с туфлями босая
В подворотне случайно со мной,
И, плечами друг друга касаясь,
Разговор ни о чем под стеной.

А потом над рекою Миусом
Поцелуй. В кино шепоток.
Расставанье. И горлинкой грустной
Прозвучавший с перрона свисток.

Паровоза ответная песня,
Полный ветра и стука вагон,
И над поездом дождик отвесный,
Вслед летящий второй перегон...

Обвалились небесные хляби,
Льет вода через щели под люк...
Почему-то я вспомнил Челябинск
И девчонку далекую вдруг.

1942

ПЕСНЯ О ЛОШАДИ

Жарким осколком снаряда
Шею пробил у ней.
Смотрит тоскующим взглядом
С крупной слезой на людей.

Алая кровь, как брусника,
Тянется вслед через мох...
Молча, без стопа и крика,
Еле не валится с ног.

Вот и окончена служба
И лошадиная жизнь...
Стоило ль в зимнюю стужу
Хвою промерзлую грызть?

В снах на коротких привалах
В редкие видеть часы
Трав голубые завалы
И золотые овсы?..

Смотрит с тоской человеческой.
Взрывы грохочут кругом.
Свист смертоносной картечи
Ей уж теперь нипочем.

Вечером выйдет детина,
Вскинет к плечу автомат,—
Будет на ужин конина
Для уцелевших солдат.

1942

КАРТЫ

Трудный день окончен в школе,
Вечер темный за окном...
Погадай, родная, что ли,
Карты разложи кружком.

Карты врут, а сердцу легче,
Сядь поближе у огня,
Погадай за день истекший
На бубнового меня.

Только карта все плохая,
Вижу, дрогнула рука:
Справа падает лихая
Дама черная — тоска.

Слева дальняя дорога
Да казенный интерес.
Снова на сердце тревога —
Туз виной, шестерка крест...

Но, быть может, в этот вечер
Средь других, едва видна,
Предвещающая встречу
Карта ляжет хоть одна.

Хоть одна, война не вечна,
Мир наступит над землей,
И вернусь в далекий вечер
Я, согласно карт, домой.

1942

* * *

Не с немцами воюем, а с болотом,
Здесь танки тонут, но мы их ведем,
Ведь кровью обливается пехота
Под пулеметом на снегу седом.
Под минами мостим из бревен гати,
На скорости замедленной ползем.
Хрипя в укор солдатские проклятья,
Дорваться бы, пробраться, а потом...
С раскрытым люком без разбора
По лесу пулеметами хлеща,
Всю силу выжимая из мотора,
Ворваться в деревеньку, и с плеча
Бросать в казенник веские снаряды,
И стервенеть, и напролом вести
Пятидесятитонную громаду,
Сминая все на яростном пути.

1942

* * *

Зачем руда сто тысяч лет
В земле томясь лежала, зрела,
И рудокop ее на свет
Извлeк своей рукой умелой?

В вагранках плавили руду,
Усталый токарь слиток стали
Точил, и в роковом году
Снаряд на дальний фронт послали.

Был страшен взрыв, и не вздохнуть,
Осколком грудь моя пробита.
Зачем руда далекий путь
Прошла, чтоб мне лежать убитым?

1942

* * *

Далеко течет река Шексна,
Болги нареченная сестра.
Я ее увижу только в снах
Редких и коротких у костра.

Высоко зеленая звезда,
Свет ее сияет над Шексной.
Легкая певучая вода
Очень схожа цветом со звездой.

Белые березки на лугу,
Русские, знакомые до слез.
Так же вот на дальнем берегу
Шелестит листва родных берез...

Сядь же рядом, друг, поговорим,
Что-то смолк в лесах орудий гром.
Полчаса осталось до зари,
Тишина, знать, не перед добром.

Видишь над Ведлозером пожар,
Знать, отходят наши, тяжело.
Яростен врага слепой удар,
Много здесь товарищей легло...

Ты откуда сам, с реки какой?
Трудно... На войне как на войне!
Если что, поклон последний мой
Передай моей реке Шексне.

1942

* * *

...На картах не гадай, к чему
Себя надеждой тешить глупой.
В родном краю, в моем доме
Пусть обо мне поплачут скупно.

Вернусь, так, значит, нужно так,
Так хорошо, когда не ждали,
Прийти живым из мглы атак,
Из фронтовой грозовой дали.

Без стука двери распахнуть
И встать неслышно на пороге,
С сапог солдатских отряхнуть
Пыль дальней боевой тревоги.

1942

* * *

Хочу, чтобы меня вело
По всем высотам вдохновенья
Мое прямое ремесло
Танкиста и бойца умение.

Как пулеметная строка,
Ложитесь на бумаге, строки,
Лети, мой стих, издавека,
Все пережив на свете сроки.

Не ради слов, не славы для,
Явись к потомкам и поведай
О нас, пусть вспомнит нас земля
В час искупленья, в час победы!..

1942

* * *

С броней танкисты дружат третий год.
Она в боях ребят не подведет.
Ее отцы и деды на Урале
Сварили сами, сами отковали,
И матери на тихих полустанках
Крестили поезд, в бой везущий танки.

1943

ПЕРЕД АТАКОЙ

Не будешь думать вновь и вновь,
Коль за атакой вновь атака,
Про жизнь и первую любовь,
Когда устал ты как собака.

Когда настывшая броня
Прикосновеньем обжигает,
Теплом табачного огня
Когда лишь душу согревают.

Когда на все нам наплевать,
Лишь только бы скорей ракета,
Чтоб заряжать, хрипеть, стрелять,
Но лишь не ожиданье это!

1943

ЭТО БЫЛО 19 МАРТА 1943 ГОДА

Над Ладогою шла весна.
Был март. И снег ложился мокрый
На сосны мачтовые, на
Весь приозерный дикий округ.

С пяти до десяти была
Артподготовка. Сосны срезав,
Передний край врага мела
Гроза огнем, свинцом, железом...

Сигнал атаки прозвучал
Открытым текстом в шлемофонах,
И лес разверзся, зарычал
И двинул вдаль слонов по склонам.

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

Так высота взята была.
И вылез командир из башни,
Взглянул — сожженная дотла,
Земля лежала правдой страшной...

На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родится.

1943

КАРБУСЕЛЬ

*Памяти товарищей,
погибших под Карбуселью*

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым след не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить!..

Прогремели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
Завтра мы возьмем Карбусель!

1943

ПЕСНЯ О КОЧЕГАРЕ

Мы себе ее переложили —
Песенку, в которой моряки
В море кочегара хоронили.
А у нас ни моря, ни реки...

Нету кочегара, но механик
Рычагов не в силах удержать.
От него напрасно ждет в Рязани
Писем озабоченная мать...

Песню мы певали вечерами, —
На рассвете снова жаркий бой.
Знали мы:
Кого-то между нами
Ждет напрасно мать к себе домой.

Потому и пелось нам особо:
Может, про себя ее поешь,
Может быть, в брезентик вместо гроба
Друга завтра в полдень завернешь...

Но хотелось очень, чтобы стало
Все не так, чтоб мать-старушка нас
Все-таки с войны домой дождалась.

Песня, песня, где друзья сейчас?..

1943

* * *

Все болота, болота...
На вершки, на шаги
Здесь считает пехота
Расстоянье до Мги.

Словно черные свечи,
Ели в черных снегах,
А за черною речкой
В черном зареве Мга.

Там за речкою дзоты —
В семь рядов семь траншей.
Через все ты, пехота,
К ней пробиться сумей!

Через снег и трясины,
Где зимою вода,
Где все мины да мины,
Ты ни ступишь куда;

Где лежат в маскхалатах
На снегу снайпера
И стучат автоматы
От утра до утра.

1943

* * *

В танке холодно и тесно.
Сыплет в щели снег-пурга.
Ходит в танке тесном песня
Возле самого врага.

Крутит мерзлыми руками
Ручки круглые радист.
Из Москвы, должно быть, самой
Звуки песни донеслись —

Через свист и вой снарядов,
Через верст несчетных тьму.
В песне той живет отрада
Во высоком терему...

Хороша та сказка-песня,
Но взгрустнул водитель наш:
— К милой я ходил на Невский,
На шестой, друзья, этаж...

И пока гремят снаряды,
Горизонт за Мгой в дыму,
В Ленинград к моей отраде
Нету ходу никому.

Вот пойдем, прорвем блокаду,
Путь откроем в город наш,—
Закачусь к своей отраде
На шестой, друзья, этаж!..

А певец поет, выводит,
Так и хлещет по сердцам...
К ней никто не загородит
Путь-дорогу молодца!

1943

* * *

Ночь бела. Закат идет в рассвет.
Отсвет звезд на башнях громобойных
Из далекой тьмы прошедших лет
Светит нам через года и войны.

Он сиял, быть может, тем войскам
Боевым на поле Куликовом,
По шеломам и стальным щитам,
За Непрядвой, от зари багровой.

Может, где-нибудь зажглась звезда,
Свет ее идет из дымной дали
И дойдет к земле через года.
На какой он засияет стали?..

1943

* * *

Матери, Екатерине Яковлевне

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнем.
Может, с картами согласно,
В чаще рыжей, в тьме ночной
Огонек забрезжит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань, избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать-старушка
Нагадала в карты мне?»
Хорошо в лесной землянке
Сапоги у печки снять,
Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная,
Дождь стекает по броне,
Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне...
«Ни огня, ни темной хаты»
В карты старенькие, знать,
Нам, неверящим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

1943

* * *

Мир вспоминали в танке тесном,
И грусть неожиданная пришла
О том, что легкою, как песня,
Жизнь наша до войны была.

Так из глубин траншеи небо
Солдатам кажется синей —
Похож на сказочную небыль
Клин серебристых журавлей.

Сентябрь 1943

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды
И «мессершмитт» пронзительно гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И посмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам, невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек.

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий навек моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, разметав чубы.

1943

О СЧАСТЬЕ

Сейчас бы закурить одну
На экипаж на весь сигарку,
По очереди дым тянуть,
Чтоб губы обжигало жарко.

Потом разуться у костра
И просушить свои портянки,
Потом забраться до утра
И дрыхнуть на сиденье в танке.

А утром с кашей из полка
Из дома принесли б открытку...

Для счастья мне всего пока
Довольно этого с избытком.

1943

* * *

Кузнечики стучат в траве,
Как танки вдалеке.
Молчат тяжелые «КВ»
В густом березняке.

В высоком небе белый след
Как тропка через лес...
Зенитки самолету вслед
Пятнают свод небес.

Шум на дороге фронтовой,
Стучит она, гремит...
Регулировщик под сосной,
Как стрелочник, стоит.

Поднимет флаг — и путь открыт!
Другой поднимет — стой!
Пылит, сверкает и гремит
Денечек фронтовой.

1943

* * *

Идут солдаты, от сапог
До плеч белы в пыли,
Среди исхоженных дорог
По лону всей земли.

Деревья шелестят в лесах,
Звенит в ручье волна,
Звезда мерцает в небесах
Им по ночам одна.

Всегда одна, всегда одна
Средь фронтовых ночей.
Всегда видна, всегда видна
В пять пламенных лучей.

1943

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

За нами где-то по дорогам тыла
Шли танки и машины по ночам.
Пехота, растянувшись, подходила
И молча рассыпалась по лесам.

А здесь в окопах, на переднем крае,
Была такая всюду тишина,—
Казалось нам, оглохшая, слепая,
Устав от шума, спать легла война.

На солнцепеке улеглась на бруствер,
На срезанную минами траву...
Солдаты брились, пели песни грустно,
Писали письма в Киров и Москву.

Нас все же — необычная, большая —
Тревожила знакомостью она,
Пока мы не припомнили: бывает
Перед грозой такая тишина...

1943

ПЕСЕНКА

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да березку белую.

Что не сделал, то друзья
За меня доделают.
Расцветет, где лягу я,
Цвет-березка белая.

Только кто утешит мать
В день, когда, долинная,
Будет Русь сынов встречать, —
Кто заменит сына ей?

Кто откроет, как всегда,
В дом к ней дверь широкую?
Кто обнимет мать тогда,
В праздник, одинокую?

1943

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Всё по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

1943

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина...
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

1943

КУКУШКА

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года.

Но все-таки кукушку мы спросили,—
В приметы верят люди на войне,—
И вот по двадцать лет провозгласила
Нам здравствовать кукушка в тишине.

И про себя подумали солдаты:
«Когда наступят тишь и мир кругом,
Мы, может, до годов шестидесятих
По предсказанью птицы доживем».

Но вслух никто не вымолвил про это,
Шли молча, пригибая краснотал...
— Какая все же глупая примета,—
Один из нас насмешливо сказал.

Но думал каждый: «Доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне,
И эти двадцать лет в лесу тревожном
Накуковала птица только мне».

1943

ДРУЖБА

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.

О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освященной алой кровью,
Солдаты вслух не говорят.

Ей клятв о верности не нужно,
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папираса на двоих.

1943

НА МАРШЕ

Пыль позади на сотни метров,
Песок скрипучий на зубах,
Машины дышат жарким ветром,
И рычаги горят в руках.

Прилечь бы на траве сожженной,
Хоть на обочине, в пыли,
Уснуть, не сняв комбинезона,
Из рта не выплюнув земли.

А мы спешим, спешим на запад,
Как будто там, где пушки бьют,
Прохлады тополиный запах
И долгий отдых выдают...

Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес.
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты...
И молнии лежат в кассетах,
Из меди звонкой отлиты!

1943

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пусть машина остывает.
Мы все перенесем с тобой, —
Мы люди, а она стальная...

1943

* * *

Тополь встанет молодой,
Рожь взойдет над головой,
Журавли перо обронят,
Вдаль летя своей тропой.

Будут лить дожди косые,
Будут петь снега...
Будет жить твоя Россия
Всем назло врагам.

Вырастут на свете люди,
Что еще не родились.
Смерти никогда не будет —
Будет жизнь!

1943

* * *

Потомок наш о нас еще вспомнит
В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.

Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров
И как ракеты толком начинали
И посылали предки на врагов,—

Он скажет так (и прав, пожалуй, будет,
Лишь по преданьям знающий войну):
— В тот дальний век изобретали люди
«Катюшу» для полета на Луну.

1943

* * *

Есть на Шексне далекой
Просторная изба
Под крышей невысокой
Причудлива резьба.

А за лесами где-то —
Огни со всех сторон,
С заката до рассвета
Дерется батальон.

Идут «тридцатьчетверки»
Сквозь синеватый дым,
Орудия с пригорка
Плюют огнем по ним.

Не вскрикнет враг подмятый,
В дыму, в земле, в крови,
Когда кричат ребята
Водителю: — Дави!

Он все сомнет и вспашет,
И скажет в микрофон:
— Порядок в части нашей
Повсюду быть должён.

Он и мамаше тоже
Напишет: «Жив, здоров,
В порядке всё. Сережа,
Твой сын»... Всего семь слов.

А на привале ночью
Как вспомнит — загрустит...
Знакомый домик отчий,
Далекие пути.

Старушку, мать родную,
Зеленую Шексну,
Березку золотую,
Родную сторону...

Ой, не легка дорога
К родной реке Шексне,
В походах да тревогах,
В снегах, в дыму, в огне!

Лежит перед солдатом
На запад горевой
Сквозь смерть и дым кудлатый,
Через трехсотый бой.

Он все пройдет: сквозь воды,
Огни, сквозь всю войну,
Вернется из похода
На светлую Шексну.

1943

СТИХИ О ПЕРЕПРАВЕ

1

Он первый встал на берегу крутом.
Хотелось берег целовать. Но сразу
Он лег за рыжеватым бугорком
И бил из пулемета без отказа.

Когда же холодеющая кровь
Окрасила желтеющие травы,
Он увидал, подняв устало бровь,
Как тысячи пошли на берег правый.

2

Разбиты взрывом гордые мосты,
Стальные фермы под водой ржавеют,
И лишь быки угрюмо с высоты
Глядятся в Днепр, над волнами темнея.

Где яркие ракетные огни,
Где день и ночь грохочет берег правый,
Навеки берега соединив,
Легла на Днепр широкий переправа.

Настил дощатый, сбитый топором,
Перила невысокие шершавы...
Ее зовут торжественно мостом
Строители суровые по праву.

Да не легко из камня класть быки,
Стальные фермы возносить над ними,
Чтоб поезда через простор реки
Летели по мостам в огне и дыме.

Но этот мостик, шаткий и простой,
Где ЗИС едва ли пробежать сумеет,
Построить было ночью огневой
В сто тысяч раз, пожалуй, тяжелее!

1943

* * *

Песня — что-то вроде костра,
Золотому огню сестра.

Соберет она на привале
В тесный круг на лугу солдат
И, подвластная запеваляе,
Грянет в небо, гармонии в лад.

Вот солдаты идут на песню
Как на светлый огонь костра.
Никому у нее не тесно
И не холодно до утра.

Отогрели сердца, как руки,
И легко нам и хорошо.
Пусть четыре года разлуки —
Мы, друзья, подождем еще.

Пусть греметь на пути пожарам
И смертям не стихать... Пройдем!
Ведь поется в песне не даром
О хорошей встрече потом...

1943

* * *

Жил на свете, не скучал
В офицерском звании,
Пулю-дуру повстречал
Родом из Германии.

Покачнулся белый свет,
Ничего на свете нет.

1943

* * *

Осенняя ночь темна,
Лесная землянка тесна.
Копилка мигает тоскливо
Под всхрапы солдатского сна.

Им снятся хорошие сны,
Как будто вдали от войны
Идут они полем с работы
Домой посреди тишины...

Солдату и радости лишь —
Минутку когда улучишь,
Поел, покурил, просушился,
На нары свалился и спишь.

В землянку ворвавшись с дождем,
Сейчас мне кричать им: — Подъем! —
И, светлые сны обрывая,
Бежать им к машинам бегом.

Когда-нибудь после войны
Досмотрят они эти сны.
Я громко кричу: — Подымайся!
Вы что, на печи у жены!..

1943

* * *

Ходят тучи сизые до злости,
Дождик начинается вдали.
На болотах в теплый край, как в гости,
Стаи собирают журавли.

Вся в крови над речкою рябина,
Все березки тонкие в бинтах.
Как кабан, тяжелая машина
В землю врылась в реденьких кустах.

Гром приходит, ударяя оземь,
Из-под ног его летит земля.
Наступает фронтовая осень
На родных израненных полях.

1943

* * *

Всю ночь обрушивались наземь
Разгневанные небеса.
Всю ночь ракетами за Нازیей
Враг освещал в упор леса.

Он разглядеть упрямо силился
Чего-то в темноте не зря.
Всю ночь тянули пушки «виллисы»,
Разбрызгивая лихо грязь.

Пехота шла в траншеи длинные,
Промытая дождем насквозь.
Накапливалась в первой линии
Траншей — уверенная злость.

И день пришел полоской узкою
Рассвета, как приказ вперед.
Тогда обрушилася русская
Земля на немца в свой черед.

В шинелях серых с автоматами
Пошла в атаку напролом
И впереди нее раскатывал
Из раскаленной стали гром.

1943

В ПОДБИТОМ ТАНКЕ

Морозной ночью в тесной башне
Броня от холода горит.
О чем-то мне ненастоящем
Товарищ тихо говорит.

Тепло товарищ вспоминает...
Он врет, нет на земле тепла!
Одна пустыня снеговая
Вчера и завтра, снег и мгла.

И я кричу ему: — Отставить!.. —
Но знаю — тыщу метров нам
Лишь до тепла, но танк оставить?..
Нет! Коченей назло врагам.

Сиди и бей из пулемета,
Чтоб пальцы на крючке свело.
А коль не подойдет пехота,
Зажгут нас, — будет нам тепло.

1943

* * *

Когда над фронтом наступает ночь
И в небе загораются ракеты,
Они встают, идут от фронта прочь,
Белесыми туманами одеты.

Из ржавых вод, из голубого мха,
В истлевших гимнастерках и пилотках,
Они встают. Беззвучна и тиха
Солдат убитых тяжкая походка.

Они проходят мимо часовых
Бессонных у замолкнувших орудий.
Они зовут по именам живых,
Но их не слышат все живые люди.

Их вдаль ведет извечная тоска
К жилищам мирным, к отческому дому.
Они спешат. Дорога далека
По перелескам темным незнакомым.

Но их в пути вдруг застает рассвет,
Петуший голос на краю России.
И на восток пути им больше нет
Через поля широкие пустые.

Тогда спешат они к своим местам
В безвестные холодные могилы.
И воронье взлетает по лесам
И вслед кричит им хрипло и уныло.

Но если кто успеет дошагать
По тропам тайным в то село родное,—
Проснется ночью старенькая мать
И взор ее наполнится слезою.

У ней в ту ночь прибавится седин,
В окно глядеть старушка будет долго:
Почудилось, что в двери стукнул сын,
А это ветер в дверь стучит щеколдой.

И станет долго во дворе скрипеть
Сыпучий снег, стучать в ворота ветер,
В трубе печной о чем-то долго петь...
И женщина уснет лишь на рассвете.

А тот солдат останется навек
Под небесами отческого края.
И станет там кричать, как человек,
Осенний ветер, по полям летая.

1943

* * *

Вокруг весна беспутная летела,
От нетерпенья жгучего дрожа,
И даже медь на гильзах зеленела,
И прорастали бревна в блиндажах.

А мы стояли над могилой кругом,
Она как двери рубленой проем
В тот мир, откуда нет возврата другу,
Где и весна и зелень — ни при чем.

Ему теперь ни осени, ни лета
Не увидеть над самой головой, —
Навек в шинель сосновую одетый,
Он навсегда остался с той весной.

1943

ЗЕМЛЯНКА

Осточертелая землянка,
Знакомо все наперечет:
Солдат усталых перебранка,
Песок за шиворот течет.

У входа стукнешься затылком
О слишком низкий потолок,
Дымят печурка и коптилка,
На бревнах сажи на вершок.

Рубахи сняв и гимнастерки,
Дружки над печкой их трясут,
Портянок запах и махорки —
Знакомый фронтовой уют.

Но и такой он нам, бывает,
Когда грохочет долгий бой,
Покажется солдатским раем,
Поэта золотой мечтой.

1944

* * *

Спят солдаты крепким сном
Под тремя накатами.
Снится им знакомый дом,
В нем гремят ухватами.

Мать хлопочет над огнем,
Как всегда, торопится.
Кот мурлычет под столом,
Печка жарко топится.

Ребятишки сели в ряд
За столом без скатерти,
Мокроносые, сопят,
Ждут еды от матери.

Вдруг за окнами скрипят —
Слышат, сани-розвальни.
Входит в дом родной солдат
С клубами морозными.

Сквозь огонь лихих годин
К ним прошел сквозь муки он,
Жив-здоров и невредим,
Валенками стучает...

Но гремит в полях война
Над тремя накатами.
Позабыта тишина
И во сне солдатами.

И, быть может, через час,
Так ли, по тревоге ли,
Прозвучит опять приказ
Выйти в путь-дорогу им.

И пойдут вперед они,
Тихие и строгие,
На ракетные огни
Все одной дорогою,

Что через бессчетный бой
За село, высотку ли
Приведет солдат домой
Долго ли, коротко ли...

1944

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЯНКОЙ

А мы в землянке обжились
И называем нашим домом,
Как будто в ней живем всю жизнь
И жизнь иная незнакома;

Как будто нары в два ряда,
Скрипучий стол — стоят от века,
И не придумать никогда
Жилья иного человеку.

А нынче мы бросаем дом...
Чтоб масло разогреть и воду,
В костре столы и нары жжем,
Машины на ветру заводим.

Мы не вернемся вновь назад:
Мы этот день два года ждали.
Ракеты к западу летят,
Зовут грохочущие дали.

Мы рады покидать свой дом.
Прощай, землянка, мы уходим!
Пусть зарастает лопухом
Тропинка торная при входе.

1944

МГА

Где пройдет лишь одна пехота,
Утопая во мхах на бегу,
Танки мы вели по болоту
Сквозь пургу на станцию Мгу.

Рычаги натрудили плечи,
У механиков злость одна:
Встали мы перед Черной речкой,
Без воды она и без дна.

Через чертову Черную речку
Нет ни брода и ни моста.
Забросать и засыпать нечем,
Только мы не отступим так!

В жидкой грязи почти по пояс
Мы работали на ветру,
До бровей льдом и инеем кроясь,
И к рассвету, почти к утру,

Мы засыпали эту прорву
Всем, что под руку попадет.
Иступленно взвыли моторы.
Танк, казалось, в торфу плывет.

И на берег ступивши чадный
Мы не чувствовали уже,
Что курнуть и погреться надо,
Что одежда на нас, как жечь.

Занимали места без сигнала...
Где-то близко, в дымных снегах,
Нас два года прождав, лежала
Пресловутою ставшая Мга.

1944

ТАНКИ В НОВГОРОДЕ

Мать — новгородская София...
Стены опаленного кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля.

Громящая тяжкою бронею,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон.

1944

ЗЕМЛЯ НОВГОРОДСКАЯ

1

Сердца стук как короткий стон...
Хоть на тридцать минут бы в сон,
Чтобы встала дорога вдруг,
Чтобы тихо было вокруг,
Чтобы вылезти из-за рычагов
Лишь на тридцать минут всего.

Но навстречу леса, поля,
Новгородская мать-земля,
Села древние без людей
Молят будто: приди скорей!
Оскверненная старина...
Сердце, сердце, нам не до сна.

2

На стене одного новгородского дома
я увидел надпись: ESPANA.

Здесь на фасаде рухнувшего зданья
Широкой кистью, буквы вкривь и вкось,
Написано старательно «Эспанья», —
Читать мне эту надпись довелось.

Танкист полковник, подошедший с нами,
Остановился вдруг перед стеной, —
Он, может, вспомнил камни Гвадаррамы,
Горячий полдень и далекий бой.

Парней черноволосых астурийских,
С которыми на танке в бой ходил,
На отдыхе на ломаном английском
О дорогой России говорил...

А рядом, в старой колее колесной,
Отвергнутый далекою страной,
Весь темнолицый и черноволосый,
Лежал солдат «дивизьи голубой».

3

Тысячелетия России
Разбитый памятник в снегу
И купола святой Софии —
Мы все запишем в счет врагу,
И через Волхов мост старинный
Мы им напомним в этот час,
Когда о взятии Берлина
Над миром прозвучит приказ,
И мать городов старинных
Простит нам прошлые дела,
Когда на поруганье им мы
Ее отдали купола...

1944

* * *

Металл сгорел, и пусто в черной башне,
Перегородки выплавил огонь.
Пусть день назад он шел вперед бесстрашно —
Прямым ударом раскрошило бронь.

Пробит мотор и развернуло баки
Взрывной волной и силою огня.
Термита прожигающего знаки
Хранит на башне толстая броня.

Пробита пушка, заржавели траки.
Над блиндажом поднявшись на дыбы,
Вот так и умер он, в разгар атаки, —
Огнем борта и души прожжены...

1944

* * *

Он ничьих не называл имен
Перед смертью в душном медсанбате
И не звал в атаку батальон,
Тщетно поднимаясь на кровати.

Адресов в планшете не нашли,
Слез никто не обронил под вечер,
Холмик рыжей глинистой земли
Не спеша насыпали на плечи.

И ушли, а в небе тучка шла
И неслышно, будто мать над сыном,
Словно слезы, скорбна и светла,
Уронила крупные дождины.

1944

ТАНКИСТ

Пистолет из рук не выпуская,
Выскочил из люка, задыхаясь,
На пути двоих убил гранатой
И приполз, а на лице нет кожи,
И врачи сказали в медсанбате:
Этот парень вряд ли выжить сможет.

С губ слетело хрипкое проклятье:
Значит, полз и принимал все муки
Для того, чтоб умереть в кровати,
На груди сложив спокойно руки...
Смерть пришла, назвал ее бесстыжей,
Жить решил назло всему, — и выжил.

1944

* * *

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин «КВ» ушло в атаку.

Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.

Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.

Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата.

Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.

1944

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей.
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей.

1944

* * *

Жить от атаки до атаки,
Мечтать о письмах и тепле
И не отдать огонь бивака
За все удобства на земле.

Мы знаем хлеба с солью цену
И сладость из ручья воды.
Что перед ними всей вселенной
И яства и садов плоды!

1944

* * *

Любители костра и солнца,
Нарубим топорами дров...
Сосна звенящая, как бронза,
И к ней бересты серебро.

Дым, голубой и горьковатый,
Куриться будет до утра.
Огнепоклонники-солдаты,
Мы сядем кругом у костра...

Деревья тянут лапы-ветки,
Из-под ресниц хвои глядят:
Вот так сидели наши предки,
Наверно, тыщу лет назад.

По ним гулял священный трепет,
Огонь ладони им лизал,
А на болоте плакал стрепет
И ветер травы подрезал...

И нам огонь, как предкам, дорог,
И мы, как предки, на земле
Спим. Роем в ней землянки-норы.
Тоскуем вечно о тепле.

И в злую непогодь и стужу,
Промокшие насквозь, на нем
Портянки и одежду сушим
И согреваемся огнем.

И даже далеко за гранью
Походных лет и всех боев
Нас будут греть воспоминанья
О золотых огнях костров.

1944

* * *

А было, под Волховом синим
В крови поднимался рассвет.
Завязшие танки в трясине
И черные ленты ракет.

Болота, болота, болота,
За каждую кочку бои,
И молча в отчаянных ротах
Друзья умирают мои.

Ползут по кровавому следу,
По черному снегу полки,
Лишь веруя сердцем в победу,
Рассудку уже вопреки...

1944

* * *

Я своих фотографий тебе не дарил
И твоих не просил с собой,
О тебе никому я не говорил,
Уходя на рассвете в бой.

Это только поэты пишут в стихах,
Это только в песнях поют,
Будто женская верность на дымных полях
Охраняет солдат в бою.

Ожиданием пули не отведешь,
Заклинать судьбу ни к чему.
Будто ты меня силой любви спасешь,
Я не верю совсем тому.

Позабудешь, устанешь ждать за года...
Если мертвым я упаду,
Схорони, забудь, — я живой и тогда
Непременно назло приду.

1944

* * *

Тонкая российская береза
Посредине полымя, огня,
Ничего, что небольшого роста,
Встала, к небу голову подняв.

Падал, умирая, ветер сбоку,
Шел стеной расплавленный металл,
Будто бы коса траву осоку,
Убивал деревья наповал.

Вся была снарядами изрыта
Черная, чугунная земля.
Били танки кованым копытом
Вкруг нее долины и поля.

А она стоит себе, простая,
Будто не бывало ничего —
Белая, лучистая, босая,
Вечной жизни свет и торжество.

1944

* * *

А мы прошли по этой жизни просто,
В подкованных пудовых сапогах.
Махоркой и соленым потом воздух,
Где мы прошли, на все века пропах.

Нас счастье даже в снах не посещало,
Удачами не радовала жизнь.
Мы жили от привала до привала,
В сугробах мерзли и песках пеклись.

Что из того, что там потом поставят
Потомки благодарные навек
Нам монументы?! — Не для звонкой славы
Мы замутили кровью столько рек.

Мы горе, что по праву причиталось
И им, далеким, выпили до дна.
Им только счастье светлое осталось,
И мир всю жизнь, как нам всю жизнь — война.

1944

ОТКРЫТКА

Недели две разыскивала почта
Четырехзначный номер ППС,
И почтальон доставил темной ночью
Открытку в роту, в обожженный лес.

Но адресат погиб на переправе,
И ротный писарь написал в углу:
«Вернуть за невозможностью доставить»,—
И почтальон ушел в ночную мглу.

Она вернулась наконец обратно,
Такой же писарь в блиндаже лесном:
«Доставить невозможно адресату»,—
Отметил молча на углу другом.

Потом подумал: «Час лишь, как убит он»,—
Глазами строчки пробежал и встал:
Все было как положено в открытке,—
О жизни мертвый мертвому писал...

1944

* * *

Пусть о нас вспоминать будут редко,
Пусть потомки забудут о том,
Как за них несчастливые предки
Умирали под Мгой и Орлом.

Все равно в этой жизни далекой
Будем вечно мы жить среди них —
Черноземом на нивах широких,
Кирпичами в дворцах голубых.

В легкой песне берез по дорогам,
На рассвете в прохладной росе,
В ясных реках и травах — во многом,
Без чего нету жизни совсем.

Без чего не сбывается счастье.
Мы придем непременно в него,
В этот век, через дым и ненастье,
Став свободным дыханьем его.

1944

* * *

Когда под пулями лежишь,
Уткнувшись в землю, без движенья,
С особой силой ощутишь
Закон земного притяженья.

Ты двадцать лет ее подряд
Спокойно попирал ногами
И лишь к ручью склоняться рад,
Припав горячими губами.

Ползет по кочке муравей,
И ты, всесильный царь природы,
Ты позавидуешь ему
Лишь одному под небосводом.

Он мал, он в землю уползет,
Его не тронет пуля злая,
Твой друг убит, а он живет,
Ни войн, ни битв не признавая.

Земля, она как щит стальной,
Когда поднимаешься по знаку,
Захочется перед собой
Ее поднять, идя в атаку.

1945

ДЕРЕВНЯ ГОРА

В небе клубы дыма плыли,
Пламя прядало шурша.
Ни одна, когда отбили,
Нас не встретила душа.

По угрюмой и пустынной,
В наступившей тишине,
Люки распахнув в машинах,
Мы прошли тогда по ней.

И забыл ее бы просто
Я — деревню на бугре,
Если бы не привелось мне
За деревнею гореть.

Рыжим кочетом над башней
Встало пламя на дыбы...
Как я полз по снежной пашне
До окраинной избы,

Опаленным ртом хватая
Снега ржавого куски,
Пистолет не выпуская
Из дымящейся руки, —

Не расскажешь в этой песне,
Да и не к чему... Потом
За меня ребята честно
Расквитались там с врагом.

И осталась не сожженной
Деревенька вдоль бугра
На земле освобожденной
По названию Гора.

1945

* * *

Сумрак сел. Соловьи в кустарниках
Промывают горло росой.

Прикрываем башни угарные
И ложимся в ковыль густой —
Прокопченные дымом, потные,
Будто с пахоты тугари.
Хорошо машины работали
От зари до другой зари.

Краска лупится на орудиях,
Кровь как ржавчина на броне.
И вдыхаю широкою грудью я
Запах клевера в тишине.
Все мне кажется — плугом взорвана
За дорогою целина.

«Трактористы» от пыли черные,
В гимнастерках, при орденах...

1945

* * *

Знаю я, в песчаник иль суглинок
Мне придется все же мертвым лечь,
И земли тяжелой пол-аршина
Мне насыпят на воскрылья плеч.

Мне земли не скинуть, столб не сдвинуть,
Но по истеченью многих лет
Стану я песком, пахучей глиной,
И меня тогда на белый свет

Извлечет гончар, веселый, рыжий,
И из глины вылепит кувшин,
На огне меня до звона выжжет
И продаст на рынке за алтын...

И девчонка в жаркий, пьяный полдень,
Встретиться с какой не довелось,
Ключевой водой меня наполнив,
Поцелует, жадная, взасос.

1945

* * *

В полях уже осыпались траншеи,
И стерлись танков тяжкие следы.
Воронки бомб бестрепетно синеют,
Напоминая тихие пруды.

Земля сама свои врачует раны,
Трубят отбой тревоги журавли.
Война давно ушла в чужие страны,
И в городах уже огни зажгли.

Приходит вечер, зоревеют дали,
Кузнечик в травах молодых звенит.
И до конца войны уже остались
Не месяцы, а, может, только дни.

1945

* * *

Учила жизнь сама меня.
Она сказала мне, —
Когда в огне была броня
И я горел в огне, —
Держись, — сказала мне она, —
И верь в свою звезду,
Я на земле всего одна,
И я не подведу,
Держись, — сказала, — за меня...
И, люк откинув, сам
Я вырвался из тьмы огня
И вновь приполз к друзьям.

1945

* * *

Здесь земля дрожала не от страха,
Просто было горестно земле.
Осыпались звезды, как на плаху,
На нее в ночной багровой мгле.

И ложились звезды на сосновых
Надмогильных столбиках тогда.
Но вставали батальоны снова —
На ушанках красная звезда.

Звездная моя земля Россия,
Огненным политая дождем!
Ты их на руках своих носила,
Ты их посылала напролом —

Сыновей своих любимых, кровных,
Может быть, единственных, туда,
Где на дзотах в семь накатов бревна,
Проволока густо в три ряда.

1945

* * *

Над моим родимым краем,
Посреди недвижных вод,
В небе красным караваем
Солнце медленно встает.

И как будто бы с обрыва,
Чей — не вспомнить, как волна,
С лодки крик летит счастливый:
«Люди, кончилась война!»

Подчистую комиссован,
Не убитый, молодой,
Над сиреневой, лиловой,
Над рассветною водой.

Я от солнца глаз не прячу.
В гимнастёрчке стою,
Я стою, смеюсь и плачу,
Белый свет не узнаю.

А у нас в зеркальной шири —
Белый, розовый рассвет.
Тишина. Начало мира.
И войны на свете нет.

1945

* * *

Вновь над курганом Синеуса
Взошла червлёная луна.
Над всею православной Русью
Как круглый русский щит она.

Пускай она в тысячеверстье
Там, за Непрядвою-рекой,
Князей отважных белозерских
Прикроет сталью броневой.

Там небо скрыто в тучах чадных,
Крик над мамаевой ордой,
Князья выводят полк засадный...
О Русь, вот день победный твой!

1945

ПОЕЗД

Простучит по рельсам поезд,
Пронесется эшелон,
В золотых лесах по пояс,
Фонарем мигнет вагон.

Станет вдруг легко и грустно,
Вдаль потянет, позовет...
Кто-то там на полке узкой
Полустанкам счет ведет,

Смотрит в окна долгим взором,
И, повсюду начеку,
Поднимают семафоры
Руки разом к козырьку.

Из Берлина иль из Праги
Едет он к родным местам,
И рябины, словно флаги,
Пламенеют по лесам.

1945

ЖУРАВЛИ

Сыплет ветер северный, раздобрясь,
Золото деревьев вдоль земли,
В Африку, в египетскую область,
Улетают в небе журавли.

Улетят они в страну чужую,
На прощанье обронив перо.
Будут жить, по родине тоскуя,
Зиму проклиная и мороз.

Крокодилы на далеком Ниле
Журавлям напомнят топляки,
Что плывут посередине милой
Северной сплавной Шексны-реки.

Возле фараоновой гробницы,
Там, где пальмы, камни и пески,
Будет им все время север сниться,
Светлые от звезд березняки.

И, презрев природы изобилье,
В час, когда трещит на Волге лед,
Журавли, свои расправив крылья,
В яростный отправятся полет —

Через ветры, холода и грозы,
Пух в пути теряя и перо,
К рыжим поймам, к тоненьким березам
Голубой весеннею порой.

Так бывает с русским человеком:
Час придет — родимая земля
Через океаны, горы, реки
Позовет к отцовским тополям.

И ничто его не остановит,
Словно бы летящих вдоль морей
Из Египта к давнему гнездовью
Молодых горластых журавлей.

1945

* * *

Всю вселенную проехав с боем,
В городок сосновый вологодский
С орденами на груди, героем
Паренек из армии вернется.

В танке он прошел такие дали,
Видел Вену, Прагу золотую.
Нежные паненки улыбались
В Кракове ему напропалую.

Шел он по проспектам Бухареста
И по тесным улицам Софии.
Милых много видел, а невесту
Все ж придется выбирать в России.

Ведь недаром в песенке поется:
Не найти ее по всей вселенной.
В городке сосновом вологодском
Он ее увидит непременно.

В Белозерске, может быть, иль в Вашках
К пристани выходит, ожидая,—
Всех милей и всех на свете краше,
Светлая, хорошая, простая.

1945

ПЕРЕД ПОРОГОМ

Все то же — дом и тополь
Комолый у ворот.
Все то — от трав до стекол,
Лишь только я не тот.

Не тот я, не мальчишка
С веселым вихорком,
Знакомый лишь по книжкам
Со всем, с чем я знаком:

С дорогой, с расставаньем,
Со смертью и свинцом,
Со страшным расстоянием,
Где дым и пыль в лицо.

И вот я дверь открою,
И в рубленый проем
Вдруг хлынет все такое,
Что помнится с трудом.

Стою, и силы нету
Тугую дверь открыть.
Хоть кто-нибудь ракету
Додумался б пустить!

1945

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

За околицей у колодца
Долговязый журавль стоит,
Воду пьет — никак не напьется,
Хочет в небо — и не взлетит.

В небо цепь его не пускает,
И, с тоскою шею подняв,
Смотрит он, как на юг улетают
Журавли на исходе дня.

1945

ВИНО

В подвале каменном вино
Стояло много лет.
В великий день извлечено
Оно было на свет.

В тот день на свете мир настал
После жестоких войн.
Уж видно, виноградарь знал,
Что будет день такой.

Он выдержал свое вино,
Каким лишь только мог,
И победителей оно
Валило наземь с ног.

Смеялся за столом солдат,
Вином и счастьем пьян:
— Не мог свалить меня снаряд,
А валит с ног стакан!

1945

* * *

У той березки, где с тобой
Встречались мы вечер каждый,
Пробитое насквозь стрелой
Я сердце вырезал однажды.

Мы говорили, на заре
Прощаясь, перепутав руки:
«Сотрется сердце на коре,
Но не стереть любовь разлуке».

Смешная юность далека...
Ты замужем, и ты забыла
Веснушчатого паренька,
Которого тогда любила.

А я пришел сюда и вот
Гляжу, один в саду просторном,
Как сердце на коре живет...
И лишь стрела на сердце стерлась.

1945

МАТЬ

Она молилась за победу,—
Шесть сыновей на фронт ушли,
Но лишь когда упал последний,
Чтоб никогда не встать с земли,
Победа встала на пороге,
Но некому ее встречать...

— Кто там?..— Спросила вся в тревоге
От слез ослепнувшая мать.

1945

* * *

Не таким, не в войну, с полпути,
Я мечтал в этот домик прийти,
Щеки в шрамах, в багровых рубцах
(Нету прежнего больше лица),
Руку скрюченную неся,
Кисть багрова, как лапа гуся.

Смотрит с жалостью женщина: вот
С фронта новый калека идет.

1945

ПОБЕДА

Она пришла с улыбкою с вокзала
И скинула к порогу вещмешок.
В избе светло необычайно стало,
И сразу ни печалей, ни тревог.

И мать руками сына обнимает, —
Так вот она, победа, какова:
В защитной гимнастерке, молодая,
И у нее седая голова...

1945

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

1945

* * *

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в небе тучи
Черно-буры на заре.

Ели — словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье весел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что самый лучший,
А милей всех сердцу край!

1945

* * *

Облако за месяц зацепилось,
За рекой кричали поезда.
Ничего такого не случилось,
Только грусть пропала без следа.

Просто захотелось оглянуться,
Постоять у моста, у воды,
Дó неба тростинкой дотянуться,
Прикурить сигарку от звезды.

Услыхать травы произрастанье,
Трепет заполуночных планет
И еще того, чему названья
В нашем языке, пожалуй, нет...

1945

* * *

В детстве в речке меня ловили,
Откачали, остался жить.
Парнем стал, в поход снарядили,
Шлем танкистский дали носить.

Пламенем два раза паленный
(На газойле горит броня,
Клочья кожи летят с ладоней), —
Я выскакивал из огня...

Все прошедший, огонь и воду,
Не в пословице — наяву!
Сколько лет, до какого года
Проживу?..

1945

* * *

Цветет за окнами картофель,
Топорщит перья сизый лук,
Березки сгорбившейся профиль,
И тишина, и мир вокруг.

Да, мир настал. Так не похожий
На дни войны, но нам, видать,
И мир-то будет долго все же
Еще войну напоминать.

Пчела покажется за пулю;
Грохочущий сурово гром
Бомбежки первые в июле
Напомнит, падая на дом.

Стрижами берег весь прострелен,
Как будто очередью вдруг
Вел пулеметчик, глаз нацелив,
С гашетки не снимая рук.

И полыхаются закаты
Над озером по вечерам,
Как будто вновь пылают хаты
По украинским хуторам.

Звезда, летящая комета,
Как звезды мертвые войны,
Шипящие в ночи ракеты
С чужой, немецкой стороны.

Березы, раненные будто,
Бинтами все перевиты...
И тишина любого утра,
Как перед штурмом высоты,

Когда кончают бой орудья,
И враг молчит, и все молчат,
И слышно вдруг, как дышат люди
И как сердца в груди стучат...

Нам мало вдосталь отоспаться,
Шинели снять, прийти домой,
Чтоб мирной жизнью наслаждаться,
Не сравнивая мир с войной.

Лишь время зарубцует память,
И успокоится душа,
И взглянем мы на мир глазами,
Дней прожитых не вороша.

1945

* * *

Война прошла, но нам еще в атаки
Ходить ночами, жить в сырых землянках,
Ракет многозначительные знаки
Как гороскоп читать из башни танка.

Когда нас перестанут сны тревожить,
Когда нам это время отоснится?
Горящие деревни, бездорожье,
И в небе металлические птицы.

Нам надо долго жить на белом свете,
Привыкнуть к топору, как к пистолету,
Чтоб и во снах увидеть на рассвете
Сады и травы. Мирную планету.

1945

* * *

Было утро, шумели травами
Сенокосы в лесах глухих,
Да за дымчатой переправой
Перекрикивались петухи;

Да березки ствол забинтованный,
Над рекой наклонясь, белел...
Милой родиной околдованный,
Встал солдат и вздохнуть не смел.

Все, что в дымной дали горячечной
Только сердцем он видеть мог, —
Не приснившееся, настоящее —
Расстиралось у самых ног.

Вот дорога, в ромашках торная,
Та, которой до смерти рад...
Край родимый, вся жизнь просторная —
Наивысшая из наград.

1945

ЗАКАТ

Мир был оранжев, синь и розов
За гранью видимой черты.
Он был поэзией — над прозой —
Необычайной красоты.

Шли облака, как волны газа,
Червонный оставляя след,
И вдруг над горизонтом разом
Зари опальный вспыхнул свет.

Как будто покачнувшись странно,
Свод раскололся золотой,
Открылась некая поляна,
Сияя неземной травой.

Она неистово манила,
Восторгом душу цепеня.
В каких лугах, какая сила
Взрастила эти зеленыя?

Они цвели одно мгновенье,
Позолотившись по краям,
Но красок новое смещение
Все разрубило пополам.

Как будто кто-то электродом
Провел по щели сгоряча,
Сварив края литого свода
Огнем последнего луча.

И фиолетовою дымкой
Расплавленный прогнулся свод,
И, подобравшись невидимкой,
Ночь из-за дальних туч идет.

И купол неба остывает,
Сияя вдаль и глубину,
И вот уж искры звезд взлетают,
Потрескивая, в вышину.

1945

БЕЛОЗЕРЬЕ

Здесь ели — словно колокольни
Подняли к облакам кресты,
И древней темнотой раскольной
Темны овины, как скиты.

И за раздольем трав духмяных,
Болотных, рыжих и густых,
Над озером плывут туманы,
Плывет протяжный шум тресты —

Как гул молитвы староверской,
Сердца щемя глухой тоской...

О, край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной!

1945

* * *

На городском валу заплачу
И ветром слезы осушу.
Мне вдовый жребий предназначен,
Но на судьбу не заропщу.

Он спит на поле Куликовом,
Мой князь, мой муж, и Русь его
Качает на груди пуховой,
Возлюбленного своего.

1945

ПОЕЗДКА В КОВЖУ

Ивану Бузину

Это мне запомнится — начало
Лета, уходящего в леса.
Чайки подралися у причала,
Плачут, надрывая голоса.

Ветерок, излюбленный «шолонник»,
В мокрое уперся полотно.
Чайки вслед затеяли погоню, —
Только не догнать нас все равно.

Вот уже белеет церковь Спаса,
С берега донесся запах трав,
Дым жилья, к себе зовущий властно,
Шелест зацветающих дубрав.

Дранкой, будто рыбьей чешуею,
Крыты избы ковжских рыбаков.
Будут там нас потчевать ухой,
Сладкой жарениной из снетков.

1945

НА ПРИСТАНИ

Гудком прощальным пароходным
Осенний вечер оглушен.
Отчалият чалки, примут сходни,
И пароход уйдет в затон.

Залепит снегом расписание
Декабрь на пристани опять.
И график встреч, разлук, прощаний
Никто не будет соблюдать.

По льду на розвальнях разлапых
Обозы с сеном поплывут.
Пахнёт щемящий сердце запах,
Как будто лето провезут.

Почудится, что не хозяин
На пристани седой декабрь,
Что вновь встречаются, провожают
И смотрят в голубую рябь.

Но снег залепит расписание,
И до июня вплоть опять
Никто ни встреч и ни прощаний
Не будет график соблюдать.

1945

* * *

Будут жарко натоплены печи,
За морозным стеклом тишина.
Отставной лейтенант в этот вечер
Загрустит за бутылкой вина.

А с пластинки надколотой черной
Чей-то голос негромкий, родной
Повторять ему будет упорно
О землянке в походах под Мгой.

О равнине холодной и мертвой,
О девчонке курносой чуть-чуть,
Что живет на пластинке истертой
Да, наверно, еще где-нибудь.

1945

* * *

Л. П.

Опять пойдут хлестать метели
Вдоль деревенок и дорог,
Опять почти на две недели
Пути отрежут в городок.

На пятый день придут газеты
На тройке из Череповца.
От сельсовета к сельсовету
Негромок голос бубенца.

Тулуп на ямщике, как пламя,
Горит один среди зымы,
И кони, фыркая, ноздрями
Учуют дальние дымы.

Наутро рыжий письмоносец
Опять письма не занесет...
Я не порадуюсь на просинь,
Что в низком небе настает,

Не поделюсь грустью с ближним...
В лесу, петляя, шла лиса.
И уведут надолго лыжни
Меня в глушковские леса.

1945

* * *

Живу как получается,
Один и налегке.
Весь дом мой помещается
В походном рюкзаке.

Во все четыре стороны
Открыты мне пути,
А я хочу нетореный
И пятый путь найти.

Хожу, где не положено,
Испытываю жизнь,
И пусть мне вслед прохожие
Кричат: «Чудак, вернись!»

1945

* * *

По небу падает тихо звезда,
Травы звенят под ногами в росе.
Что мне сейчас на звезду загадать,
Чтобы желанья исполнились все?

Танцы играет гармонь за рекой,
Моет вода камыши в тишине,
Месяц березовой желтой клюкой
Щупает черные камни на дне.

Вот погрузу, у реки постою,
Встречи с тобой помяну и пойду,
Да про рябину негромко спою,
И, помолчав, закурю на ходу.

1945

* * *

Любимая, ко мне приходит снова
Старинная изведенная грусть,
И я ее сегодня за основу
Беру и наговоров не боюсь.

Я шел к тебе по опаленным верстам,—
Еще ты дальше от меня сейчас.
Пусть стих мой на бессоннице заверстан,
А ты спокойно дремлешь в этот час.

Но я припомню старые рассветы
И те полузабытые слова,
Своей короткой юности приметы,
За далью различимые едва.

Что ж, в юности мы все клялись когда-то
Любить до смерти, глядя на луну,
Но, смерть и жизнь познавшие солдаты,
Над этим не смеялись и в войну.

Мы пронесли воспоминанья эти
В тяжелых танках, в дымной духоте,
Сквозь грязь и кровь по яростной планете
В своей первоначальной чистоте.

И я пришел, и я спросил в тот вечер,—
Ты усмехнулась, ведь любовь прошла,
Но даже дерзко дрогнувшие плечи
Сказали больше, чем бы ты могла.

Серебряным копьём пророкотала
Над миром журавлиная труба.
Да, злую шутку все-таки сыграла
Над нами пресловутая судьба.

1945

* * *

И вдруг нахлынет, вновь пойдут слова,
И тайный трепет вновь охватит душу,
И захмелеет разом голова,
И полночь вдохновенья не нарушит...

Быть может, предок дальний по реке
Плыл поутру и слушал скрип уключин,
Увидел дым становья вдалеке,
Холм, облака — весь мир в красотах жгучих.

И вдруг запел, и звук пленил его,
Заныло сердце неизвестной властью...
Вот так и ты: творишь, и ничего
Нет выше для тебя, чем это счастье.

1945

* * *

Мир безначальный, бесконечный...
Мы, пассажиры на земле,
Летим, а мимо свищет вечность,
Сверкая звездами во мгле.

Куда — уму непостижимо,
К судьбе неведомо какой,
И Млечный Путь, как лента дыма,
Блестит над самой головой.

Страдая, радуясь и мучась,
Пытливо напрягая ум,
Предугадать не в силах участь
Мгновеньями высоких дум.

Где дерзость выше человеческой?
Случайный гость коры земной,
В твои дела вмешаться, вечность,
Он хочет слабою рукой.

Все непреложные законы
Бескрайней вечности открыть,
Никем не созданное лоно
Самой природы изменить.

Он хочет стать творцом, какого
Привык сам отрицать, хулить,
Миры свергать единым словом
И сызнова миры творить.

1945

* * *

Зима несет в серебряной пыли
Кудели снежной длинные волокна.
Сугробы, словно волны, подошли
И пеною захлестывают окна.

Несет избу в далекие моря,
В седую заметь снеговых видений.
Хвосты жар-птиц в печи горят
На звонких на березовых поленьях.

Ковчег сосновый дранкою обшит,
Углом изба врезается в метели.
Качает землю, клонит и кренит,
И небо, словно парус, в самом деле.

А на столе веселый самовар
От счастья скалит золотые зубы,
И над конфоркою клубится пар
Лихим казачьим светло-русым чубом.

Что нам метель? Бревенчатый ковчег
Сколочен плотно, и пирует сказка
Над самобранкой белою как снег,
Вся в бусах и в кокошнике угластом.

Вся в лентах, в сарафане расписном
Моя Моревна с острова Буяна.
Мы в полночь непробудную плывем
По снежным безудержным океанам.

Пускай свистит разбойник Соловей
На той сосне косматой за деревней.
За тридевять земель сбежал Кащей
Нам песни петь, мед-пиво пить с царевной.

1945

ЗИМА

Мир накренился, прям и светел.
Едва заметен поворот.
Но по планете хлынул ветер
Уже арктических широт.

Еще в пленение не веря,
Плескались реки в берега,
Когда седая, как поверье,
Вдоль по воде пошла шуга.

И, тронув дымчатым припоем
Излук и стариц тишину,
Мороз ударил в голубое
И затуманил вышину.

И белизной неповторимой
Окуталась тогда земля,
Когда торжественно зазимок
Упал на черные поля.

Бери двустволку и на вате
Фуфайку туго опояшь.
Ни пуха ни пера, приятель,
Пусть будет полон твой ягдташ!

Отсалютуй зимы началу
Утиной дробью вдоль бугра.
Вот осень русаком промчалась,
Двустволка вскинута... Пора!

1945

* * *

Слесари, танкисты и поэты,
Люди молодого ремесла,
В дымке бесконечного рассвета
Юность поднимает вымпела.

Мы на свете вечно новоселы,
Мир почти не обжит, сколько в нем
Нам еще орудовать веселым
Топором, лопатой и пером.

Будут новостройки и биваки,
Много пар сапог истопчем мы...
Бытия неведомого знаки —
Звезды прорезаются из тьмы.

Настежь мир раскрыт ветрам и ливням,
Громом ударяют небеса,
И летят, ликующе призывны,
Дымных океанов голоса...

Мы еще на дальние планеты
Корабли Союза поведем —
Слесари, танкисты и поэты,
Мы на желтую Луну взойдем.

1945

ЗИМА

На Крюковом канале паутина
Осеннего прозрачного ледка,
И небо опрокинулось на спину,
В канале утопило облака.

Земля бела, в снегу идут трамваи,
Снежинок голубая кутерьма,
И за пять лет впервые наступает
Простая, невоенная зима.

Затопим печь, забудем о разлуке,
Пускай мороз, пускай метель метет.
Никто теперь, дыханьем грея руки,
В разведку в этот вечер не пошлет.

1945

* * *

А мы такую книгу прочитали!..
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли.
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка.

1945

* * *

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш.
Солдаты спят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж
Под потолком коптилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...
Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.
И, не выдавший горя и печали,
Огнем не прокаленный, как кузнец,
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец,
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить!..
И он простит мне в рифме прегрешенье..
Он этого не может не простить.

*

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках.

1945

* * *

Пусть оборот вокруг оси
Земля спокойно совершила,
И прошлого не воскресить
Уже нам никакою силой.

Я все ищу вчерашний день,
Любые принимая меры...
Клубит по-прежнему сирень
По палисадникам и скверам.

Твой след, впечатанный в песок,
Давно исчез с дорожек сада.
Его сегодня пересек
Рассветный ветер без пощады.

А я хочу, чтоб миг любви
Весь мир вращающая сила,
Вспять шар земной оборотив,
Из прошлого мне возвратила.

1946

* * *

Мне кажется, что я живу
Немало лет, немало весен,
И то, что прошлым здесь зовут,
Однажды с будущего спросят;
Мне кажется, что я опять
В году неисчислимом, древнем
Проснусь, чтоб жить, мечтать, страдать,
И пиво пить, и есть в харчевне.

Мир вечен. В вечности не раз
Дано мне снова повториться.
И то, что в жизни я сейчас
Познал, не боле чем страница
Из книги жизни, бытия,—
Есть бытие, а остальное
Лишь только выдумка моя,
Как сам, как вы, как мы с тобою.

1946

* * *

Поэтов бессонница мучит в квартирах,
Раздумья тяжелого медленный час.
Утыкана перьями медная лира,
Гудит над чернильницей медный пегас.

Зевают маститые члены союза,
Спят жены и дети, погашена злость —
Прописана теща, и только для музыки
Жилплощади, видимо, здесь не нашлось.

Но ей нипочем, и куда-то, быть может,
Филолог ее провожает опять,
Твердит о заоблачных высях и хочет
Ее по-земному за плечи обнять.

Она на прощанье над ним посмеется,
Уйдет, не вернется, а может, потом
Полюбит без памяти вдруг краснофлотца,
Бездомного парня с обветренным ртом.

1946

* * *

Невтерпеж ходить по осени
По булыжной мостовой.
Сстосковались ноги до смерти
По дороге полевой.

Вся земля в гранит закована
И асфальтом залита,
Сталью рельс перелинована,—
Не житье, а маета.

Сруб веснушчатый, бревенчатый
И тесовое крыльцо.
С тишиной навек повенчанный
Мир мой дедов и отцов.

Там затопят печку рыжую.
Награжденный самовар
Будет петь, сверкать и пыжиться,
Испуская чайный пар.

1946

* * *

За Вологдой метели с бубенцами,
Летят, поют живые голоса,
И где-то за горами и лесами
Спокойно спит душа моя краса.

Я песню-сказку выведу к воротам,
На голубой дорожный поворот.
Она стоит, готовая к полету,
Копытом тонким скалывает лед.

Звезда упала молча у порога,
Под кем-то тихо скрипнуло крыльцо,
И развернулась скатертью дорога,
Пахучим припорошена сенцом.

1946

ЖИВАЯ ВОДА

Шел солдат из похода. Жара плыла.
Гимнастерка белым-бела.

Но взлетело на гору шоссе, как струна,
И открылась ему Шексна.

Сто нерусских — зеленых и синих — рек
Пересек для нее человек.

Он с горы сбежал и забрел в реку,
Будто десять лет пареньку.

Снял пилотку, умылся речной водой —
Был седой, а стал молодой.

И легко пошел и решил тогда:
Есть на свете живая вода!

1946

ДОМА

Всю ночь ворочался в постели
С войны пришедший человек
И слушал, как грачи летели;
Встревоженный ворчаньем рек,
Шинель накидывал на плечи,
Шел на скрипучее крыльцо,
Сутулый и широкоплечий,
Он ветру подставлял лицо;
Он думал, жег табак в ночи,
И уходил неспешно в избу,
И слушал, как весна стучит
Дождем и ветром по карнизу.

И только в окна грянул свет
Зарей и песнею скворчиной —
Он вышел в молодой рассвет,
Глазами дымный мир окинул,
Увидел, как мокры кусты,
Поля черны, холмы покаты
И от напора льдов мосты
На речке выгнулись горбато;
Парная отошла земля,
Плыл лед поемными лугами,
Призывно пахли тополя,
И конь перебирал ногами,
И одуванчик расцветал
У борозды на солнцепеке,
И жаворонок забирал
Все круче в небосвод высокий.

1946

* * *

Опять плывет закат над реками,
Туманы на воду легли,
И петухи прокукарекали,
Должно быть, на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля,
Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят... Весь край родной
Плывет меж облачными кручами
На веслах в тишине ночной.

С мостом пятипролетным с башнями
И с гидростроем в три окна
На речке Чалексе над пашнею,
Вдали звенящей, как струна.

А где-то жаркая гармоника,
Негромко ахнув, понесет
Простую песенку о конниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое
На тонкий стук ее подков
Клинками сабель, дымом выстрелов —
Далеким отблеском боев.

1946

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей.
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару всё в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком.

1946

* * *

Есть где-то моря-океаны,
Где волны до неба летят,
А здесь у руля капитаны
Спокойно в туманы глядят.

Ни лоции нет, ни компаса,
Знакомая с детства река,
Как выверена по ватерпасу,
Пустынна, тиха и гладка.

Беляны, груженные тесом,
Избушки на грузных плотах,
Речные высокие плесы,
Свистки куличков в камышах.

Плывут работяги-буксиры,
Натянут канат, как струна.
Ровняет плоты по ранжиру
Зеленой линейкой Шексна.

Работают молча матросы,
Тоскует на барке гармонь,
А вечером мачты выносят
Под звезды зеленый огонь.

Скрипучею дремой парома
Навстречу пройдет перевоз.
Пахнёт сенокосом знакомо
С парома осанистый воз.

— Ну как там, Фадеич, с покосом? —
Картуз приподняв, капитан
С буксира паромщика спросит,
Вглядевшись в вечерний туман.

Ему, как и волку морскому,
На сушу не скоро ступать:
Он в плаванье тоже — и дома
До осени, знать, не бывать.

1946

ПАРОМЩИК

Если едешь ты в Кириллово —
Под горой паром, мысок.
Там тебя за душу милую
Переправят в городок.

Пожилой паромщик — маленький,
С темным шрамом на щеке —
Ездит в шапке, в старых валенках
На пароме по реке.

Он упрется в борт старательно, —
Тяжеленько одному,
И поможешь обязательно
Ты с приятелем ему.

Пусть канат скользит, как сыromять,
Ты его потянешь вкось:
Много рек тебе форсировать
По Европе довелось.

Так ты с низкими поклонами
Будешь ехать по Шексне,
И качнет ответно кронами
Бор на правой стороне.

А когда, в причал ударившись,
Пришвартуется паром, —
Сам паромщик, как к товарищу,
Подойдет к тебе потом.

— Разреши огня, пожалуйста! —
Спичка выстрелит в руке. —
Где-то мы, солдат, встречались,
Не на Одере-реке?..

1946

СТАРЫЙ БУКСИР

Буксиру не приснится океан.
В затоне тихом, на приколе вечном,
Стоит выдавший виды ветеран,
И ржавчина легла ему на плечи.

Он, пресноводный житель длинных рек,
Весь почернел от копоты и сажки.
В каком году он начинал свой век —
Ему, пожалуй, и не вспомнить даже.

А сколько он провел больших плотов
Да барок с камнем, с кирпичом к причалам!
Из них немалых десять городов
Построить можно было бы, пожалуй.

Мальчишки удят с борта пескарей,
В пустынном трюме бродят по железу.
Он молча спит, ни широтой морей,
Ни далью океанскою не грезя.

Лишь тонким стоном отвечает сталь,
Когда гудят суда на повороте...
Стоит буксир, как бы сама печаль,
Сама тоска железа по работе.

1946

БАКЕНЩИК

Река разлившаяся, быстрая
В туманах по ночам плывет.
Но бакен вдруг горячей искрою
Из тьмы приветливо мигнет.

И пароход идет уверенно
От огонька на огонек
Фарватером реки проверенным,
И пусть туманный путь далек;

Пусть мели есть в реке опасные,—
Доставить нужно грузы в срок...
Горит, горит косынкой красною
Во тьме далекий огонек.

А бакенщик, сев в лодку древнюю,
Огни вывозит каждый раз,
Когда закаты за деревьями
Здесь догорают в поздний час.

Живет на берегу он издавна,
И в дождь и в бурю, вопреки
Стихиям всем, на совесть призванный
Следить за вехами реки.

И рулевые в ночь туманную
Добром вспомнят каждый раз
Его, когда огни багряные
Вдали увидят в поздний час.

А он, совсем о том не ведая,
Наверно, чинит фонари,
Вставляя сам в оправы медные
Кусочки алые зари.

1946

НОВЫЙ МОСТ

Мост — как радуга из железа —
Перекинулся над рекой.
Три бетонные волнореза
Утверждают его покой.

Левый берег и правый берег
Повстречались накоротке.
Встреча данная в полной мере
Отразилась в Шексне-реке.

Там в ажурных железных звеньях
Спят застрявшие облака,
Словно фотонизображенье,
Колыхающееся слегка.

Вот качнули, сверкнув, оркестры
Медных труб музыкальный гром,
Поезд тихо тронулся с места,
Поезд стукнул в мост колесом.

И прошло его отраженье,
Все в знаменах и все в венках,
Все зеленое, все в движенье,
В синем небе на трех быках.

1946

ПЛОТОГОН

Ему пятнадцать лет под осень
Исполнится всего, а он —
В отцовском пиджаке, курносый —
Уже заправский плотогон.

На бревнах дерн уложен клумбой
У ног его для огонька.
И босоногому Колумбу —
Как океан Шексна-река.

Плывет он, земли открывая,
С багром тяжелым на плоту.
Костер горит и осыпает
Сухие искры в темноту.

Перекликаются с буксиром
Далеким эхом берега,
И Млечный Путь блестит над миром,
Как неизвестная река.

Вот будет осенью рассказов,
Когда он станет вспоминать,
Что видел, где друзьям ни разу
Не приходилось побывать!

Жизнь перед ним — рекой широкой,
Как в реку, он в нее влюблен.
Минуют пристанями сроки,
И капитаном станет он.

А волны плещутся о бревна,
До Щербакова путь далек.
Горит на клумбе яркий, ровный
Костра дремучего цветок.

1946

ЗЕМЛЕЧЕРПАЛКА

И день и ночь она, железная,
Гремит без отдыха и сна.
Под ней, ленивая и резвая,
Течет, бежит река Шексна.

Ковши ползут с тяжелой глиною
И, опрокинувшись в трубу,
Покачивающуюся и длинную,
Опять, пустые, дно скребут.

Там облака на дне качаются,
Курчавые, отражены.
Машина даже их старается
Поднять наверх из глубины.

Чтоб проходили шагом царственным
Рекой большие корабли
Спокойно с грузом государственным
Вдоль берегов родной земли.

1946

В ДИСПЕТЧЕРСКОЙ

Под наблюдением диспетчера
По рекам движается флот.
В журнале у него отмечено,
Куда какой буксир идет.

Тяжелый груз машин для Вологды,
Беяны с тесом в Ленинград,
Груженные брусками золота,
Плывут, качаются, спешат.

Включая микрофон на линию,
Он от зари и до зари
Весь шумный день, всю ночь недлинную
Со всей рекою говорит.

На Чайке «Волхов» встал с «Мологою»,
В Топорне в шлюз вошла «Москва».
Диспетчер спрашивает строго их,
Где задержалася «Нева»?

Десятки рек страны в диспетчерской
Аукаются в тишине,
Как будто бы они отечеству
Все вместе служат на Шексне.

1946

НОЧЬ

Петух грудастый прокричал спросонок,
В хлеву с навозом смешан запах нив.
Во сне вздыхает глупенький теленок,
Жует корова, и комар звенит.

Хозяин спит с хозяйкой на полатах,
Окончен день, и току отдых дан.
И к ребятишкам рыжим, чернопатым
Приходят сны из неизвестных стран.

Деревня спит, домишки сбились в кучу,
Поблескивают крыши, как хребты,
Под месяцем рогатым и колючим,
Глядящим на деревню с высоты.

Но где-то возле сельского Совета
Еще играет вальсы гармонист,
Еще не все частушки перепеты,
Не все с парнями девки разошлись.

У гармониста на груди медали.
Про Венский лес играет вальсы он.
И девушек, что Вены не видали,
Притихшей стайкой парень окружен.

Гармоника кирилловской работы,
По-русски Штраус у нее звучит.
Недаром за рекой, за поворотом,
Лес вологодский сказочный стоит.

В густом лесу спокойствия нарушить,
Покачиваясь, травы не велят.
Волнушки, словно розовые уши,
Насторожила рыжая земля.

И валуны, мохнатые как совы,
Глядят во тьму, в сиреневую муть,
И соловьям в кустарниках лиловых,
Ликующим в ночи, не продохнуть.

Сиги голубоватые в озерах
Ворочаются в водорослях, где
Бездомных звезд взрывающийся порох
Бесшумно угасает на воде.

По сосенкам чешуйчатые шишки
Запутались, как рыжие ерши.
Грибы — толстоголовые мальчишки —
Собрались в кучу и сидят в глуши.

Как леший, где-то филин прохочет,
И вновь ничем, ничем не нарушим
Торжественной, неповторимой ночи
Покой дремучий сказочной глуши.

И вот, бесшумно, медленно ступая,
Выходит волк из чащи. Под луной
Вся шкура глянцеvито отливает
То голубой, то золотой волной.

Деревья узловатыми руками
Поддерживают землю... Запах трав.
Шум ветра. Месяц с желтыми рогами
Над комариным звоном переправ.

1946

* * *

За слоем Хивсайда, за легкою пылью
Земной атмосферы безмолвье звучит.
Холодная вечность, дремучие крылья
Расправив, в мирах беспредельных парит.

Планеты плывут по орбитам с шуршаньем,
И где-то кометы, хвосты распустив,
Летят по путям громовым мироздания,
Маршруты, как шпаги стальные, скрестив.

Дороги еще не изведаны эти,
Но время идет непреклонной судьбы:
Придет человек — от планеты к планете
Протянутся вдаль верстовые столбы.

1946

* * *

Узкий месяц, легок на вспомине,
Золотою лодкой из-за туч
Вдаль плывет торжественно на синем,
А земля как камень бел-горюч.

До вершин занесена снегами,
Холодна, пустынна и кругла,
Голубыми легкими тонами
На равнинах серебрится мгла.

Где сугробов голубые башни
До небес не достают чуть-чуть, —
Будто дымный след пурги вчерашней,
Распластался длинный Млечный Путь.

Затеряться б в призрачном сиянье,
И потом еще раз, в век иной,
Пролететь над спящим мирозданьем,
И погаснуть на земле звездой...

1946

* * *

Нам уходить от милого порога,
Не возвращаясь много лет домой.
Опять под ноги падает дорога,
И остаются версты за спиной.

В лицо подул старинный ветер странствий,
Забудь бывшее и иди вперед.
Звезда мерцает в голубом пространстве,
Но, может, не мерцает, а зовет...

Гремят мосты, и наступают сроки
Нежданных встреч, негаданных друзей.
Жизнь — это путь, суровый и далекий,
Невыдуманных песен и страстей.

И если есть в конце его березка,
У каждого та, под которой лечь, —
Забудь о ней, живи легко и просто
И не тумань печалью радость встреч.

Есть в трепетанье наших рощ зеленых,
В ночных огнях далеких городов,
В березах белых, красноватых кленах
Дух вечной жизни и бессмертных снов.

Учись у сосен гордому упрямству,
Беспрекословно пробивайся ввысь,
И сохрани крутое постоянство
В любви к отчизне, и земли держись.

А если смерть негаданная встанет, —
Гляди в глаза, не отводи лица
И твердо стой на самой страшной грани
Жестокого, но славного конца.

1946

* * *

На чужое заглядеться счастье,
Загрустить о близком, о своем.
Если б это было в нашей власти —
То, что в жизни мы судьбой зовем.

Дальние неясные дороги,
Сроки расставаний, числа встреч.
Огонек неведомой тревоги,
Что до лет преклонных не сберечь.

Люди пьют свои воспоминанья
Будто многолетнее вино.
Там, в подвалах нашего сознания,
Напиталось крепостью оно.

Давности хотя бы пятилетней
Пью воспоминания глоток...
Девушка на розовом рассвете,
Сонных палисадов холодок.

Где она?.. Текут, как воды, годы.
Отхлестали штормы, тишина.
По веселой, солнечной дороге
Где-то ходит легкая она.

Вовсе о тебе не вспоминая,
По ночам в далекой стороне
Не твое — чужое называю
Имя неизвестное во сне.

У тебя же в войнах и дорогах
Все прошли другие стороной.
На сердце по-прежнему тревога
И тоски неназванной отстой.

Давние истершиеся даты,
Юность, счастье, светлая пора —
Стоят ли они одной солдата
Горестной улыбки у костра?..

1946

* * *

В ночи трепещет тонкая мембрана,
И слышим мы, к наушникам припав,
Как из пучин ночного океана
Поет нам голос, душу спеленав.

Как бы очищен от всего земного,
Тоскует он на страшной вышине,
К земным радиостанциям прикован,
О дальней межпланетной стороне.

Но нет ответа с Марса и Урана,
Немы планеты на краю орбит...
В ночи трепещет тонкая мембрана,
А космос молча звездами пылит.

1946

СТАНЦИЯ ВАЛЯ

Л. П.

Легким именем девичьим Валя
Почему-то станцию назвали.

Желтый домик, огород с капустой,
Поезд не стоит и двух минут,
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?

Подступают к паровозу сосны,
Охраняя станции покой.
Валя, Валя, выйди, как березка,
К семафору, помаши рукой.

Видно, был влюбленным тот путеец,
Инженер, чудака немолодой:
Полустанок в честь тебя затеял
С краткою стоянкой путевой.

На минуту. Постоять, влюбиться!
Стукнут рельсы, тронется вагон.
Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего.

У тебя по самый пояс косы,
Отсвет зорь в сияющих глазах...
Валя, Валя, где-то за откосом
Голос твой мне слышится в лесах.

1946

* * *

Не забыл я тебя,
Но грустить не грущу, не тоскую...
Просто ветры трубят,
Просто где-то кукушка кукует.

Дождь прошел стороной,
В небе радуга разом повисла
Над березкой лесной,
Надо мной золотым коромыслом.

Показалось мне просто,
Что все это было, все было:
Дождь, кукушка, березка,
Что ты обо мне не забыла...

Просто девушка встречная
Мне озорно улыбнулась
С золотого крылечка, —
И вдруг, без причины, взгрустнулось.

1946

* * *

О далеком селении Чайка,
О зеленой реке Шексне
Полюбилась мне сказка-байка,
Сказка-байка пришла ко мне.

У причалов навек знакомых
На зеленой реке Шексне
Кипень белых кустов черемух
Лебедями плывет по весне.

Подплывает к твоим окошкам,
Задевает тебя крылом.
По лесам расцветает морошка,
Земляника цветет за селом.

Ты окошко раззанаवेशи,
Чтобы было светло, чтобы
Лебединым пухом и песней
Замело половину избы.

Гармонисты кадрили выносят,
Девки издали к ним идут,—
Только мне с тобой по покосам
Не ходить, как в ином году.

Не гадать по ромашке белой:
Любит, плюнет, к черту пошлет...
Синеглазый, русский, умелый,
Парень ждет тебя у ворот.

Я теперь далеко-далеко
От тебя, от Шексны-реки,
От черемухи белой, только
Не уехать мне от тоски...

1946

* * *

Огонь на поленьях сосновых в печи
Костры на привалах напомним в ночи,
Далекую осень,
Раскат журавлиной трубы,
Дороги солдатской судьбы.
Мне очень тоскливо и горько, —
К чему,
Не пойму.
Я сердце и душу махоркой
Дойму.
Почему
Ты писем не пишешь,
Открыток не плешь издали?
Над черною крышей
Прошли рокоча журавли.
И умер огонь.
Замолчала за стенкой вода.
В рассветную сонь погрузились
И в синь
Города.
Сегодня я старый.
И тысячелетняя грусть
Ложится недаром ударом на сердце.
Но пусть.
Пусть ты обо мне
Вспоминаешь не часто, не так.
Ерунда!
Огонь оживет.
Заворкует за стенкой вода.
И годы пройдут журавлями,
И канут вдали журавли.
С годами отстану грустить
И тебя затеряю вдали.

Женюсь.
Закажу себе трубку,
Халат закажу,
И осенью в грудку
Березовых дров наложу.
И их разожгу, как костер.
И, остер,
Огонь языкатый
Откроет далекий простор,
Солдатских биваков седеющий дым.
Молодым я стану.
Из мрака
Ты к ним через дым
Придешь,
Будешь греться со мной у костра,
Пока непреложная полночь,
Не скажет «пора»,
И ветра
Не стукнут о ставни,
И ты не промолвишь: «Оставь мне
Здесь место. Пора!»
И я от души буду рад,
Что не встретился навеки с тобой
И ты мне осталась
Такой молодой.

1947

* * *

Утрами травы розовеют в росах,
Дымятся реки и шумят сады
И на лесных заброшенных покосах
Отчетливы сохатого следы.

Он рвал осоку влажными губами,
Валялся в травах и ушел в леса,
Покачивая медными рогами,
Прислушиваясь к птичьим голосам.

Ведет тропа к заброшенным озерам,
Горит на поймах изумруд-трава.
Там скрыт от мира древний Китеж-город
На зыбких, будто морок, островах.

Выходит лось к широкому простору,
Глядит — не пьет, тревогой обуян.
Пред ним сосновый возникает город,
Окутанный в сиреневый туман.

Он окружен высоким частоколом,
Светлиц и звонниц острые верхи.
Но вот за сотню верст в далеких селах
Вдруг запевают третьи петухи.

И постепенно Китеж-город тает...
С востока ветер, зыблются дома,
И с клочьями тумана улетают
Неведомой постройки терема.

А с морды зверя тихо по шерстинкам
Стекают капли, и уходит он,
Меж сосен выступая по тропинкам,
Как будто между бронзовых колонн.

На миг застынет под густым навесом,
Прислушается и опять пойдет.
Серебряной жар-птицею над лесом
Рокошет пассажирский самолет.

Звучит далекий окрик паровоза,
О травы где-то звякает коса,
Поют негромким голосом березы,
Полны знакомых голосов леса.

1947

В РЫБИНСКОМ МОРЕ

От Черёповца до Щербакова,
В сто километров ширины,
От ненастья почти лиловы,
Ходят волны, как валуны.

Там, где лес побасенки баял,
Пел, шаманил, — прошла вода,
Сосны каменные срубая,
Свирипея, как никогда.

И в медвежьих берлогах ныне,
Двухпудовые, среди тьмы,
В шубах бархатных на резине,
Как чугунные, спят сомы.

Парохода железная туша
Прет уверенно напролом.
Победители моря и суши
Крепким балуются чайком.

Сапоги снимают в каютах,
Гасят свет и в тиши кают
Дерматинovому уюту
Молча должное отдают.

Что им мокрой воды стихия —
Пена белая на ветру!
Им дела предстоят такие,
Позавидуют все вокруг, —

Горы с места сдвигать и доли,
Реки на плечи поднимать...
Пароход, как огромный молот,
Плющит волны... Я лягу спать.

Пусть вода меня укачает,
Убаюкает, сон придет,
Как волна, на ветру крепчая,
Из неведомых мне широт.

И приснится под гул ненастья,
От Мегры до Череповца,
Край огромных работ и счастья,
Перестроенный до конца.

1947

* * *

Л. П.

Ты любовь не зови,
Коль ушла она прочь от порога.
От несчастной любви
Есть отличное средство — дорога.

Километрами меряй
Летающее время разлуки
Позабудешь потерю,
Коль занято сердце и руки.

Поброди по тайге, задубей
От наждачных ветров на заимках,
От железных дождей,
От мороза и льда, от зазимка.

Топором поработай
И горы порви аммоналом,
Все забудь и, припомнив кого-то,
Вернись и влюбляйся сначала —

В синеглазую девушку,
Вовсе не схожую с тою,
Не подумавши (где уж там!),
Стоит любить иль не стоит.

И нагрянет любовь,
От которой некуда деться,
А коль влюбишься вновь —
Помогло, значит, верное средство!

1947

* * *

Еще темно, еще туман в полях,
Но слышу гул мотора издалека,
Колышется тяжелая земля,
И вижу: трактор движется с востока.

А вот и солнце медленно встает
За трактором,
Роса блестит полоской,
Как будто солнце он на небосвод
Вытягивает на работу тросом.

1947

РЯБИНА

На перекрестке тонкая одна
Рябина встала, зелена, пригожа,
А кисти ягод, как флажки... Она
Здесь на регулировщицу похожа.

Я нынче по привычке фронтовой
Откозыряю боевой девице,
Ведь едем мы с победою домой:
Скрипят возы высокие пшеницы.

1947

РАДУГА

Удался нынче урожай на славу!
Проходит осень по родным полям.
Ты на советскую взгляни державу:
Скрипят возы по сельским большакам.

Лежит в мешках тяжелых на подводах
Отборное хрустящее зерно.
Его в полях растили всем народом,
И всем народом ждут его давно.

Идут возы высокие качаясь.
Покрапал дождь, и солнце вновь горит,
А над дорогой радуга цветная,
Как арка триумфальная, стоит.

Высокая, под самый купол неба
Поставлена, чтоб далеко светить,
Чтобы могли возы с колхозным хлебом
Пройти под нею и — не зацепить.

1947

* * *

Словно башни победы — на рыжих увалах
Скирды хлеба. Скрипучая песня колес.
Листья падают, как позывные сигналы
Дальней радиостанции, с белых берез.

Над дорогой, над елью, над камнем, над срубом,
Над болотной кугой, оглашая приказ,
Журавлиного войска высокие трубы
Поднимаются к солнцу в назначенный час.

И уже на селе вышибает дубовые днища
Бородатая брага. Раздайся, народ!
Это осень выходит на круг, подтянув голенища, —
Вот ударят баяны, и в пляску пойдет.

В кумаче горизонт... Я люблю это время застолиц,
Добрых свадеб до самой последней звезды,
И сто тысяч гармоник на гребнях ста тысяч околиц,
Дым победного пиршества после горячей страды.

1947

* * *

Здесь постепенно умирает лето
В прохладе тростниковой сентября,
Огнем зари погаснувшей задеты,
Сады весь день торжественно горят.

За дымкой золотистой обмолота,
За кузовом прямым грузовика,
За голубым дорожным поворотом
Взъерошилась от холода река.

И в поздних волнах солнечного света,
Над берегом пустынным и крутым,
Березы, словно памятники лету,
Из серебра и бронзы отлиты.

1947

* * *

Болотный вереск на крови цветет
Не по преданью, а на самом деле.
Я не забуду сорок третий год,
Когда от крови здесь снега кипели.

Ползли полки под пули в рев пурги,
Колющее железо прогрызая,
От Черной речки до пустынной Мги
За пядь земли болотной умирая.

Одной ценой платили мы в бою
За ржавый мох и за сады Тавриды.
Мы не делили родину свою,
Чтоб не было на нас у ней обиды.

Ты, вереском поросшая земля!
Недешево платила здесь пехота
За глинистые рыжие поля
И торфяные черные болота.

1947

* * *

Как стога, стоят снега.
Временный вокзал сосновый.
Станция такая — Мга.

Вспоминаю:
Это слово
Раненый твердил в бреду.
В сорок памятном году
Кровь адела на снегу.
Шел он с ротою на Мгу.
Снайпера за Черной речкой,
А у танка настезь люк,
Дыма синие колечки
Из глушителей...
И вдруг
Опускается механик,
Стукнул дизель и умолк...

Станции лесной название
Получил наутро полк.
Бредил парень в медсанбате,
Но когда в вечерний час
Диктор из Москвы палате
Зачитал о Мге приказ, —
Вытянулся, строг, спокоен,
Щеки смертный снег замел;
Видно, вплоть до смерти воин
Танк на Мгу упорно вел.
Смерть всю ночь его душила —
Не сдавался нипочем,
И ему хватило силы
В эту Мгу войти с полком.

1947

У СГОРЕВШЕГО ТАНКА

Бронебойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды,
Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из «ДТ»
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.

На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...
Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно...
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

1947

АТАКА НА РАССВЕТЕ

Заря сверкнула над равниной,—
И вот уж немцы наугад
По солнцу, мина вслед за миной,
Как очумелые, палят.

Они палят, палят с заката,
Но солнце расстрелять нельзя,
И умолкают автоматы,
И тишина встает, грозя.

И мы встаем несметной силой
Штыками раздвигая тьму,—
Как бы дорогу для светила
Прокладывая в злом дыму.

1947

* * *

Дымок — дыхание костра —
Ввысь отлетит и там растает,
А угли на снегу с утра —
Как снегирей багровых стая...

Вспугнув ударом сапога
Горячих птиц, встают солдаты.
Клубятся дымные снега,
С рассвета путь лежит к закату.

А вечером, когда костры
Опять на дальнем побережье,
Гибки, упруги и остры,
Седеющий туман разрежут,—

Повесят молча в тишине
Над бивуаком автоматы
И станут гладить по спине
Огонь усталые солдаты,
Весь мир прошедшие в огне.

1947

НОЧЬЮ

Мы к дулам пушек вяжем переноски,
Своих машин выравниваем строй,
А к вечеру ударит ветер жесткий
Угарным дымом, снегом и зарей.

Нога — на газ, рука — к щитку стартера.
Давай колонну выводи, комбат!
В полтыщи лошадиных сил моторы
Во всю стальную мощь свою гремят...

Вот тронулась невидимая сила,
И кажется во мгле среди болот,
Что ночь сама по фронтовым настилам,
Гремя железом, на врага идет.

1947

* * *

Да, не поле перейти —
Жизнь прожить.
А если в поле
Гром снарядов на пути
И огонь на суходоле;

Щели черные траншей,
В ржавой проволоке травы,
В перелеске батарей
Длинные стволы направо;

Метров восемьсот пути
Под огнем косоприцельным, —
И по полю перейти
В жизни стало главной целью?..

Скажешь, глянув на звезду,
Что сквозь тучи светит скудно:
— Если поле перейду,
Будет жизнь прожить нетрудно.

1947

НА НЕВЕ

Где над Невой сиреневая мгла,
Впритык у пресловутых парпетов
Во льду рыбообразные тела
Подводных лодок ожидают лета.

Звенит в иллюминаторах ледок
На пароходах каботажных линий,
На палубах пустынных снег высок,
На корпусах, как мох, пушистый иней.

А у моста «строителей» легки,
Последние из парусного флота,
Подняв бушпритов тонкие клинки,
Стоят гидрографические боты.

И как бы в сетке далее и широт
Там в вантах их почти пирамидальных
Запутался и до сих пор поет
Смолистый ветер побережий дальних.

1947

* * *

Над городом синие тени,
Закат отгорел и погас,
И света и тени смешенье —
Какой-то особенный час.

Какой-то торжественный сумрак,
Какая-то на сердце грусть,
О светлом, несбывшемся думы,
Знакомые мне наизусть.

1947

* * *

А мне, пожалуй, ничего не надо
Лишь строй берез серебряных в снегу
Да леса сине-белую громаду,—
Клянусь, что так. И я, друзья, не лгу.

А что еще? Да жить на белом свете,
Быть может, до шестидесяти лет.
А что еще? Могу друзьям ответить:
Весь, до былинки, этот белый свет.

1947

ПОЛЕ

Здесь было поле боя, смерти поле,
Зловеще пел над травами металл,
Земля кричала по ночам от боли,
Солдат на этом поле умирал.

Горели танки, черный дым газойля
Вздымался вверх и падал с высоты,
Росли одни посередине поля
Колючие железные кусты.

Теперь пшеницы море золотое
Бушует там, где бушевал огонь,
И тишину над бывшим полем боя
Тревожит только песня под гармонь.

Широкое, спокойное раздолье,
Колхозным полем вновь тебя зовут...
Здесь было поле боя, смерти поле —
Отныне поле жизни будет тут!

1947

* * *

Без тебя и день не в день,
И время
Потеряло грани и черты.
Клятвами клянусь тебе я всеми:
Нынче миром управляешь ты.

Вдруг захочешь, чтобы мне светило
Солнце с неба, подойдешь одна,
Улыбнешься милой, самой милой
Из улыбок, — станет даль ясна.

Станет небо синим и огромным,
Все забуду, ревность и печаль,
Будто счастьем грозным, неумным
Одарила,
И ничуть не жаль

Ни ночей бессонных, ни мучений, —
Все отдам, и так готов года
Ждать опять подобного мгновенья,
Ревновать, казниться и страдать,

Чтоб потом, как бы средь страшной бури,
Погибая и идя ко дну,
Увидать вдали клочок лазури
И на миг поверить в тишину.

1947

ПОСЛЕ БОЯ

На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы.
Вдали догорали «пантеры»...
Прокатилась
По синему небу
Над черной землей
И упала
На столбик сосновый
Звезда из фанеры.

1948

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли.

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батареи издали рокочут,
Утопают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия —
Даже дым не долетает к ней!

1948

* * *

У огня своя архитектура:
Пламени готические башни,
Дыма голубые купола...
Где я видел странные фигуры?
Вспоминал их у костра на пашне,
Но и память вспомнить не могла.
Может, за Варшавою костелы?..
Может, церкви белые в Софии?
Или, может, это наши села
Догорали в трудный год в России?..

1948

* * *

Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.

Очень тихо тикают часы,
Стрелок фосфорических усы.
Он лежит — седой и одинокий —
Посреди нейтральной полосы.

Светом алюминиевым ракеты
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом и рассветом
Человек проводит под огнем.

1948

* * *

В пустых землянках, в спутанных траншеях
Живет душа исчезнувшей войны,
В глухих углах, где поселились змеи,
Где бревна, как покойники, черны.

Разгладит время жесткие морщины
На всем лице израненной земли.
Не вспомнят люди даже в годовщины
О том, что здесь когда-то битвы шли.

Но, может быть, когда-нибудь потомок
В саду, где вишни с грушами цветут,
Разроет дота древнего обломок
И, содрогнувшись, взглянет в пустоту.

Металл сгоревший плесень охватила,
Во тьму песчинки катятся шурша.
Покажется: во мраке притаилась
Войны умершей смрадная душа!

1948

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Под землею веянье ветров.
Площадь Революции. Метро.
Круглые сияют абажуры.
Бронзовые высятся фигуры.
В бескозырке с Балтики братишка,
С Красной Пресни токарь-ветеран,
Девушка с винтовкою и книжкой,
Хлебороб — сибирский партизан —
Дни и ночи, месяцы и годы
Подпирают каменные своды.

А над ними высоко — Москва.
В скверах пробивается трава.
Светят звезды алые Кремля.
Белым пухом сыплют тополя...
На плечах покоится земля!

1948

МОЛОДОЙ СОЛДАТ

В полк пришел
Новобранец безусый,
Паренек
Из-под Старой Руссы,
В полк
Четырежды краснознаменный.
Вносят в список его
Поименный.

Девятнадцать
Ему от рода.
Не бывал он
В боях-походах...
На стене —
Героев портреты.
Он узнал о них
Из газеты.
Как живые
Глядят с фотографий
Люди
Сказочных биографий.
Шли они,
Поднимая роты,
Закрывали
Собою дзоты.
С них
Полка начинается список...
В ту же книгу
Он будет вписан.
Молча
Замерли батальоны.
Встал он,
Тихий и потрясенный.
Принимают
Его перед строем
Равным в братство
К великим героям.

1948

«СТЕРЕГУЩИЙ»

Там, где под снегом распаленным стынет
Диковинная в северной стране,
Как будто парус каменный пустыни,
Мечеть на Петроградской стороне,

Есть памятник. В отсеке корабельном
Через клаксон, открытый на года,
Морозу не подвластна и метели,
Упрямо хлещет черная вода.

Летит поземка, замерзает камень,
Из дальних лет в бессмертье сыплет снег.
Открытое матросскими руками,
Там длится мужество и хлещет в новый век.

1948

* * *

А ночь идет, она уж на исходе.
Я слышу, как все тише шаг ее.
Горластый кочет гимн поет природе,
С насеста прославляя бытие.

И небеса холодные в туманах
Клубятся, проясняясь с высоты.
Предутреннюю дрожью на полянах
Охвачены деревья и цветы.

Сиги голубоватые в озерах
Ворочаются в водорослях, где
Бездомных звезд сухой летучий порох
Взрывается бесшумно на воде.

Хотя еще покой в лесу нарушить,
Покачиваясь, травы не велят,
Но волныши, как розовые уши,
Насторожила рыжая земля.

Встает рассвет, торжественен и розов,
Проснулось все живое естество.
Мир утверждает пресловутой прозы
С поэзией старинное родство.

Он весь звучит симфонией единой,
Обрызганный студеную росой,
В пыли цветочной, в заскорузлой глине,
Дорогой перечеркнутый косой.

Он лязгает полуторками ГАЗа
И соловьями щелкает в саду.
И вот я двери раскрываю разом,
Стихи бросаю и в него иду...

Там мой герой стоит в комбинезоне,
Не музою влекомый наугад, —
Он прибыл по билету третьей зоны
На электричке полчаса назад.

Он фартук надевает, он лопатку
Берет и подымает кирпичи,
И зажигают каменную кладку
Косого солнца дымные лучи.

Здесь творчества истоки и начало!
Поэты, пустословием греша,
Неужто вы забыли, как качало
Вас на лесах шестого этажа?

Ведь вы пришли не из гостиных строгих
В поэзию: в тридцатые года
Вас уносили в дальние дороги
Прямого назначения поезда —

На стройки Уралмаша и Турксиба.
В теплушках плавал папиросный дым.
Припомните о молодости, ибо
Ваш голос нынче вновь необходим.

Еще не время о цветах и травах, —
Из пепла поднимая города,
На передышку не имея права,
Мы все солдаты армии труда.

Повсюду бой, летит дымок известки,
Сырые стены гладит мастеров.
Здесь мой герой на шумном перекрестке
Поэму ладит из кирпичных строк.

По всем законам творчества построив,
Уедет он однажды на заре,
И управхоз пропишет в ней героев —
Поэтов, инженеров, слесарей.

И дому жить для многих поколений!
Я к каменщику зависть не таю, —
Такое хоть одно стихотворенье
Суметь бы мне сложить за жизнь свою!

* * *

Самое тихое время суток...
Кажется, в мире даже дорог нет.
Воздух, как спящий ребенок, чуток, —
Ладонью ударь, и он сразу вздрогнет.

Дальнее эхо пойдет по плесу,
На лес, на дома, на холмы натыкаясь.
Вскрикнет спросонок в кустах и подбросит
Уши, как столбики света, заяц.

Где-то дергач приоткроет дверцу,
Петли немазанные тревожа
В тереме травяном,
И сердцу
Нет ничего-ничего на земле дорожке.

1948

* * *

По одной нам земле ходить,
И под солнышком, и под месяцем,
Так положенный век прожить,
Что во веки веков не встретиться.

От печалей и от тревог
Не убавятся годы странствия.
Все мне чудится, как рожок
На забытой смолкает станции.

Все мне видится синий бор,
Желтый домик под красной крышею,
В чистом поле дымный костер,—
Только имя твое заслышу я.

1948

* * *

Без следа исчезну, только где-то
На земле дождинка упадет.
Перечтут мои стихи поэты,
Да забудут имя в тот же год.

Что тогда стихи мне, что поэты,
Что телячий оптимизм юнцов!
Падают закаты и рассветы,
Умирают все в конце концов.

Только остается супесчаник,
Память, словно эхо мертвеца,
И глухие зори мирозданья
Без начала вовсе и конца.

Свет планет, холодный и туманный,
Счет познаний вечных и смертей.
В мир приходит человек незванный,
И неожиданно подойдет к черте,

За которой темнота, вернее
Нету света, нету темноты.
Не морозит там, и там не греет,
В пустоте, где нету пустоты.

1948

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят.
Смертельною пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкой на ветеранов
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага,—
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе.
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет.
Мальчишки за нею бегут.
Кинопередвижку в «Победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги,
И дымный туман над рекой.
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

1949

УТРОМ

Луч ударил по гребню крыши —
Вся в червонном огне стреха.
Будят радиотехника Гришу
Утром рано два петуха.

Два пернатых горластых, алых,
Шпоры медные, хвост трубой,
В синих сумерках сеновала
Запевают наперебой.

А заря промывает стекла,
Поднимает птичий трезвон.
Легкий, рыжий, веселый, теплый
Гриша вскочит, отбросив сон.

Умывальник ночной прохладой
Плещет пригоршнями в лицо.
Как снежинки летят по саду
Лепестки цветов на крыльцо.

В клубе — комната. Дверь направо, —
И с картинки из «Огонька»
Сам профессор Попов лукаво
Заглядится на паренька.

1949

ВЕСНА

Как белые лебеди спины
Купая в прозрачной волне,
Последние ломкие льдины
Плывут по широкой Шексне.

Суглинок прогрели до нормы
Весеннего солнца лучи,
Одетые в черную форму
Гуляют на пашнях грачи.

И в мареве тонком и зыбком,
Где к небу привстал бугорок,
Качается тихо, как в зыбке,
На желтом цветке мотылек.

К механикам и полеводам
Пришла боевая пора.
Гремят до заката с восхода
В полях яровых трактора.

Бензина сиреневой гарью
Покрыт горизонт голубой.
Сидят за штурвалами парни,
Довольны собой и судьбой.

Люба им любая работа,
А эта дорожке вдвойне —
До соли девятого пота
На выжженной солнцем спине.

Ревут дизеля на подъемах,
И жирно дымит перегной,
И любо глядеть агроному
На весь этот мир пред собой.

Знаком он до робкой травинки,
Пробившейся к свету у ног,
Исхожен по рыжим тропинкам
И просто без всяких дорог.

Рассчитан, прощупан, промерен
И в дни, когда вьюги мели,
До сути структуры проверен
Промытый дождями земли.

Растут хорошо озимые,
Подкормка проведена в срок...
Лучи ударяют прямые,
Дробятся на камне у ног.

И, крылья расправя, с ромашки,
Сверкнув, мотылек пролетел,
На ворот расшитой рубашки
К плечу агронома присел.

А солнце все ярче пылает.
Глядит агроном на поля.
Он слышит, как дышит родная
Живая большая земля.

Ей красками цвести, не старея.
Пускай она нынче черна, —
Высокое солнышко греет,
И цвет обретает она —

Зеленый, и красный, и синий...
Спектральный анализ земли
Весна начинается в долине.
Трубят над землей журавли.

* * *

Может, пели песню плотогоны
На Шексне-реке, реке зеленой,
На реке зеленой на заре,
В золотом туманном сентябре.

В паутине плыло бабье лето,
Тонкий месяц таял до рассвета.
Звонким клином, вышибая лето,
Журавли по небу плыли где-то.

Медленно зеленых струй движенье,
Глубь с буксира меряли саженью,
Скрытые пощупывали мели
И негромко эту песню пели.

А потом за дальним поворотом
Шлюз открыл плотам свои ворота.
Из ворот открылся белый город,
Долгожданный город нашим взорам.

Плыл паром, громоздкий да скрипучий,
С девушкой шутил шофер-попутчик,
С кузовками по грибы-опята
На пароме ехали ребята.

Радуга стояла золотая,
И, ее мешками задевая,
Шли возы с горы к парому с хлебом.
А Шексна вдали уперлась в небо,
В перевалы облачных предгорий,
В голубое Рыбинское море.

1949

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются...
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.

Среди помидор раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросячьего визга,
Летящего из корзин,
Среди пиджаков, да жакеток,
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу, —
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну,
Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,
Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой,
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И, видно, уж так случается:
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,
А за грузовиком
Бежит жеребенок площадью,
Бежит, как будто за лошадью,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом.

1949

* * *

Медленно вращается Земля,
И летят планеты по орбитам.
Молодой галактики поля
Мглой белесоватою покрыты.

А с Земли в упор на мир глядит
Человек, упрямый и смятенный.
Сколько человеку предстоит
Дела в неизведанной вселенной?

Сколько проторить еще дорог?
И, как будто в путь собираясь тут же,
Он подошвы пробует сапог
И ремень затягивает туже.

А под ним, на полюсах пыли,
Снегом освещенная и светом,
Медленно вращается Земля,
Не совсем обжитая планета...

1949

ПЕСНЯ

Л. П.

Начинается песня эта
На делянке, там где костер,
В дым кудлатый сверху одетый,
Лапы жаркие распростер.

Он ломает сухие сучья,
Плещет пламенем у виска,
И для песни, пожалуй, лучше
В полночь места не отыскать.

Высоко, высоко и тонко
Тенор песню вывел, — она
Все о том, как жила девчонка...
А за тенором, как со дна, —

Бас, упрямый, тяжелый, низкий.
Поднимается на снегу,
И летят светляками искры,
Пропадая, шипя, в кругу.

Бородатые, в полной силе
(Седина легла у виска),
О девчонке вдруг загрустили
И запели два мужика.

И не то чтобы счастье мимо
Пронеслось у них, стороной,
И не то чтобы нелюдимы,
Одиноки в стране лесной, —

Просто хожено было много,
Этак лет, наверно, с полста,
По тяжелым земным дорогам,
И давалась жизнь неспроста;

Просто были, видать, невзгоды,
Просто трудно было не раз,
Просто вспомнили вдруг про годы,—
Так вот песня и родилась.

Высоко, высоко и тонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой, за Шексной, одна.

1950

НОЧЬ

На карты не все занесенный,
Вовсе не знаменитый,
Спит городок районный,
Небом ночным укрытый.

Сады в его изголовье
Ветрами взбиты прилежно.
Запорошила кровли
Черемуха цветом снежным.

Полночь с зарницей низко
Нагнется над ним, осветит
Улицы, площадь, пристань,
Речку в плену у ветел.

На тех же широтах где-то
Есть города бессонные,
С заката и до рассвета
Улицы озаренные.

А здесь все огни погашены,
Спят служащие и рабочие,
Дня продолжение вчерашнего
Снится им поздней ночью.

Все, о чем вслух мечтается
Дома и на собраниях,
Все, чего добиваются
Милые горожане.

Учителю — новая школа,
Школьнику — гром стадиона,
Трибуны над речкой Шолой,
Девушкам — парк зеленый.

Шоферу — асфальт без края,
А плановику-мечтателю —
Все разом, — ведь он-то знает,
Что сбудется обязательно.

На карты не все нанесенный,
Вовсе не знаменитый,
Лежит городок районный,
Небом ночным укрытый.

Снится ему, я знаю,
Так будет в будущем, в скором,
Что стал он гордостью края —
Большим, знаменитым городом.

1950

ЭКЗАМЕН

Побывал я в клубе армейском.
Не бывал я там целый век.
Принимало меня семейство,
Может, в тысячу человек.

«Встать!» — и ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не танкист,

Будто я не того же братства,
Жженный, стреляный, фронтовой,
И неловко мне было в штатской
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прошелестел и смолк,
И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настежь двери,
И друзей голоса в ответ:
«Что ж, слушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Почитай, мы примем экзамен...»
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вослед:
«Что ж, слушаем и проверим —
Ты на деле танкист или нет...»

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу.

Зал откашлялся, смолкнул, замер...
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас, я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

1950

НОЧЬЮ В КАЗАРМЕ

От полов непросохших, до блеска надраенных
Холодок поднимается, как от реки.
Ходит с саблей дежурный над снами хозяином.
В пирамиде луна побелила штыки.

Спят, вернувшись с наряда, стрелки, пулеметчики.
Сладок сон им, как дома родимого дым.
Спят, подсунув ладони озябшие под щеки,
На подушках, набитых сенцом молодым.

Подобревшие лица и губы упрямые
Близким отблеском юности озарены.
Есть в нем домик с березкой и старою мамою,
Снятся ночью солдатам гражданские сны.

В этой комнате, если б могли, мы увидели
Реки, горы, долины, дороги в пыли,
Слесарей, трактористов, веселых строителей,
Мирных жителей — добрых хозяев земли.

1950

ПОЛК ОБЕДАЕТ

Встало солнце литое на небосклоне
В полуденной своей, самой яркой красе.
Ходят песни повзводно в этот час в гарнизоне,
Их выводят старшины из казарм на шоссе.

В гарнизонной столовой щи в котлах прокипели,
Приготовлена рыжих буханок гора,
Жаром пышут котлеты, жир стекает капелью,
Черпаками орудуют повара.

А за окнами лето, в гимнастерки одето,
По дорогам полсвета прошагало чуть свет.
Пыль клубит каблуками, бьет железом о камень,
Загорелое лето идет на обед.

А к его гимнастеркам травинки прилипли,
Солью тронуты плечи, щеки выдубил зной,
Но к ветрам и дорогам недаром привыкли,
Рубят правофланговые шаг строевой.

Над столами в столовой бачки, словно боги,
До сиянья надраены мелким песком,
Мисок жаркие диски, запах щей на пороге,
И дежурный с повязкою перед полком.

Полк столы занимает, шумный, бритоголовый,
По команде пилотки летят на скамью.
Хорошо поработать солдату в столовой,
Поработав до пота в учебном бою!

А за окнами клены, в плащ-палатках зеленых
Встали, как часовые. Птичий смолк перещелк.
Солнце над гарнизоном. Небосвод прокаленный.
Тишина на дорогах. Обедает полк.

1950

НА ПОВЕРКЕ

Вечер над землей горит, не меркнет,
Словно знамя в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.

С моего положенного места
Отвечаю старшине не я.
На прогулке запоет он песню —
Ту, что пели все мои друзья.

Рота грянет — жарко небосводу,
Тучи выгибаются звеня;
Знать, с него сегодня помкомвзвода
Спрашивает службу, как с меня.

Бьют о камень новые подковы,
Оборвался свист над головой,
И походный шаг правофланговый
С ходу заменил на строевой.

С ходу не форсировал он Одер
В сполохах гудящего огня,
Но глядят с надеждою народы
На него, как прежде на меня.

На него надеются по праву
Так же, как когда-то на меня,
В главном штабе маршалы державы
И в колхозе вся его родня.

Пламя домен надо мной не меркнет,
Словно знамя в золоте, в шелку.
Не меня сегодня на поверке
Вызывает старшина в полку.

Только пусть там помнят, за морями:
Как и он сейчас в полку, своим
Я считаю полковое знамя, —
Ну как вместе встанем мы под ним?

1950

* * *

Впервые в жизни на земле большой,
Где сто морей, материков и неба,
Я понял здесь, что мы живем душой,
И стал таким, каким еще я не был.

Не раскрывался предо мной простор,
Я не всходил на облачную гору,
Весь в медных пятнах полыхал забор.
И дым сирени стлался по забору.

Калитка да железное кольцо,—
Одно навек из колец обручальных,
И в темноте светящейся лицо
Вдруг полыхнуло вечной далью.

Здесь счастье мне сказала тихо: да!
И скрылось за калиткой, за забором.
Но дух перехватила мне тогда
Та высота, с которой меркнут горы.

1950

* * *

Ни шороха, ни звука, — тишина
Ничем не нарушима над заливом,
Лишь на песок ленивая волна
Вдруг рассыпает пену прихотливо.

Глубокий вздох, и вдаль уйдет она,
И никогда ее ты не услышишь.
Над голубым заливом тишина
Спокойно в лето северное дышит.

Ей никого не надо, только я
Люблю ходить на берег одинокий.
Что женщина, что верные друзья?
Всему на свете наступают сроки.

За необычной дымкой горизонт,
В тумане, там, неведомые страны,
И я был так же в жизни унесен,
Как этот парус в синие туманы.

Пока я жив, пускай меня несет,
Как в океане шхуну китобоя,
До всех недостижимых широт.
Мне никогда не обрести покоя.

По всем путям и перепутьям дальним,
Навстречу всем тревогам и ветрам.
Я жить хочу, я жить хочу, с печалью
Мешая злую радость пополам.

Чтоб тьму как солнцем разрывая в клочья,
Пройти по жизни там, где горячей,
И все познать, на ощупь и воочью, —
Суть всех явлений в жизни и вещей.

1950

* * *

Я словно опустевшая квартира,
Откуда за полночь ушли друзья.
В ней происходит перестройка мира,
Которую откладывать нельзя.

Передвигаю вещи и предметы.
Сор выметаю. Убираю дом.
Переключаю свет. Поменьше света.
И больше трезвой ясности притом.

Слова, слова... Они еще клубятся,
Как дым несвежий старых сигарет.
Даешь сквозняк!
Пусть ветер с Петроградской
Прохолодит и стены и паркет.

Но главное не в этом. Тихо стало.
С Невы влетел и зазвучал во мне
Крик чайки, отдаленный гром вокзала,
Стук каблучков, как строчка в тишине...

1950

У КОСТРА

Костер в лугу горящий, над рекою,
Вдруг осветивший прошлое огонь.
Иду к нему по светлому покою
Намокших трав, сквозь голубую сонь.

Иное детство стережет сегодня
В ночном коней иного табуна.
Но над водою золотую сходню
На темный берег бросила луна.

Пускай войдет по ней воспоминанье
На этот берег детства, наугад,
Ведь времени невидимые грани
Не составляют для него преград.

Здесь все, как встарь: ты слитки золотые
В костре тяжелой палкой вороши
И, слушая истории ночные,
От страха и восторга не дыши.

Кури сигарки толстые из моха,
Босые пятки согревай в золе.
Да, было детство прожито неплохо
На этой стародедовской земле.

И до сих пор дымок костров недаром
Неведомым волнением обдает,
Как летним опьяняющим угаром
Прошедшее из памяти встает.

И вдаль идет, где все ему знакомо,
Бесшумен плеск огня багровых крыл...
Я много лет в деревне не был дома,
Я у костра сегодня загрустил.

1950

* * *

Коль трудно будет, я приду туда,
В ту рощу забинтованных березок,
Где спит в воронках рыжая вода
И черный танк в огне заката розов.

Пять лет прошло, а танк еще горит,
Трещат сухие сучья, как патроны,
И столб багровой северной зари
Стоит над башней черной, опаленной.

Я в ней горел, искал рукою люк,
Срывал одежду на снегу горячем.
Здесь мой солдат, мой закадычный друг,
Стрелял из пулемета наудачу.

Да, я приду, и я опять смогу,
Коль с ног собьет, подняться в рост в ненастье.
Последнюю гранату — по врагу,
И словно к жизни, пробиваться к счастью.

1950

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА

У Марьи Гавриловны много хлопот:
Днем никогда она не присядет,
Ночью в любое время встает,
Встречает гостей, достает тетради.

Неловко рукой карандаш берет:
— Фамилия?.. Имя?.. Отчество?..—
И на свободную койку ведет,—
Спать ведь сердечному хочется.

— Тут и ложись, до утра поспи,—
Шепотом льется речь ее.—
Хозяин койки где-то в степи,
А утро мудренее вечера.

Ветром дыхания ночь полна,
Душная, напряженная...
Льется из окон на лица луна,
Сном до утра смягченные.

Спят инженеры, и техники спят —
Гостиницы маленькой жители.
Посмотрит, как на своих ребят,
Гавриловна на строителей.

Крайний наказывал в пять поднять,—
Надо чайку вскипятить заранее.
Плохо стал экскаватор шагать,
Мается парень с шаганием.

Покоя не знает даже во сне,
На узкой койке ворочаясь.
А ходики тихие на стене
Ночь прошивают строчкою.

Одежду упавшую подобрал,
Уложит, чтобы не морщилась...
Мария Гавриловна — зам и зав,
Директор она и уборщица.

Кто как зовет. А только ее
Мамою звать бы надо:
Помоет полы, постирает белье,
Везде наведет порядок.

Не перечислишь даже всего,
Что она за день сделает.
И, словно не делала ничего,
В беседе общей — несмелая.

Такое уж свойство русской души...
Скажешь: — Да как вы одна с заботами?
— Чего уж заботы мои, не смейши,
Вот уж ребята — работают.

Будто чем виновата сама,
Что гор она не ворочает,
Не строит плотин, не возводит дома,
Лишь по хозяйству хлопочет.

А парни приходят, от пыли седы,
Спецовку долой и ботинки...
От ведер колодезной злой воды
Гремит умывальник цинковый.

Солнцем и степью веет от спин,
Глядит она, горькой любви не тая...
Был до войны у Гавриловны сын,
А теперь — только все сыновья.

СУСЛИК

Рыжий суслик с круглыми глазами
В степь ныряет и исчез, как дым,
Лишь когда взорвется тормозами
Черная дорога перед ним.

Что-то с миром вдруг стряслось такое —
Суслику степному не понять,
Навсегда лишился он покоя:
Трудно рядом с громом проживать.

Выпачкана шубка солидолом,
Бегают — ни отдыха, ни сна,
Тощий, запыленный, невеселый,
В поисках насущного зерна.

Даже овсюга в степи не стало,
Выгорел и вытоптан овсюг.
По степи грохочут самосвалы,
В небе птицы тянутся на юг.

В свете электрическом за Волгой,
У скрещенья множества дорог,
Вот и встал он, теплый рыжий столбик,
Продувая маленький свисток.

1951

* * *

К тридцати летят, идут года,
А еще как будто я и не жил.
Впереди лежат хребты труда,
Горы трудностей и дел безбрежность.

Все в грядущем, как ни погляжу.
И еще уверенности нету:
Может, даром по земле хожу?
Ничего не сделано при этом.

Что я знал, запомнил и сберег
И храню, как вечное наследство,—
Даль гремящих фронтовых дорог,
Начинавшихся почти у детства.

1951

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Чем-то дальним и незнакомым,
Неизвестным тебя возьмет
Вечер поздний и в ночь из дома
Вдоль по улице поведет.

На Неве вода масляниста,
Спят прогулочные суда,
И качается в небе чистом
На всю землю одна звезда.

Дебаркадер белый тесовый
Вдруг покажется на Неве
Просто тихой избой за Псковом
На лугу в голубой траве.

Белой ночи прозрачный полог,
Розоватая тень зари
Открывают тебе, как долог
Давней грусти забытый ритм.

Как волна от того, другого,
Синя берега, вдруг она
Вот придет и охватит снова,
И уйдет она, как волна,

Одинокая и большая,
Непонятно чем рождена,
В эту полночь тебя лишая,
До трамваев из парков, сна.

Вот как будто бы все как надо:
Ты работаешь и живешь,
И друзья тебе вроде рады,
И от них ты не отстаешь.

И доволен собой порою,
И причин для печали нет,
Но почувствуешь вдруг — покоя
В тридцать лет и в помине нет.

И не знаешь, каким девичьим
Легким именем звался он,
Как короткая песня птичья
Ветром времени унесен...

Никогда не брала усталость
От дорог, от забот и дел,
Но не сделано, что мечталось,
И не создано, что хотел.

И по набережным открытым,
Вот идешь, не зная куда...
Остывают гранита плиты,
У мостов бормочет вода.

Занимается день грядущий,
И полнеба в огне уже,
Вот уже он и в комнаты впущен
На шестом твоём этаже.

Дует ветер с залива, с Лахты,
Крепнут волны, гремят мосты,
Вымпела поднимают яхты
В нетерпении широты,

Неизвестных, грозных просторов,
И дорог по путям зари,
И включает тебя сам город
В свой упругий и вечный ритм.

1952

* * *

Когда искусство не было товаром,
В тот отдаленный примитивный век, —
Одетый в шкуры, наделенный даром,
К нему воззвал пещерный человек.

Он силой своего воображенья
Создал охоты пышные поля:
На скалах вдаль легко неслись олени,
Шел грозный мамонт, бивни закругля.

Он в них направил каменные стрелы,
Уверенным стремительным штрихом
Черта на камне и стрела летела,
И падали олени кувырком.

Ему все это душу веселило,
И думал он, что горе не беда.
И сила эта новая сулила, —
Да, он все может в мире!
Вот тогда...
Тогда искусство просто жизнью было,
Как сон, как солнце, как сама еда.

1952

* * *

Гудок над пристанью вечерней,
Река — как черная заря,
И вот мне ключ каюты вверен, —
Я еду, проще говоря.

Еще не взрыли воду плицы,
Томит минута тишины,
А память уж вперед стремится,
Навстречу бакенам Шексны.

Сейчас за первым поворотом
Березка встанет на косе,
И проплывут моста пролеты
Во всей своей стальной красе.

Шексна, ты в детстве мне казалась
Всех рек огромней на земле,
В тебе все небо отражалось
Со всеми звездами во мгле.

Ты поднимала пароходы
В два этажа, как города.
Я много рек за эти годы
Больших и малых повидал.

И на иные ты похожа,
Как тропка на широкий путь...
Но ты мне стала всех дороже,
А это значит что-нибудь.

1952

* * *

Болото, да лес, да озера,
Да выцветший купол небес.
Деревня взбежит на пригорок,
И снова болото да лес.

Там сплавщик встает над рекою.
Багор занеся, как копье.
И ветер, не зная покоя,
Старинные песни поет.

Там солнце — в рыбацкие сети —
Запуталось в белую ночь,
И парус трещит на рассвете,
Не в силах волны перевозмочь.

Дарил меня первой любовью,
И горем, и радостью он,
И славой своей, и присловьем —
Всем, чем и богат и силен.

И в нем понимать я учился
Травы и деревьев язык,
В воде и огне окрестился,
К веслу и винтовке привык.

До песен и сказок охочий,
Хранящий и радость и грусть,
Мой северный край. Заволочье.
Моя журавлиная Русь.

1952

ВСТУПЛЕНИЕ К СКАЗКЕ

Вечер небо за окнами вызвездил,
Небо сыплет синими искрами,
Месяц землю посыпал известью,
Будто город только что выстроенный.

Огонек словно нос утиный
В лампе-луковице стеклянной.
Он, да я, сказка старинная —
Трое в горнице деревянной.

Сказка ходит, в дорогу одетая,
По сверкающим половицам.
Вы запомните сказку эту, и
Эта сказка вам пригодится.

Про жар-птицу она известная,
Есть на свете река-зареница.
Как охапки огня чудесного
Там проносят хвосты жар-птицы.

Чуден свет этих перьев, чуден,
Как от солнца от лучезарного.
Просто диву даются люди,
Не дается им только жар его.

Вот поймать бы, мечтают люди,
Посадить бы в светлицу птицу,
Чтоб при этом пречудном чуде
Жить в веселье им и трудиться.

Пить чай с малиной, смородиной,
С молоком топленным, с ватрушкой.
А откуда та сказка родиной —
Я тебе расскажу,
Ты слушай.

1952

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошел, и сторона лесная
Расступилась, и во всей красе
Встала в небе радуга цветная,
Как ворота на конце шоссе.

В створе расступившегося бора
За воротами — сады, дома,
Белый, красный, золотистый город,
Неба, солнца, красок кутерьма.

Будто зачарованный картиной,
Восхищенных глаз не отводя,
Смотрит пассажир автомашины
Сквозь стекло с веснушками дождя.

Кажется: пока что не открыта,
Там, за радугой лежит она —
Солнцем залита, дождем промыта —
Необыкновенная страна.

1952

ФОТОГРАФ

На углу, на площади базарной,
В домике, где солнце в окна бьет,
Маленький, смешной и популярный
Мастер фотографии живет.

Здесь по воскресеньям утром ранним,
С важностью особой на лице,
В праздничных костюмах горожане
Вытирают ноги на крыльце.

В доме белокаменные горы,
Лодка на волнах, как на пиле,
Конь-огонь, — ударь с размаху шпорой
И на край земли лети в седле!

Есть для малышей свисток отличный,
Чтоб на мир глядели малыши
(Вот сейчас вспорхнет навстречу птичка)
И смеялись ото всей души.

Мастер посетителей встречает
Как гостей, которым очень рад,
Молодых и старых величает,
Полчаса наводит аппарат.

Подойдет, чуть-чуть поправит орден,
Чтоб сидел клиент во всей красе,
Шутит сам: «Снимаю!.. Снял!.. Испортил!»
Не испортит. Это знают все.

Весь район за стеклами витрины
Показал фотограф неспроста:
Женщины, мальчишки и мужчины,
Как в театре, заняли места.

Вот на старом снимке, как в тумане.
В мичманке парнишка юный встал.
На Великом-Тихом океане
Служит нынче грозный адмирал.

Закусив зубами папиросу,
На фанерном скакуне летит,
Русый, недозволенно курносый
Из села Ивановки «джигит».

Не пошел «джигит» по части конной.
И, как видно, не пошел не зря:
Знают все большие стадионы
Хватку молодого вратаря.

Рядом с ними (я скажу заранее:
Слава их не очень велика) —
Просто рядовые горожане,
Просто из соседних сел крестьяне,
Снятые на фоне городка.

Ну, а чуть повыше на витрине
Семь портретов с Золотой Звездой:
Две звезды заслужены в Берлине,
Пять — в колхозе, на земле родной.

Смотрят, как живые, с фотографий,
Ретушью прикрашены слегка,
Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.

1952

ШУРА КАПАРУЛИНА

Стол предрика в солнечных накрапах,
Тополь отражается в стекле,
И лежит велюровая шляпа,
Как зеленый холмик, на столе.

С лектором из областного центра
Петр Степаныч разговор ведет,
Машинистка в «ундервуд» за стенкой
Осторожно, деликатно бьет.

К ней в окно влетает зелень мая,
Стук подков, автомашин гудки,
И влетела с ними золотая
Песня-птица с берега реки.

В двери, не стучась, без промедленья
Машинистка — волосы вразлет:
— Петр Степаныч, я прошу прощенья,
Шура Капарулина поет!

Удивленье гостя замечая,
Ничего не говоря в ответ,
Петр Степаныч радио включает —
И ворвалась песня в кабинет.

Молодой грудной, щемящий, властный
Голос разом всех зачаровал,
Будто близко пролетело счастье, —
Кто из нас о нем не тосковал?

В девичьей косынке над рекою, —
Все его по-разному зовут...
Песня льется, душу беспокоя,
И молчит за стенкой «ундервуд».

«Но нельзя рябине к дубу перебраться», —
Шура Капарулина поет...
А немолодому ленинградцу
По районам предстоит скитаться,
И жена уж третий месяц ждет.

Имена певиц перебирая,
Чуть взгрустнув — немножечко устал,
Вот сидит он, недоумевая,
Оперы любитель, театрал.

— Кто ж такая это, в самом деле? —
У предрика свет из-под бровей:
— Мастерница кружевной артели,
Гордость наша, местный соловей...

Песня то замрет, то с новым жаром
Городок весенний захлестнет,
Над притихшей площадью базарной,
Над рекой у пристани плывет.

В парке, где поют на кленах птицы,
Из окошка радиоузла
Песня льется. Где же ей вместиться
В микрофон-скворечник у стола?

И шофер-парнишка с грузом срочным
Выключил мотор возле ворот, —
Он от песни уезжать не хочет...
Шура Капарулина поет!

* * *

Низко пригибая травы лета,
Шла гроза, огнем грозя земле,
В буре электрического света,
В фиолетовой слепящей мгле.

А под нею, тенью злой застигнут,
Белый голубь крыльями хлестал
Частого дождя косые иглы,
Воздуха похолодевший вал.

Легкий лепесток живого света,
Погасить его хотела тьма,
Но, с земли давно завидя это,
Мальчуган на крыше не дремал.

Он, шестом вооружась как пикой,
Весь взъерошен и взаправду зол,
Воздух свистом рассекал и гиком
И плевал на то, что дождик шел.

Сам не зная, как могло случиться
То, что с крыши в страхе не удрал,
Беспокоясь всей душой за птицу,
Он ее подбадривал и звал.

И когда над ним разверзлись громы,
Он, чердак закрыв за голубком,
Заплясал, охвачен незнакомым
Чувством, в этот миг рожденным в нем.

Молнии ломались по соседству,
Но, по крыше вдруг пустившись в пляс,
Он грозил им кулачком детским,
Ничего на свете не боясь.

1952

* * *

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не выдавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не цenia,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца, звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу, —
Не поздно пока еще, друг».

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал;

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза;

Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

1952

НА УЧЕНИЕ

Летит, клубясь, над танкодромом
Газойля дым в начале дня,
Где в сталь закованные громы
Стоят на линии огня.

Сейчас упругие затворы
Взрывная отведет волна.
Мелькнет в прицелах дот, пригорок,
Как будто там сама война.

Ее сейчас на том пригорке
Сомнет тяжелая броня.
Летят в дыму «тридцатьчетверки»,
Встают, ревя, столбы огня.

Сосредоточенны солдаты.
Ведь им уже давно слышны
Бомбежек тяжкие раскаты
Из дальней маленькой страны.

Проходят в небе строем ИЛы,
Молчат солдаты у машин,
И это есть молчанье силы,
Которая брала Берлин.

1952

* * *

Здравствуй, юность танкистская!
До отбоя с подъема,
Где с тобой мы дружили и жили, как дома,
В грозном царстве газойля, металла и грома
Не бывал я давно на твоих танкодромах.

Тихо светятся лампы контрольные раций
У тебя в огневом броневом батальоне,
Маслянистые молнии в башнях хранятся,
Строгий холод брони ощущают ладони.

Над тобой проплывает, в багрец разодета,
Осень мирной державы, светла и нарядна,
Паутинками тонкими бабьего лета,
Дальней песней в просторах полей неоглядных.

Над тобою не плещет ревущее пламя.
Пред тобою спокойные горы и доли,
Журавли в небесах тебе машут крылами,
Вот стоишь ты, безусая, люк откинув тяжелый.

Знамя в штабе твоём зачехленным хранится.
На линейке хрустит утрамбованный гравий.
Но ты стала наследницей древних традиций
И навеки причастной к немеркнущей славе.

В честь твою салютует сегодня столица,
Небеса как костер полыхают багряный.
И, листая истории нашей страницы,
Вспоминают далекие дни ветераны.

Здравствуй, юность танкистская, верная долгу,
На ревущих на мирных своих танкодромах,
В травах осени росами грузно наволглых,
В грозном царстве газойля, металла и грома!

1952

* * *

Жить бы мне на земле
Четыреста лет,
Я б и то, когда смерть привязалась,
Ей сказал бы так:
Что ты ходишь вслед,
Дай пожить еще самую малость.

Наглядеться на солнышко я не успел.
Надышаться родимым небом,
У меня еще столько неконченных дел,
И с земли ты меня не требуй!

Что тебе пятьдесят или сорок годков —
Дай отсрочку, а там, пожалуй,
Сам приду к тебе и буду таков,
Самой лютой кончиной жалуй.

1952

* * *

Говорят, что мы — поколение
И что этим мы и славны,
Поколение — повелением
Высочайшим самой войны.

Ох как трудно стать поколением!
Если мы бы не стали им,
Все б закончилось поражением
И падением мировым.

Что ж, выходит, что поколением
Называют нас не зазря.
Поколение — не год рождения,
Поколение — год Октября.

Поколение — фронты гражданские,
Поколение — гребни плотин,
А не просто по свету странствие
От крестин и до именин.

И живем мы, ничем не хвастая,
В этом нашей заслуги нет.
Только есть ощущение ясное
Не напрасно прожитых лет.

1952

ПИСЬМО

Я здесь живу на сквозняке,
Меж гор, поднявшихся до неба,
Не на курорте, а в тоске,
В какой еще ни разу не был.

Уж месяц март, а здесь зима —
Такой не помнят старожилы.
Дрожат озябшие дома,
Скрипят деревья что есть силы.

Отсюда надо бы бежать,
Но, на весну тая надежды,
Я продолжаю что-то ждать
На юге, средь сугробов снежных.

Над отопленьем паровым
Окно у нас пургой забито.
Я сплю и ем, и мой режим
Еще на двадцать дней рассчитан.

Но это все не вся тоска:
Есть здесь на телефон тропинка,
Там голос той издалека
Звенит холодный, словно льдинка.

И трубка, брошенная зло,
Летит на рычажок с размаху,
И все надежды на тепло
Опять летят куда-то прахом.

Клубится на горах мороз,
В лицо с размаху хлещут вьюги...
Не дай бог, чтобы вам пришлось
Вот так зазимовать на юге.

1953

* * *

М. Исаковскому

Рыжий дождик бегал с ветром взапуски,
Речку затопили небеса,
Солнце по небу ходило запросто,
Но происходили чудеса.

С неба лес спускался к речке лесенкой.
Колокольцы падали с весла,
И нехитрая, как полдень, песенка
В том краю родилась и пошла.

С ней сдружились плотники и пахари,
А у них дела по всей земле;
Услыхав ее, баяны ахали
Даже в самом песенном селе.

А была она короче коротка,
Ничего особенного в ней,
Но, видать, в ней что-то людям дорого,
И они сочли ее своей.

Даже в океане Атлантическом
Кочегар сменился у котла,
И под небом душным и тропическим
Песня, как над Волгой, поплыла.

Значит, в ней жила, звучала русская,
Грустная в тот миг, душа-краса
И звала домой, как тропка узкая...
Так и происходят чудеса.

1953

* * *

Я не люблю людей, которым
Привычкой стало каждый раз
В речах с трибун и просто в спорах
Употребленье громких фраз.

У них в устах слова святые,
На жизнь дающие права,
Звучат не то чтоб как пустые,
А, скажем, громкие слова.

Я не встречал подобных в роте,
И в батальоне, и в полку,
И были где они в почете,
Так, стало быть, в другом кругу.

Слова, я слышал их не часто,
О них молчали мы подчас,
Нам повторяло их начальство
И лишь по службе, чаще нас.

Когда пятьсот шагов до места,
Где проверяются слова
Огнем, железом, кровью, честью
И верит лишь делам Москва.

1953

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Мы становились на колени
Пред ним под Мгой в рассветный час
И видели — товарищ Ленин
Глядел со знамени на нас.

На лес поломанный, как в бурю,
На деревеньки вдалеке
Глядел, чуть-чуть глаза прищуря,
Без кепки, в черном пиджаке.

Гвардейской клятвы нет вернее,
Взревели танки за бугром.
Наш полк от Мги пронес до Шпрее
Тяжелый гусеничный гром.

Он знамя нес среди сражений
Там, где коробилась броня,
И я горжусь навек, что Ленин
В атаки лично вел меня.

1953

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

В утра сумерке синем
Ворота открыты.
Молча лестницу вынес,
Поставил на плиты.

В старом ватнике что-то
Озноб бьет сегодня...
Но не сразу он
Древко сосновое поднял.

Постоял, будто не было
Силы решиться.
По глазам покрасневшим
Провел рукавицей.

И поднялся по лестнице
Вверх, осторожно, —
В темноте, там
Держалку найти невозможно.

Сжаты пальцы сухие
На древке в кулак...
Как тяжел этот легкий,
Этот пламенный флаг!

1953

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Л. П.

Я встретил женщину одну
И вспомнил о девчонке русской.
Весь город был у ней в плену —
Глаз, песенок, проказ и вкусов.

Весь деревянный рай земной,
Черемуховый, двухэтажный,
Со средней школой, с тишиной,
Со змеем в облаках бумажным.

Мы не встречались десять лет.
Лет шесть не знали друг о друге...
Из-под ресниц прохладных свет
Метнулся в радостном испуге.

Она — и не она, собой,
Как светом, день преображая,
Красивая, передо мной
Стояла женщина чужая.

Я девочку любил тогда.
Есть память: с этого вокзала
И в юность ходят поезда.
«Ты помнишь?..» — девочка сказала.

Я оглянулся —
Сердце сжалось:
Разлукой сожжена дотла,
Любовь передо мной предстала,
Как степь от солонца бела.

Два-три куста воспоминаний
На ней пока еще росли,
Не зелень, а одно название,
Все пожелтевшие, в пыли...

А дальше пепел трав горелых
И отпечатки в нем цветов,
Когда-то синих, алых, белых —
И я заплакать был готов.

Но предо мной, открыта свету,
Стройна, лукава, смущена,
Стояла и ждала ответа,
Как даль весенняя, она.

Звала она щемящей грустью,
В которой солнце, тишь, гроза...

И я забыл девчонки русой
Проказы, песенки, глаза.

1954

* * *

Час назад сказал как можно строже:
«Спать пора!» Ссылался на часы.
Общими усилиями уложен,
Тихо спит под одеялом сын.

Брошенные возле печки в ящик
Слон с медведем, тишину храня,
Глазки неподвижные таращат,
Глядя удивленно на меня.

Да и как же им глядеть иначе:
Я ведь их — царей лесов больших —
Превратил в недышащих, незрячих,
Маленьких, тряпичных, неживых.

Сын для них привольные кочевья,
Реки и долины создавал;
Слон трубил, медведь ломал деревья,
Теплый ветер морды им ласкал.

Я разрушил этот мир руками,
Но ничто зверюшек не страшит:
Встанет их волшебник с петухами
И немедля словом воскресит.

1954

* * *

Сыну Володе

Палочки две и одна закорючина —
Первая буква. Удастся ли стык?
Как это трудно и как не изучено!
Высунут чуть и прикушен язык.

Пот выступает на носике каплями,
Крепко зажат карандаш в кулаке.
Детство мое вновь выводит каракули
Передо мною на белом листке.

Здравствуй, ну вот мы с тобою и встретились!
Как это вышло — мне трудно понять.
Взрослыми стали давно уж те дети,
С кем я учился буквы писать.

Дымом повито, ветрами исхлестано,
Странами скрыто, любовью, войной,
Верстами, с неба упавшими звездами,
Временем, танковой тяжелой броней.

Встал, не дышу, не спугнуть бы мгновение!
Все узнаю: непокорную прядь,
Сосредоточенность и нетерпение...
Снова мы учимся буквы писать.

1954

ПЕРЕД ПАРАДОМ

Уснула города громада,
И, может, час уже гремя,
В ночь за неделю до парада
Идут по городу грома.
На перекрестке иногда
Они встают в равнение стройном.
А дождь идет, течет вода
По стали пушек дальнобойных,
По башням, блещущим слегка,
И по парням в сукне и коже,
Глядящим с башен свысока
На редких в этот час прохожих.
Газойля дым, походов дым...
И, приобщенным к славе сталью,
Им думается, молодым,
Что за плечами плещут дали,
В которых Прага и Берлин.
Пожары, рейды, медсанбаты...
И вот они глядят с машин,
Как все выдавшие солдаты,
И дела нету им притом,
Зачем без видимой причины
Стоит и мокнет под дождем
Уже немолодой мужчина.

1954

* * *

Утро было. Одевшись теплей по привычке,
Я на улицу вышел, любуясь на осень,
На веселое солнце, на избы, на птичник,
Возле речки стоящий на рыжем откосе.

Вдруг слышались сверху какие-то звуки,
Сердце разом задевшие зовом и грустью.
Синь плеснула в глаза. Взял шапчонку я в руки:
Улетели, кружа над деревнею, гуси.

Долго белые гуси кружили над лугом,
Над речушкой холодной, над птичником теплым,
Где их братья, тесня в это время друг друга,
Гоготали в кругу перед птичницей Феклой.

Из корзины она рассыпала им зерна,
И они их клевали, глотая проворно,
И с чиновною важностью белые шеи
Гнули перед корзиной все злее и злее.

А над ними над лугом трубою сигнальной,
Одинокой, призывной, прощальной, печальной,
Плотный ветер крылами наотмашь сминая,
По-солдатски равнялась гусиная стая.

И ложилась на курс, ей завещанный, древний,
С ливнем, с бурями, с лютой тоскою
По озерам полесским, по русской деревне...
До сих пор эта стая меня беспокоит.

1955

ЛЕНИНСКИЙ БРОНЕВИК

Шел апрель семнадцатого года.
В Петрограде, за рекой Невой,
Открывая к счастью путь народам,
Ленин стал на башне броневой.

Берег революции гранитный,
Тысячи людей к плечу плечо...
С той поры во всех великих битвах
Броневик был всюду с Ильичем.

Он стоял у Смольного в дозорах,
Согреваясь у костров ночных,
Зимний брал, как младший брат «Авроры»,
Впереди отрядов штурмовых.

А когда Антанта на Советы
Двинула со всех сторон войска,
Говорят, что на гражданской где-то
Затерялся след броневика.

Нипочем ему огонь орудий,
Он ходил в метели и огне.
Говорят, его видали люди
В трудный час почти по всей стране.

Лентой пулеметной опоясан,
Комиссар в кожанке, большевик...
На немислимых путях и трассах —
Всюду появлялся броневик.

И однажды с хода, с разворота,
Говорят, прорвавшись сквозь туман,
Он увидел оком пулемета
В самом деле Тихий океан.

Черный дым на горизонте таял —
От эскадры иностранной след.
Облака летели из Китая,
Кувыркались чайки, плыл рассвет...

Кончилась гражданская. И снова
Не могли его нигде найти.
Может, был он демобилизован,
Может, в кадрах службу стал нести.

Скромный, рядовой слуга народа,
Верный долгу, старый большевик,
Снова он в предгрозовые годы
Объявился людям — броневик.

На него в войну равнялись танки,
Рвя блокаду бурей броневой.
Он опять ходил во все атаки,
Был он под Каховкой и Москвой.

Ветеран боев за власть Советов,
Миру, солнцу вешнему открыт,
Он и по сей час в броню одетый
В Ленинграде над Невой стоит.

1955

* * *

В наше время скорости и света,
Штурма неба мировых высот
У меня есть дальняя планета,
И с нее ко мне летят ракеты
По весне уже который год.

Вот они выходят на орбиту
Памяти
По небосводу вновь.
В сердце у меня для них открыты
Верность, благодарность и любовь.

Рвут они ночное покрывало.
Постоим, уйти повременим.
Вот уже как будто не бывало
Времени со сменой лет и зим.

Полк гвардейский, Мгинский, тридцать третий —
Жаркая планета среди планет
Юности моей.
На белом свете
Памятней ее, пожалуй, нет.

Что со мною делают ракеты —
Шлют воспоминания сюда.
Я стою в бесшумных вспышках света,
А вокруг меня рвут года.

Плещет дым газойля горьковатый,
Тяжкая колышется броня.
Снова в шлемах танковых ребята
И дороги, полные огня.

Дружба дружбой.
Снова ради друга
По снегу товарищи ползут.
Я лежу под пулеметной вьюгой,
Но они пробьются и спасут.

Времени космическая бездна,
Как стекляшка, колетса у ног...
На земле нежней их рук железных
И надежней я найти не мог —

В ссадинах, в ожогах, в солидоле, —
Вечная поэзия земли.
В чистом поле, во широком поле
Вот они машины повели.

Я стою под звездным ливнем жарким,
В облаках, колышась и звеня,
Гаснут и встают из света арки,
В юность уводящие меня.

Замерло на площади движение,
Город праздник над землей зажег,
И идут ко мне стихотворенья
В шлемах, в кирзе с головы до ног.

1955

9 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню эту дату в сорок пятом.
Еще война гремела на войне,
А мы, отвоевавшие солдаты,
Ловили рыбу на реке Шексне.

Гребли вдвоем — он левою, я правой.
Вытаскивали сети не спеша.
Под носом лодки расступались травы
И за кормой смыкались, чуть шурша.

Огромный шар поднялся из-за елей
В заре, не догоревшей до конца.
И мы тогда на солнце загляделись,
Не пряча глаз, не отводя лица.

Река неслась, как время, в дымке алой,
Бесшумно отражая небеса.
И ни одной пылинки не упало
Еще на листья, травы и леса.

А в устье, так, что весла гнулись с треском,
Ворвалась лодка с озера одна,
И в лодке весть на все лады, как песню,
Несли и пели: «Кончилась война!»

Так вот он, мир! И, позабыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом
Мы побежали к людям на рассвете, —
Мы не могли тот день встречать вдвоем.

Багровый флаг горел, кипел над крышей.
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Все речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слезы было нечем утереть.

Сейчас для нас как символ день победный,
Победе нашей грозной десять лет,
А он тогда был днем войны последним
И днем начала мира на земле.

Его установили мы, солдаты —
Танкисты, минометчики, стрелки,—
Для всех друзей в том мае, в сорок пятом,
Всем недругам на свете вопреки...

С тех пор не раз цвели сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть,—
Оно всем людям мира в мире светит,
И никому его не погасить.

1955

* * *

Со дна траншей мы наблюдали звезды
И до конца поверили земле —
Седой, колючей, неудобной, грозной,
В цветах невзрачных, в пепле и золе.

Для нас была единственной защитой
Насыпанная бруствером она.
И звезды лучезарные зенита
Нам были ярче видимы со дна.

1955

* * *

Нет великих людей.

Я сам
Гений и человек великий,
Землям, времени, небесам
Заплативший за это выкуп, —
Кровью, сохнувшей на ветру,
И концлагерным потом жарким,
И история на смотру
Не отринет мои подарки.

Нет великих людей.

Я сам
Распят был и воспет, как праздник.
Отвечаю все праотцам,
Я не верю больше их сказкам.
Святцы лгали и книги лгут,
Лжива медь монументов косных.
Нету в лбах семи пядей во лбу,
Потому что у всех по восемь.

Облетают, как струьев сев,
Мифы ржавые, мифы шатки.
Был ничем, становлюся всем,
Ни пред кем не ломаю шапки.

Мир зависел не от меня,
Будет мир от меня зависеть:
Я надежда его и броня,
Все глубины его и выси.

Станет шар земной в окоем,
Как медаль с моим вечным ликом.
Я велик был в рабстве своем,
Становлюсь в свободе великим!

1955

* * *

Золотые песчинки секунд никогда
Не схватить, — завалилась бы где хоть одна.
Дважды в реку времен не войти никогда —
Так стремительно мчится вода.
Лишь недвижно сияет в ней та же звезда,
То же небо синеет со дна.
И звезда неподвижна и небо одно.
Может, времени нет?
Может, выдуман бег
Той реки?
И понять бы пора нам давно:
Просто быстро течет, как река, человек.

1955

* * *

Над пирогами и борщом,
Над студнем и вином
Вдруг повела гармонь плечом,
Плеснула вдруг огнем.

И замерла беседа вдруг —
Кто в лес, кто по дрова...
И стало слышно, как вокруг
Шумит, звенит трава.

И спор как сор, и хмель долой,
И в сторону вино,
И лозунг тот — хоть час, да мой —
Сосед забыл давно.

И не хозяин, под хмельком,
Уже тяжел и сед,
А песня правит за столом,
И жен уж рядом нет.

Есть снова рядом старшина
И дальняя страна,
В которой будет тишина
И кончится война.

В зеленом мирном городке
Замолкли земляки...
А в песне — дальнем далеке —
Идут, идут полки...

1956

* * *

С детства я запомнил это имя.
Чуть прищурясь, голову склоня,
Он глазами отыскал своими
Со страницы букваря меня,
Маленького рыжего мальчишку...

Я тогда одно лишь мог понять,
Что недаром, открывая книжку:
— Это — Ленин, — мне сказала мать. —
Ленин умер, — мне она сказала...

Так впервые услышал о нем
Я тогда, когда его не стало...
И уже не забывал о том.

Много видел я в пути за годы,
Время помогало понимать,
В радостях народа и невзгодах,
Почему так говорила мать.

Вглядываясь нынче, как впервые,
В жизнь отчизны и ее мечты,
Вижу я прекрасные, живые
Ленинские вечные черты.

Всюду он, — в размахе новыхстроек,
В слове партии и в правде дня...
Через год мой сын букварь откроет,
Будет он счастливее меня.

1956

* * *

Голос первой любви моей — поздний, напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть,
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

1956

В ГОЛУБОЙ МЕЧЕТИ

На улице у каменной ограды,
Черны от солнца, целый день, подряд
К прохожим молча обращая взгляды,
Согнувшись, люди на земле сидят.

Немало есть чудес на белом свете.
Я был в Стамбуле.
Слушая муллу,
Я видел купол голубой мечети,
Стоял под ним без туфель на полу.

Обтесанный руками дикий камень
Высоко к солнцу люди вознесли.
Теряясь в дымке, купол плыл над нами,
Как небо, оторвавшись от земли.

Он так велик был, что о синем небе
Забудешь здесь, под сводом голубым...
Но, зная, молитвы о насущном хлебе
Не могут уместиться и под ним!..

1956

* * *

В огне холодном, плещущем до крыш,
Как накануне преставленья света,
Гремел Париж, плясал и пел Париж,
Париж туристов всей Земли-планеты.

Катились волны стали и стекла,
Мела метель слепящего нейлона,
Бензинного и женского тепла,
За двадцать франков переоцененных.

Но я стоял, не перед ней застыв,—
Я увидал, как в огненном прибое
На улице, в толпе глаза закрыв,
Забыв про город, целовались двое.

Как будто бы в лесу, к плечу плечо,
Они вдвоем — и холодок по коже,
Стыдливо, неумело, горячо...
Влюбленные на всей земле похожи.

Здесь среди камня, стали и стекла,
В твой час, Париж, поэтами воспетый,
Меня на Монпарнасе обожгла
Травинка человеческого света.

Ничем не истребимая дотла,
Как в тьме крошечной маленькая вежа,
Она, колеблясь, тонкая, цвела
Под грозным небом атомного века.

1956

У БЕРЕГОВ ИСПАНИИ

Для меня была Испания такой:
Времена смешались все и сроки,
Рог Роланда обливается тоской
И Филипп Испанский правит суд жестокий.

А по рыжей сьерре скачет Дон Кихот,
Карменсита каблучками бьет о камень.
И сражается в Мадриде интервзвод,
Окруженный марокканскими стрелками.

Для меня была Испания такой:
От Веласкеса до Лорки — всё в ней рядом,
Черных «юнкеров» в высоком небе строй,
Бой быков и паруса морской армады.

Но однажды мне открылось с корабля
(Шел корабль у Гибралтара темной ночью),
Я увидел, что Испания — земля,
По подолу в огоньках короткой строчки.

Над проливом черной глыбою утес
Возвышался, весь из скал, в дыму, тумане,
Только небо чуть светлее в свете звезд
Позволяло разглядеть их очертанья.

Низким заревом Танжер налево плыл,
Ниже черных берегов того утеса
Ветер дальний запах гари доносил,
Чей-то крейсер шел, огни бросая косо.

Целый час я на Испанию глядел,
Целый час по борту волны били мерно.
Я друзей бы здесь, врагов найти хотел, —
Вот она, как ночь и звезды, достоверна.

Где они, морской армады паруса,
Дон Кихот, и звон гитар, и Карменсита?
Я глядел до слез, глядел во все глаза
На утес, ветрам Атлантики открытый.

Здесь живут и плачут, любят и клянут,
А Филипп давным-давно забыт навечно.
Светят звезды, спит земля, огни плывут,
И летит по морю сьерры дым навстречу.

1956

НА БОСФОРЕ

Поутру фелуки на Босфоре
Вдоль бортов с цветными поясами,
Кажется, с самой зарею спорят,
Желтые, зеленые, как пламя.

Свет зари падет в Босфор не скоро —
Берега кремнистые отвесны,
И цветут фелуки на Босфоре
Радугою у причалов тесных.

Как хвощи из камня, минареты
Над Стамбулом поднялись высоко;
Их вершины в алых фесках света
Утверждают правоту пророка.

Но еще стремительней и жестче,
Из бетона, стали, в ливне стекол,
Среди куполов и башен тощих
Виден Хилтона отель далеко.

Веет ветер угольным угаром,
Горьким медом, пылью и садами.
Зажигает берега пожаром
Солнца апельсинового пламя,

Отражаясь медными кругами
В дымной бухте Золотого Рога,
Где, в мазуте вся, звенит волнами
Аргонатов древняя дорога.

1956

В РИМЕ

Да, мы туристы, нами полон Рим,
К нему ведут дороги всей планеты.
Мы у развалин Форума стоим,
По Колизею бродим до рассвета.

Нас поднимают лифты в Ватикан,
Нам Петр святой распахивает двери,
Нашествие наречий, наций, стран,—
Когда б не видел сам я, не поверил.

К нам здесь привыкли больше, чем к своим.
Без нас немыслим был бы вечный город.
И вот мы перед Форумом стоим,
Собой ничьих не привлекая взоров.

Но люди слышат русские слова,
И к нам подходят первыми шоферы.
Звучит вопрос: — Москва?
— Да, да, Москва.—
И вот уж спрашивают: — Как наш город?

Внимательные, чистые глаза,
Большие руки у парней плечистых...
— О, белла Рим! — я от души сказал.
Прекрасен Рим! Я был в нем лишь туристом.

А эти парни видели во мне
Мир их надежды, родину Советов.
И до сих пор я слышу в тишине:
— Москва! Москва! — их жаркие ответы.

Я вижу, как их лица расцвели,
Как пачка папирос идет по кругу,
Как будто от Москвы своей вдали
Нежданно земляков они нашли
На viatritone под небом юга.

1956

АКРОПОЛЬ

В незапамятном детстве раннем
Я увидел впервые город,—
Сказкою о царе Салтане
Он открылся мне с косогора.

Вал зеленый у вод блескучих,
Стены сахарные над валом,
Золотые луковки в тучах
Лента радуги обвивала.

Голубиная почта меркла
В синем небе над головою,
Звон катился на крыши с церкви,
С колоколен, медным прибоем.

Крыши крыты железом красным,
Окна в два ряда и заборы...
Потрясенный творимой сказкой,
Въехал я на телеге в город.

Первый город мой, в зорях алых
Щедро ты мне дарил открытья;
С чудом первой любви, пожалуй,
Мог тебя одного сравнить я.

И хотя на земле с тех пор я
Повидал городов немало,
Выходил к ним спокойно, к гордым,
Из ворот гремящих вокзалов,—

Но недавно, за синим морем,
В королевстве чужом, не в сказке,
Будто снова я въехал в город
На телеге мальцом вихрастым.

Белый мрамор колонн летящих —
С морем синим и небом рядом, —
На холме под солнцем палящим
Мне открылась земля Эллады.

И, увидев впервые город
Изо всех городов на свете,
Словно солнце и словно горы,
Переживший тысячелетья, —

Замер я, словно в детстве раннем,
Заглядевшись с косогора,
Перед молодостью сказанья
На земле сухой, словно порох.

Я уже никогда не забуду
В небе полные солнца колонны
И безгрешного детства чудо —
Мой Акрополь в лесах зеленых.

1956

ДВА МОНОЛОГА

1

Нет расстоянья, нет пространства,
И городов далеких нет.
Нет гор, морей и ветра странствий,—
Есть стюардесса в цвете лет.

Есть аэрон, бетон, динамик,
Орущий джазом в вашу честь.
Трап на пневматике. Громами
Ночь потрясенная окрест.

Век, ты устроился неплохо
И позабыл, что час назад
Была перекладных эпоха,
Карет, фрегатов и баллад.

В цветной бетон и сталь закован,
Неоном ледяным омыт,
Исчислен, взвешен, зашифрован,
И крайне замкнут, и открыт.

Мой брат, мой враг, мой собеседник,
Над пластиковым столом
И чашечкой «экспresso» бледным,
В часу неведомо каком.

В глуши неведомой вокзальной,
Откуда все рукой подать:
Березы, ледники и пальмы,—
Что хочешь ты еще сказать?

И знаки мудрости газетной
Восходят над твоим лицом
С похожею на сказку сплетней,
Как за щекою с леденцом.

А синие глаза пустынные,
И прядь сиреневых волос,
Как дым весны и Хиросимы,
Ответ рождает и вопрос.

Век, я хочу с тобою спорить
О смысле злобы и добра,
Дышать зеленой солью моря,
Пить спирт из фляги у костра

И быть еще сентиментальным,
Как в дни фрегатов и карет,
Медлительным необычайно
Средь молний, стюардесс, ракет.

2

Чужие старые столицы
В рекламных ливнях слюдяных
Я вспоминаю, словно лица,
Пытаясь разобраться в них.

Стеклом, бетоном, сталью, светом
Разрублен ночи мрак и смят.
Зимой, весной, в разгаре лета
Они сверкают и горят.

Но есть в их праздничности броской
Тревога знобкая и грусть,
Которую понять не просто,
Но есть которая, как груз,

А в чем она — не скажешь сразу:
В девчонках юных на углах
Иль в блеске бешеном показа
В самом уже запрятан страх?

А может быть, все это вкупе
Заклучено в том и другом?
Забудут, не наймут, не купят
Или поверят, но с трудом?

Гремят, ликуют и хохочут,
Надменны, праведны, грешны
И на исходе жаркой ночи
Сосредоточенно грустны

Чужие старые столицы
У синих рек и белых льдин,
Большие памятные лица
Держав, столетий и равнин.

1956

ЗВЕЗДА

Там пахло ваксой и махоркой
И влажной теплотой сукна,
Где выдал мне ее в каптерке
По списку ротный старшина.

И я не то чтобы беспечно,
Но просто прикрепил как мог
Эмалевый пятиконечный
С серпом и молотом значок.

Я не подумал, как вставляли
С ним в восемнадцатом году,
Как коммунистам вырезали
Дроздовцы на груди звезду...

Гремела сапогами рота
У зеркала тогда полдня.
Огнем, газойлем, кровью, потом
Не обнесла судьба меня.

Немало полегло навечно
Друзей-годков в земле сырой
Под алою пятиконечной
Красноармейскою звездой.

Давно я снял свои погоны,
Уже давно другой комвзвод
В моем полку краснознаменном
Всю службу за меня несет.

Не пишут ничего газеты
Про то, чем занят командир,
Не потому, что тайна это,
А потому, что мы за мир.

Но и теперь дороже нету
Ее одной на все года.
Неси лучи по белу свету,
С серпом и молотом звезда!

1957

РОДИНА

Россия — Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, слово сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят —
Безусых, синеглазых, русых,
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России.

Но небу одному равна
Над головой своей по шири,
Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба —
В них слава древняя твоя
Взлетает с новою на гребень.

В густой траве осколки звезд,
Средь утренней червеной сины
Огонь рябин и снег берез,
Плотин бетонные твердыни.

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

1957

* * *

Свет звезд идет к Земле годами.
В ночь настужь распахни окно —
И, может, вспыхнет пред глазами
Звезда, рожденная давно.

Темны, глухи вселенной тропы,
А под окном трава звенит,
Стеклом и сталью телескопов
Прощупывается зенит.

Встают в стекле столбы стихии,
Отбушевавшие давно,
Вот так же свет Земли, России
Вселенной принимать дано.

Стремительно и дерзновенно,
Под стать, быть может, лишь мечте,
Свет движется по всей вселенной,
Живой, в межзвездной темноте.

Так за морями, за горами,
Над азиатскою тоской,
В крови и пепле, во Вьетнаме
Уже воспрянул род людской.

Так у звезды Полярной где-то
Семнадцатый бушует год —
Над Петропавловкой ракетой
Фонарь взлетает в небосвод.

В созвездье Лиры пыль клубится,
Горят костры, блестят штыки,
Буденновские колесницы
Багровый ветер рвут в куски.

Метет метелица стальная,
И гнется Млечный Путь под ней,
Клинками сабель озаряя
Папахи, бурки и коней.

Там жив Чапаев над Уралом,
Там у походного костра
О нас мечтают запевалы,
Не засыпая до утра.

А от Земли в лавине света
К мирам в космической дали
Уже несут, звеня, ракеты
Звезду Кремлевскую Земли.

1957

* * *

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам.

Песни на земле не сочиняют,—
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце чье-то сердцу отзовется,—
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

1957

* * *

Жизнь, по пословице, не поле,
А были позади поля,
Где столько грома, крови, боли
И на дыбы встает земля.

Но снова, будто не бывало
Их, равных жизни, на пути,
Мы повторяем все сначала,
Что жить — не поле перейти...

Здесь нет ячеек пулеметных,
Не рвутся мины на пути,
Но там хоть был устав пехотный,
А здесь не знаешь, как идти...

1957

* * *

За срубом стертого порога
Чудес и сказок не найдешь.
Дымится молнией дорога,
Бродячей рощей плещет дождь.

В цветах глазастых и рогатых,
В грозе лугов и трав кипит,
Струится пар голубоватый
Рождений, праздников и битв...

1957

* * *

Снежок неторопливый, пристальный,
В снегу деревья, как в цвету,
Дымы уходят волокнистые
Прямолинейно в высоту.

Дома прикрыты, словно книгами
Раскрытыми, белы снега,
Лишь, как костры, горят за ригами
Соломы золотой стога.

И запах смол в лесу стеклярусном
В неведомую даль влечет,
И ель фрегатом многопарусным
Торжественно в снегах плывет.

1958

* * *

Старый снимок
Нашел я случайно в столе,
Среди справок,
В бумажной трухе, в барахле.

Старый снимок далеких,
Но памятных лет.
Ах, каким я красивым
Был тогда на земле!

Шлем ребристый кирзовый
Да чуб в три кольца,
Зубы белой подковой,
Веснушки — что солнца пыльца.

Не целован еще
И ни разу не брит,
Крепко через плечо
Портупеей обвит.

Вдаль гляжу я веселый,
Прислонившись к броне,
Среди сосен и елок,
На великой войне.

Светит солнце на траках,
Дымится броня.
Можно просто заплакать,
Как мне жалко меня!

Время крепости рушит,
А годы летят...
Ах, как жаль мне веснушек
Ржаной звездопад!

1958

* * *

Кто же первый сказал мне на свете о ней?
Я никак не припомню сейчас.
Может, первый назвал ее имя ручей,
Прозвенел по весне и погас.

Мог сказать бы отец, но я рос без отца.
В школе мать говорила, обучая детей.
Я не слушал, я ждал лишь уроков конца,—
Дома не с кем меня оставлять было ей.

А вокруг только небо, леса и поля,
Пела птица-синица, гуляли дожди,
Колокольчик катился, дышала земля,
И звенел ручеек у нее на груди.

Может, птица-синица, береза в лесах,
Колокольчик с дороги, калитка в саду,
В небе радуга, дождь, заплутавший в овсах,
Пароход, прицепивший на мачту звезду,

Рассказали, как это бывает, о ней,
Но тогда я, пожалуй, был робок и мал
И не знал языка ни синиц, ни дождей...
Я не помню, кто мне о России сказал.

1958

ПОБЫВАЛЬЩИНА

Здесь лесов-то тьма, а в лесах Тотьма
Утонула — не видно крыш.
Как придет зима, занесет дома, —
Сверху Тотьмы не разглядишь.

Все леса, леса, вплоть до полюса,
И на юг леса, на восток,
За околицей хвоей колются,
Пробираются без дорог.

А в лесах она, река Сухона,
В ней веслом до дна не достать.
Как придет весна, думы вслух она
Начинает петь-напевать.

Она баскими дарит сказками,
А за сказками бает быль.
Быль неласкова, глубь опасная,
Разбиваются волны в пыль.

По реке плоты в сорок две версты,
До небес семь верст лесом все...
В небе тыщи звезд, месяц в полный рост,
И медведи ходят в овсе.

Хочешь, верь не верь, — приезжай, измерь,
Не мешай человеку врать.
Это просто проверить тебе теперь —
Самолетом рукой подать.

Полчаса не срок, городок у ног,
И леса стоят, как сказал,
Только вот, браток, что насчет дорог,—
Про дороги я не соврал.

К нам дороги ягою мерены
Лет полсотни назад клюкой,
И клюка ее здесь потеряна,
В темном лесе за Юг-рекой.

1958

КРУЖКА МОЛОКА

Гончар на круге деревянном
Ей отдал взмах руки своей,
А после печи цвет каляный,
Пожар малиновых углей.

Огня, воды и глины дружба
Застыла каменным цветком.
Ах, эта глиняная кружка
С парным душистым молоком!

Густым, ромашкового цвета,
Белей любых берез в селе,
Дар утренней зари и лета
На белом скобленном столе.

Под ручку пальцы вдеты снова,
В ладони кружка улеглась.
Глоток — как вдох в бору сосновом,
И вот уж утвердилась связь

С жарой, где воздух сенокоса,
Звения, пронзают овода,
С большим зеленым лугом росным,
Где речка стынет, как слюда;

Где женщина по рани первой,
По знобкой рани босиком,
Еще не выпавшись, наверно,
Уже прошла, звения ведром.

Ах, эти глиняные кружки
С парным душистым молоком!
Как их берут поутру дружно
Детишки, вставшие кружком, —

Белоголовы, синеглазы,
В рубашках, стиранных сто раз,
Двумя ладошками, как вазы
Берут хрустальные у нас.

Блестят от соли скипы хлеба,
Сопенье слышится одно,
И не глаза глядят, а небо
Глядит на глиняное дно.

1958

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Рукав просторный засучив по локоть,
Сжимая пальцы в узел кулака,
Его валяют на столе широком
И бьют его с размаху под бока.

Нет, это не обычная работа,—
Священнодейством пахнет на столе;
Встречаются здесь грохот обмолота
С порой весенней сева на земле.

Полет ладоней яростен и нежен,
Все праздничней крутая пляска рук.
Валяют хлеб на кухне первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.

Дожди и ветры пролились на камень,
Гром прогремел заслонкой, день окреп.
Веснушчат, рыж и кругл, как солнца пламень,
На кирпичках благоухает хлеб.

О нем звенит считалка, пляшут дети,
Газеты пишут, и в штормáх судебных
Есть мера высших ценностей на свете —
Любовь как хлеб и дружба словно хлеб.

А в кухне окна настежь, пахнет мятой,
Горячей глиной, молоком парным,
Хрустящей коркой, дымом горьковатым
И полевым простором распашным.

На полотенцах петухи горласты,
Белы полы, как на реке песок,
И все предметы к торжеству причастны,
А день просторен, светел и высок.

1958

МЫТЬЕ ПОЛОВ

Как моются полы до белого каленья? —
Перегибая сильные тела,
Подолы подоткнув и обнажив колени,
Хозяйки моют пол в субботу добела.

Грохочут чугуны, гоняют тряпки воду,
Тяжелым косарем раздроблена дресва,
Со щелоком парным и грацией свободы
На праздник утверждают права.

С угла и до угла летает поначалу
Березовый голик, раздавленный ногой,
Обсыпанный дресвой, пока молчат мочала, —
Всему черед и честь, как в каждой мастерской.

Здесь чистоту творят, а не полы здесь моют,
Ладони горячи и рук полет широк.
И лифчики трещат. Здесь дело не простое,
Здесь каждый бы из нас за две минуты взмок.

А им хотя бы что! Они как будто рады,
Лукавы их глаза, и плеч изгиб ленив...
Я тоже мыл полы в казарме по наряду,
Но не был весел я, тем более — красив.

А во дворе горят половиков полотна,
Как радуги на кольях у ворот.
Хозяйки моют пол под праздник, в день субботний,
И праздник настает...

1958

ЩИ

Из лавки овощной доставленный,
Кочан капусты — это сгусток
Поэзии, но не прославленной,
Поскольку он — кочан капусты.

Кочан капусты — это золото
Дождей, качающихся, грузных,
И жарких дней, на солнце колотых,
В клубок закрученное с хрустом.

В нем пенье птиц, ветров смятение,
Прохлада тени, запах мяты,
И первое тепло весеннее,
И звон отточенной лопаты;

И холодок росинки маковой,
Алмазной, гордой и прозрачной,
На листике рассады лаковым
Оброненной зарей кумачной.

Поэзия опубликована,
Все начинается как вызов,
Сталь синяя секиры кованой
И плаха, струганная снизу.

Река в кастрюле медной взорвана,
Топочет пенными кругами,
Шипит плиты планета черная
И брызжет синими цветами.

О, георгины кухни газовой,
Железные цветы горелок!
Кочан капусты волей, разумом,
В своей работе наторелым,

Разделан на лапшу и звездами
Колючей соли пересыпан,
А вот уже и лавры возданы
И перцем сдобрены до всхлипа.

И клубы пара ходят тучами,
Пахучи, яростны, приветны.
Щи возвышаются могучие.
Над ними небеса и ветры.

Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как Библия.
На них глядят, их ждут, их налили,
Они воскресли и погибли!

1958

У КОСТРА

В глуши таежной на сплавной реке,
Воткнув багры, как будто копыя, в боны,
Как в песне, на песчаном берегу
Стоят, сидят и курят плотогоны.

Одним бы надо за пять верст в деревню,
Другим в барак бы рядом до утра,
Но вот они, большие, как деревья,
Сошлись у одинокого костра.

Уха в котле старательно клокочет,
И, руки на колени положив,
Перед явлением необъятной ночи
Они примолкли, обо всем забыв.

Как трещинка в стекле, как паутинка,
Звенит комар, а может, кровь звенит,
Неслышно закрываются кувшинки,
И льются струи на реку раakit.

Омытые закатом, за лесами,
Как белый город, встали облака,
И между смоляными берегами
Недвижна света полная река.

Тяжелые, сколоченные грубо,
Из рук не выпускавшие багра,
С реки не уходили лесорубы,
Бывало, от утра и до утра.

Не уходили и не замечали,
Среди какой красы они живут:
В безлунном блеске белой ночи дали —
Леса и взгорья, сказка наяву.

А тут костер, свободная минута,
Сверкнула в небе золотом стреха.
Стоят и не уходят почему-то,
И выкипает на костре уха.

Стоят, как будто в храме, лесорубы,
И тень улыбки бродит по губам,
И, словно в детстве, вздрагивают губы,
Как будто что-то шепчут по складам.

1958

ДВЕ ДАЛИ

Даль одна, ближайшая, темна,
А за ней — прозрачная от света,
Золотой жары полным-полна...
Так бывает в середине лета.

Здесь вот-вот на тихие луга
Хлынет дождь и гром ударит зычно.
Там сгребают сено, мнут стога.
Медом зной стекает с плеч кирпичных.

Пятнами цветными на песке
Брошены у речки сарафаны.
Девушки купаются в реке.
Дали две — различные, как страны.

И кукушка там и тут слышна,
Счет ведет и радостям, и бедам,
Но звучит по-разному она,
Эта леса синего беседа.

Тем девчонкам под ноги летят
Без подсчета годы, как полтины...
Пропустить боясь, сию, объят,
Словно грустью, песней кукушиной.

Прозвучит короткое «ку-ку»,
Жду, когда еще одно обронит,
Как колечко с камешком в реку,
Или замолчит и похоронит.

А девчонкам просто наплевать,
Распустили косы, ноги босы,
Сколько жить — считать не сосчитать,
Мять траву без спросу на покосах.

Солнышко у них над головой.
Отдаются небу, ветру, водам...
Тень и свет, прохладный день и зной
Под одним бескрайним небосводом.

1958

ДИОНИСИЙ

1

Умели деды строить грады
И веси на Руси святой.
Стоят они, очей отрада,
Красой равняясь с простотой.

На наших северных широтах,—
Видать, для света и тепла,—
Как солнышки ручной работы,
Горят над ними купола.

За Вологдой в дали таежной,
В конце проселка на пути,
Зайдешь под свод, и невозможно
Глаза от света отвести.

Веселый грешник Дионисий
Здесь песни пел и краски тер.
Он перенес на стены кистью
Тепло зари и синь озер.

Шеренги праведников рослых
Стремятся в рай, а там встают,
Толпятся мачтовые сосны
У Дионисия в раю.

Рай на горах, в бору с брусникой...
А может, правда, рай — в лесу?
Мой край родной, мой друг великий,
Как опишу твою красу?

Пылает северное лето.
Недвижны сосны. Спит вода.
И, на стожар в лугу надета,
Дрожит вечерняя звезда.

А в дальней дали с новой силой
Через дремучие леса
Старинный град, райцентр Кириллов,
Плывет, расправив паруса.

2

Я видел рай не на небе,
Он в душу мне запал.
Его художник нанятый
В церквушке написал.

Но неподкупна кисть его.
И вот живет века
Работа Дионисия,
Как поле, как река.

Рай с соснами косматыми,
В бору заречном он,
С брусникою, опятами,—
Я в этот рай влюблен.

А он, видать, без памяти
Любил свой бедный край,
Его на стенах каменных
Изобразив как рай!

1958

* * *

Мне этот город с кирхами, костелами
Собой ракетодром напоминал.
Он странные рассказывал истории
И смутные догадки подтверждал.

Как снег из неразгаданного прошлого,
В неведомой для разума дали
На Землю из иных миров заброшены,
Стояли храмы, словно корабли.

Сейчас они начнутся, встречи первые
С землею человека на Земле,
Пути назад отрезаны, и верные
Товарищи молчат в зазвездной мгле.

Встают моря, ревушие, зеленые,
Планета холодна и горяча,
С секретами, с загадками, с законами,
Не разрубить которые сплеча.

Чтоб жить на ней, родиться надо заново,
В крови и муках сгинь и вновь родись,
Все потеряй. Земля, планета странная,
Все отобрав, оставит только жизнь.

Она в дугу здесь гнула их. Заставила
Одеться в шкуры, и в какой-то час,
Когда решила вдруг, что переплавилась,
Она сама на милость им сдалась.

Все начали с азов владельцы разума,
Костер открыли, собрались в стада,
И все, что было им на ней отказано,
Бесстрашно возродили в час труда.

1958

* * *

Я в сорок третьем был комсоргом роты,
Был, вел учет и взносы собирал
И перед боем подо Мгой в болотах
Собраниями начинал привал.

Когда, проверив в сотый раз моторы,
Ребята спали, — мы, урезав сон,
Сходились молча без речей, без споров
На пять минут — таков уж был закон.

Лесные комсомольские собрания —
Их посещала Родина сама,
Их окружали стывшие в молчанье
Пятидесятитонные грома...

И каждый раз я как комсорг терялся,
Молчал, сигарка догорит пока,
Собрание закрывал и отправлялся
Уже один к секретарю полка.

Комсорги рот, мы все сходились вместе
(А полк уж спал) на целых пять минут,
На пять минут задерживались здесь мы,
А через час ракеты ночь взорвут.

Как дорог сон, как валит с ног усталость,
Но впятером курили мы средь тьмы:
Нам эта привилегия давалась,
И ею честно дорожили мы.

1958

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Наши комсомольские билеты
С датами годов сороковых
Сохраняют памятные меты,
Жаркий отсвет пламени на них.

Синие поблекшие чернила,
Подписи комсогов полковых
Воскрешают незабвенных, милых,
Русых, синеглазых, молодых —

Тех дружков, с которыми делила
Молодость запевки и табак,
Тех дружков, с которыми ходила
Молодость на смерть в огне атак.

На снегу нетающем, примятом —
Русые, огнистые чубы,
Юные безмолвные солдаты,
Со звездой фанерные столбы.

А по горизонту свет холодный,
Свет ракет, текущих в вышине,
И вперед зовущий строй походный
Танков на дороге в стороне.

Наши комсомольские билеты...
Тронь страницы — и года встают.
Все в сукно армейское одеты,
И опять товарищи поют —

Молодые верные ребята,
Так и не узнавшие дружки,
Как ромашкой, донником и мятой
Веют руки милой у щеки.

Наши комсомольские билеты...
В них не меркнут жаркие костры,
В них плывут и падают рассветы
У железной Пулковской горы.

В них гремит по европейским странам
На Берлин катящийся волной
Гром победы, радостный, желанный,
В сорок пятом — памятной весной.

В них цветы и слезы той минуты,
Что пришла, как свет, наверняка
И огнем московского салюта
Землю озарила на века.

1958

* * *

Время — чудо главное на свете.
Нам казалось, что века пройдут, —
Уж никак не мы, лишь наши дети
В космос корабли свои пошлют.

Как мы радостно ошиблись в чуде, —
На луну стартуют корабли.
Оказалось, время — это люди,
Люди на одной шестой земли.

Пахари, ученые, шахтеры,
Витязи свободного труда,
Вторгшиеся в звездные просторы
И опередившие года.

Вечно не устану удивляться
Времени, в котором я живу.
Разума, труда и правды братству,
Чудеса творящим наяву.

Вечно поклоняться не устану
Родине, несущей миру свет.
Ведь и там, в межзвездных океанах,
Люди, утвердив союз планет,

Вспомнят, что в начале звездной эры,
В памятном далеком далеке,
Говорила в мир и счастье вера
На великом русском языке.

1959

* * *

Над полированной рекой асфальта,
То голубой от утренней росы,
То от огней сверкающей, как смальта,
То черной от дождя и от грозы,

Перед щитом с рекламою туризма
Среди потока ЗИЛов и «Побед»
У въезда в город, белый словно призрак,
Встает он с камня из далеких лет.

Пред ним цветы разбрасывает лето,
И, всех оттенков радуги, пестры,
Шелков и ситца полные «кометы»
Уносятся на взморье от жары.

А он все поднимается с гранатой,
Рвет гимнастерку на своей груди,
По-юношески легкий, угловатый,
И видит только танки впереди.

1959

АЛЕШЕНЬКА

Словно в горле песенки горошинка, —
Пропую, а не произнесу.
Есть такая станция — Алешенька,
Как тропинка к поезду в лесу.

В двух шагах от каменного города,
А как бы у света на краю,
Не известна никому, не дорога,
Сторожит стальную колею.

Ливнем стали и стекла по линии,
Будто на колесах города,
Никелем окованы, как инеем,
Мимо пролетают поезда.

Сколько Алексеев и Алешенек
В сутолоке, в громе, в суете
Названо, окликнуто, опрошено
На лесной сороковой версте?

Мимо всё. С печальями, с улыбками
Без ответа мчатся поезда.
Что-то человеческое, зыбкое
Потерялось в громе навсегда.

Двести лет прошло с тех пор, как брошено
Лесу, полю, солнцу и реке,
И летит: «Алешенька, Алешенька», —
А ответа нету вдалеке...

1959

ВЕЧЕР СТИХОВ В КОЛХОЗЕ

В колхоз далекий в пору сенокоса
Приехал я, чтобы стихи читать,
А после отвечать на все вопросы,
Какие станут люди задавать.

Здесь никогда поэтов не бывало,
Но мной в сельпо, между сапог и вил,
В строю брошюрок, желтых, залежалых,
Твардовский все же обнаружен был.

Вещала всем с дверей сельпо афишка
О том, что я писатель СССР,
А в клуб пришли девчонки и мальчишки,
Учительница, фельдшер, инженер.

Но я был рад. Колхоз встает с рассветом,
Лишь три часа за сутки спит колхоз.
Ему не до артистов и поэтов —
Бушует по округе сенокос.

Что мог бы я прочесть ему такое,
Достойное не просто трудовня,
А солнца в сенокос, росы и зноя, —
Нет, не было такого у меня.

И среди белых полевых букетов
Над кумачовым заревом стола
Я призывал на помощь всех поэтов,
Которых мать-Россия родила.

А в зале льны цвели, цвели ромашки
На длинных лавках, выстроенных в ряд,
И тишина: ни шороха, ни кашля,
Лишь было слышно — комары звенят.

За окнами домой проплыло стадо,
Закат погас и смолкли петухи.
Три женщины вошли и сели рядом
В платочках новых, праздничных, тихи.

На темных лицах, как на негативах,
Белели брови, выгорев дотла,
Но каждая из них, видать, красива
Когда-то в девках, в юности была.

Они отдали все без сожаленья
Полям и детям, помня о мужьях,—
Мне пусты показались сочиненья,
Расхваленные критикой в статьях.

И я прочел для этих трех солдаток,
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих...

1959

* * *

Взревели дюзы частыми громами,
И на столбе ревущего огня
Ракета встала перед облаками,
На миг покой неподвижности храня.

Земля с ее лесами, небесами,
С костром в полях, с былинкой ковыля
Вся позади осталась, за бортами
Направленного в космос корабля.

Земного притяжения вериги
Навек оторвались с земных плечей,
А люди пили чай, читали книги,
Варили сталь и нянчили детей.

Они свои не бросили занятия,
Обычные, знакомые дела,
Они притом не бросились в объятья,
Когда ракета на Луну пошла.

А может быть, что в этом их и сила,—
Им все дела обычны и важны,
Как то, что в этот час происходило
В пространстве от Земли и до Луны.

1959

ОДНА ЛЮБОВЬ

(Поэма)

В окне вагона, как в портретной раме,
Огнем освещена, отдалена,
Она стояла, как двумя ручьями,
Стеклом и тишиной отделена.

Уже во власти скорого движенья,
Еще вблизи, но вся уже в пути.
И ждать не в силах было отправленья
Так, как не в силах было отойти.

А стук колес все назревал и медлил,
Светилось в раме темное лицо,
И жар волос литых с отливом медным.
И на руке, как искорка, кольцо.

Сейчас ударят знаки отправленья,
Сейчас качнется влево и пойдет
Покатых плеч короткое смятенье,
Ладоней пламя и волос размет.

На пальце, брызнув, искорка растает,
Все блики света вдруг поглотит тьма,
И предо мною пустота предстанет,
Стена забора, рельсы и дома.

На кой же черт придуманы вокзалы!
Как будто без вокзалов под луной
Для расставанья стало места мало
И не похож на них весь шар земной.

А может, для того нужны вокзалы,
Чтобы в минутном грохоте колес
Вдруг родилось, пришло и отсверкало
Все, что в года вместить не удалось...

*

Меня в любви не стерегли удачи, —
Любил ее, как грех, за красоту,
За низкий голос с трещинками плача
И смеха ключевую чистоту.

Волос летели солнечные кольца,
И, счастьем и разлукою грозя,
Глаза глядели серые, с монгольским
Косым разрезом, стрелами глаза.

А ноги были у нее от шеи, —
Попробуй за такую угонись,
Но если и погонишься за нею —
Так времени не хватит, надо жизнь.

Она, как ветер, не давалась в руки,
И вдруг сама могла тебя обжечь
И заявить, что это так, со скуки,
А не любовь, и не об этом речь.

Над городком сходились зори лета...
Черемуха гуляла, как зима.
Смолою пахли до ночи, нагреты,
Заборы, тротуары и дома.

Ночей июньских белый плеск и пламень
Стоял, бушуя, звезды погасив,
Над озером за синими лесами
Нас на короткий миг соединив.

Да, молодость была еще причиной,
Неясное брожение в крови.
Там, где бродили мы, как бедуины,
В торжественных владениях любви;

Где вдруг на миг она к тебе прижмется,
Пред тем как скрыться на крыльце впотьмах,
И женское мелькает превосходство,
И любопытства холодок в глазах.

Ах, эта дробь по мостикам дощатым!
Стучат, стучат беспечно каблучки.
Я слышу вновь их, как слышал когда-то,
Всегда близки и вечно далеки.

Стук каблучков по памяти, по датам,
По странам, по дорогам, городам
Мальчишке слышен, слышен и солдату,
И слышен нынче, к сорока годам.

*

Четыре года, вечности четыре —
Огня, брони, снегов, госпиталей —
В исхлестанном свинцом и кровью мире
Меня в любви не сделали взрослей.

В глаза мои в упор из-под ресниц
Взглянуло небо солнцем и покоем,
И жаркий ливень мальв и медунниц
На полотне метнулся, беспокоен.

Пылало с белой ямочкой плечо,
Сияющее яблочным загаром,
И жгло меня спокойно, горячо,
Открытое совсем вблизи недаром.

Вот тут бы взять ее и увести
На край земли навеки за собою,
В луга, где тонко куличок свистит,
Мягка трава и дремлют маки стоя.

На край земли... Я видел край земли —
Окоп солдатский с бруствером горбатым.
Там маки крови рыжие цвели
И травы пахли толom горьковатым.

И я, чужак, как пень деревенел,
Курил табак и говорил до света,
И все не то и не о чем хотел,
И Пушкина цитировал при этом.

Среди екатерининских берез,
На узенькой скамейке из штакета
Часа в четыре ночи, все всерьез...
Я пожалел об этом в то же лето.

*

Любила ли? По-своему любила,
Как женщина мальчишку, как могла.
Но с глаз долой — из сердца вон. Забыла?
Нет, не забыла, но с другим ушла.

Уехала. Сыграла свадьбу где-то,
А весело ли, грустно — все равно.
Шел год победы, — в нем рекой в то лето
Плескались счастье, слезы и вино.

Теперь легко пережитые были
Местí, клубить, как папиросный дым,
А мне в ту пору неуютно было —
На белом свете столько лет и зим.

Но на него я вовсе не в обиде.
На свет. Кто обижается на свет,
Тот ничего, наверно, в нем не видел...
Свет белым был ночами от ракет.

И зыбким был. Но снова у дороги
Свистит свистулькой тонкая лоза.
Звенит, как обруч, солнце на пороге,
Топочет ливень, падает гроза.

*

Но кто считает, что Земля кругла?
Давно известно, что Земля горбата.
К одним щедра, к другим скупа и зла,
И дело не в зарплатах и заплатах...

Над нею солнце круглое встает,
И круглый год жара, дожди, метели, —
Свершается стихий круговорот,
И в этом цель, а не дорога к цели.

Протравлен солью, пылью пропылен,
На сапогах земли пудовой комья,
И, звездной жаждой к миру опален,
Не тосковал годами ни о ком я.

Стояло время, и текли края,
Пески, пустыни, горные откосы,
Серебряная ниточка ручья
И волн морских зеленые колеса.

Но как-то у притихшего огня,
С оказией придя за перевалы,
Письмо от старого дружка меня
У озера Телецкого догнало.

Спадал костер, шумела тишина,
И в том конверте две строки вначале
О женщине, о том, что вдруг она
Ему сказала обо мне, — кричали.

И их тоска, как радость, обожгла.
И время взорвалось костром косматым.
И я поверил, что Земля кругла.
Кругла Земля, а вовсе не горбата.

*

Готический приморский городок,
Где храмы, как гигантские ракеты,
На площадях стояли у дорог,
Клубил сиренью в ожидание лета.

Казалось, это дым уже клубит
Из-под контрфорсов, как из дюз, на плиты
И город вдруг взовьется, улетит
К сияющему белому зениту.

Но, не интересуясь стариной,
Я проходил по улицам. Мне город,
Где должен был я встретиться с одной
Знакомой женщиной, был тем лишь дорог.

Я переулоч скоро отыскал
И, видя подходящего амура,
Который на одной ноге скакал,
Играя в классы,
Бросил я окурок.

Амур был рыж, такому все отдашь,
Он, шоколадку получив, присвистнул
И взвился на какой-то там этаж
На крылышках своих с моей запиской.

Над этим домом плыли облака,
Над этим домом солнце поднималось,
Крошили звезды крышу чердака,
Дожди плясали, радуга сгибалась.

В нем женщина замужняя жила,
Смеялась, пела, плакала, сердилась,
И никого, как птица, не ждала
И, словно птица, все-таки томилась.

*

Я ждал, ходил, шаги в минуты множа,
Как маятник, у дома на углу,
И розы, закрывая от прохожих,
Держал в руке неловко, как метлу.

Девчонки из аптеки выбегали,
Просили по цветочку, вот народ!
Я не давал, я ждал, там тоже ждали
И из окна смеялись: не придет!

Проехала машина поливная,
Шофер кричал: — Давай полью цветки! —
И вдруг из-за угла, почему я знаю,
Как я узнал по стуку каблучки.

Мы не встречались с нею восемь лет,
Лет пять мы не слыхали друг о друге.
Из-под ее ресниц прохладных свет
Ко мне метнулся в радостном испуге.

На всех камнях своих земных путей
Не забывал я той далекой, русой;
Весь городок был наш в плену у ней —
Глаз, песенок, проказ ее и вкусов.

Статна, горда, лукава, смущена,
Передо мною вся открыта свету,
Как даль весной, она и не она
Над всем стояла и ждала ответа.

Девчонки за окном притихли стайкой,
Шофер, притормозив, глядел нам вслед,
Гремело море, кувыркались чайки,
И не было ни дум, ни дел, ни лет...

А поутру, от солнышка хмельна,
Метя ветрами тающими ситца,
Без стука двери распахнув, она
Ко мне влетела в комнату, как птица.

Недавний сон дрожал еще в глазах
Недрогнувших, доверчивых, бездумных,
И я ее почувствовал в руках
Гораздо раньше, чем о ней подумал.

Ее дыханьем близким я дышал
И слышал: сердце колотилось рядом.
Я все забыл. Но тут же услышал
Испуганное, горькое: — Не надо!..

Что значить в этот миг слова могли?
Не надо — гнутся с грузом ветви сада,
Не надо — просят все цветы земли,
И рощи на ветру кричат: не надо!

Но, вся полна отчаянья насквозь,
Ударилась она неожиданно в слезы.
Что сделал я?
— Мне не дарили роз,
А я ждала, что все же будут розы.

Жизнь поднесла бумажные цветы,
Ей не было до нас, девчонок, дела.
Так в мире не хватало красоты,
Что истинного я не разглядела.

Мне тоже в жизни не встречалось роз.
Бывало, сказка ими расцветала.
На окнах в детстве рисовал мороз
Ветрами, снегом и зарею алой.

Четыре года посреди земли,
Слепящим громом разрывая воздух,
Передо мной вставали и цвели
Бризантные клубящиеся розы.

Сквозь рощи роз меня судьба вела,
Лилейно-белых, розово-багряных,
В шипах колючек ржавых в три кола,
Над зарослями проволоки рваной.

И надо мною мог огня цветок
Встать и закрыться холмиком горбатым,
И я дарил их, отводя замок,
Дыша угарным воздухом отката...

Свидетельствовать могут все ветра,
Мосты, скамейки, памятники, зданья:
Лишь только розы с этого утра
Я ей дарил до самого прощанья.

Я их творил из сумерек и дня,
Асфальта, солнца, облаков и парков,
Как будто не бывало до меня
Ни Пушкина, ни Данте, ни Петрарки.

*

Я верю кисти старых мастеров
И рубенсовской щедрости натуры,
Сверкающему грому их пиров
В тиши мансард пустых под небом хмурым.

Всех линий света, схваченных огнем,
Стремительному ритму и движенью,
Всему, что вечно красотой зовем,
И божеством еще и вдохновеньем.

Я говорил ей: «Здравствуй! Добрый день!»
Как это просто, и как это мудро.
Был добрый день, всю цвела сирень,
Но как сказать хотелось: «С добрым утром!»

А утро будет, утро быть должно,
Я осенью за ним приеду снова.
Так мною было твердо решено,
Хотя в ответ не сказано ни слова.

Ни да, ни нет, лишь «я тебя люблю»,
Пароль и пропуск, и в глазах такая
Сквозная даль, и в ней по ковылю
Ветра и свет, ветра и свет сверкают.

О чем мы говорили, — никогда
Не рассказать, не вспомнить.
Это знаки были

Морей и солнц, летящих сквозь года,
И парусов в сверканье звездной пыли.

И только в день отъезда, лишь за час
До поезда, когда нам грустно было:
— Куда ты едешь спешно так сейчас?
Кто ты теперь? — она меня спросила.

Я должен ехать был на юг, к горам,
Туда, куда мои отряды вышли.
И я сказал, что я спешу к кострам.
Там ждут меня в горах мои мальчишки.

Мальчишки ждут... Кто женщину поймет!
Когда электровоз вагоны сдвинул
И разомкнулся рук замок навзлет.
Я услышал: — А разве ты мужчина!..

*

В то лето ты была везде со мной:
В Армении, в долине Арарата,
Где между гор библейских рай земной,
Оранжевый на синем, был когда-то.

Со мной была ты хлебом и вином,
Входила в воду озера, как в небо,
Колеблясь зябким розовым огнем,
На белом пляже свой оставив слепок.

Я не писал тебе — зачем писать
Цветам, деревьям, воздуху и свету.
Лозе граната, птичьим голосам,
Всему незатухающему лету.

И в час, когда тяжелые винты
Несли два нимба к морю над горами,
Была ты ощущеньем высоты
Над облачной дорогой и ветрами.

Из лета в осень шел по небу ИЛ,
Земля под ним разворачивалась в плане, —
Я землю лишь в подробностях любил,
Пропавших сверху в общих очертаньях.

А с женщиною все наоборот,—
Издалека ее не видишь всю ты,
Лишь волосы, глаза, бровей полет,
Подробности одни лишь почему-то...

*

Две огненные, рыжие стены,
И пламя листьев на стекле машины,
И волосы ее подожжены,
Пальтишко настезь, и платочек скинут

Рождались наши фразы, как молва,
Обрывочно, тревожно, без вступленья.
Разъединяли смутно нас слова,
Но в близость претворяло их движение.

Летели крыши загородных дач,
Шлагбаумы, кивающие косо,
Все пролетало, проносилось вскачь,
Лишь неподвижно полыхала осень

Торжественной последней красотой,
В которой все горит, все льется светом,—
От дюн до паутинки золотой,
Как будто здесь себя сжигает лето.

И мы к нему примчались на пожар.
Ушла машина, и в кафе пустынном,
За столиком, забредшим прямо в парк,
Она заговорила вдруг про сына...

И, снова чем-то мучась горячо,
Курила неумело папиросы,
Твердя, что надо встретиться еще...
И было страшно задавать вопросы.

Миры менялись на ее лице:
То тень, то свет, то горькое смятенье.
Все впереди, и ничего в конце,
И время шло, кончая день осенний.

Никто из нас не говорил «прощай»,
И, может быть, «прощай» — ветра сказали,
А может, просто вспыхнул неба край,
И двое нестерпимо увидали —

Сентябрь на прибережной полосе
Был из живого выкован металла.
И черное графитное шоссе
Его на два пожара рассекало.

*

Для счастья припасенные слова
Под Мгой и Псковом, на ветру открытом.
Давно в огне сгорели, как трава
Вокруг брони, расколотой термитом.

Но я его берусь нарисовать:
Вот женщина, глаза, улыбка, плечи.
И ей мужчина говорит слова
Обычные — «день добрый» или «вечер».

Над ними солнце в синеву встает.
Вот утро — говорят они друг дружке.
И черный хлеб она на стол кладет
И разливает чай по белым кружкам.

А небо смотрит из окна на них.
Спокойное, огромное, без края. —
В нем все, что есть, отныне для двоих
До смерти, и они об этом знают.

И не украсть, не дать, не взять взаймы.
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы...
Лишь «здравствуй» есть, и нет «прощай» у счастья.

*

Но голос вновь ворвался в телефон
Стремительно, упруго и неожиданно.
Как на земле хозяйничает он!
Звенит и тает, словно лед, мембрана.

Вначале было слово. Голос был.
С ним все преобразилось во вселенной.
Мотор такси над городом трубил,
Мосты вставали, расступались стены.

Она прошла спокойно по ковру,
Затянутая, в тесном платье черном,
И погасила праздника игру
В окне высоком медленною шторой.

Потом с ногами села на диван,
Забилась в угол, маленькою стала,
Взяла с вином недопитый стакан,
Но не пила, а просто так держала.

И все твердила — голова болит,
Как неуютно, зябко здесь и пусто...
Сводила плечи, а они цвели,
На красном белые, над платьем узким,

Над черным скользким — белые как снег
Горячие податливые плечи,
И поджимала ноги, как во сне,
Шелк натянув коленями навстречу.

И вдруг с размаху выпила вино
И, руки отводя от рук, сказала:
— Здесь душно... — И в мгновение одно,
Как сталь пружины выпрямившись, встала.

Над белым встала в черном, отдалясь,
И черное сменилось алым цветом,
И голос низкий прошептал смеясь:
— Мой милый, разве ты боишься света?

Два раза простучали каблучки,
Веснушками летели кнопки с треском,
Над головой поднялись две руки,
И время жаром опалило резким.

И женщина, прекрасна и щедра,
Передо мной костром взлетела алым
Навек, на ночь, до самого утра...
Как это много и как это мало!

Ведь не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы...
Лишь «здравствуй» есть, и нет «прощай» у счастья.

Бывало, я довольствовался малым:
Теплом махорки, пайкою ржаной,
И счастлив был, а тут мне горько стало
За нас обоих в тишине ночной.

Зачем туманить правду наших лет,—
Нам никуда от них вовек не деться!
Своей рукою погасил я свет
И вышел, чтоб она могла одеться.

*

Я все о ней, о ней и о себе,
И, кажется, о времени ни слова,
Но разве не оно в моей судьбе
И горестей, и радостей основа!

Оно не только в громком и большом,
В труде и славе, горных пиков выше.—
Прислушайтесь, как время бьется в том.
Как люди любят, как грустят, как дышат!

Как меряют сердца любовь и долг!
Я был бы не таким в минувшем веке.
Мой сын возьмет себе иное в толк —
Иное время, в нем иные реки.

Пусть счастье наше личное война
Легко разбила, как стекло, на части.
Но есть любовь — сильнее войны она.
А кто сказал, что нет любви без счастья?

Чередованием тени и огня
Оно прошло сейчас в громах вокзала,
Щемящим сквозняком обдав меня,
Под знаками неона и металла.

Что ж, повернемся к станции спиной,
Закурим, у пальто поднимем ворот.
Похолодало, дождь идет стеной,
И в молниях встает за нею город.

1959

ЧЕРЕМУХА НА ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЕ

На Петроградской расцвела черемуха.
Вы слышали, вы видели ее?
Она стоит вся белая, огромная,
Как сказка, опустившись в бытие.

На каменной земле, в ущелье каменном,
Как будто бы в лесу своем, она
Цветет себе торжественно и пламенно,
Среди деревьев парковых одна.

Вы скажете: как, в городе черемуха?
Да, в городе черемуха, скажу.
Воскликнете: цветущая, огромная?
Да, белая,— не зря о том твержу.

Не зря соседка-девочка до вечера
Крахмалила и гладила белье
И на иголках-каблучках доверчиво
Спешит сейчас, похожа на нее.

Идет, почти асфальта не касается,
Как песня, устремленная в закат,
Вдоль по проспекту Кирова, красавица,
И на нее все встречные глядят.

Ей мать твердила ласково и яростно:
«Ну что ты в нем хорошего нашла?
Не будет у него до самой старости
Ни славы, ни двора и ни кола».

А в городе светло. До часа раннего
Любовь, от робкой близости хмельна,
Гуляет без скупого, ресторанного,
Дешевого крепленого вина.

Весь город для нее — как зала тронная.
От Охты и до Стрелки, посмотри,—
Она повсюду шествует с короною
Немеркнувшего золота зари.

И я ее искал порой знакомою —
И не нашел. Но не виню любви.
На Петроградской расцвела черемуха,
А холодок сквозит у нас в крови...

1960

МОСТЫ РАЗВОДЯТСЯ

Мосты разводятся,
Расходятся,
Как будто горные пласты.
Стихии к небесам
Возводятся,
А не разводятся
Мосты.
Переломилась твердь
Железная,
Бетонная,
Стальная твердь,
И, верь не верь,
Встает над бездною,
Как будто открывают дверь
Заре в залив
От синей Ладоги
Лесам,
Пригоркам и лугам.
Мостов разломленные радуги
Разъединили берега.
Как будто руки великанские
Открыли запросто, шутя
Пути в просторы океанские,
В просторы солнца и дождя.
И звезды синие,
Зеленые
Несут на мачтах корабли,
Как знаки милые,

Дареные
Морей далеких и земли.
А на мосту
В платочке аленьком
Девчонка-техник, стрекоза.
И рыжий сторож в старых валенках
Творят все эти чудеса.

1960

* * *

Все, говорят, на свете образуется,
Все в жизни станет на свои места.
И Дон-Кихот под старость образумился,
Но разум не надгробная плита.

Прихлопнешь разве разумом стремление
Быть искренним, и честным, и прямым
И все свои печали и сомнения
Нести на люди, обращаться к ним.

У юности в крови есть жажда поиска.
Она сама как поиск и равна
Той жажде, что вела людей до полюса
Жары, вершины, холода и дна...

Меня недавно подвели товарищи,
Не предали, а час такой настал,
И подвели, — подумаешь, удар еще,
Не молод я и многое видал.

Горел, и мерз, и пировал как следует,
Ну, подвели — отбилсь, пустяки,
Но мысль одна с тех пор меня преследует:
Как быстро образумились дружки?

Разумные, врагов себе не нажили,
А я, как был, останусь им дружком,
Но в дружбе что-то все-таки загажено,
И это не отмоешь коньяком.

Да здравствует святая сила разума,
Быть не рабом — хозяином страстей
И поступать, как юностью наказано
На дымном гребне фронтовых ночей.

Пусть не благоразумная — победная
Идет без страха молодость в зарю.
Я буду стар, как перечница медная,
Но и тогда я это повторяю.

1960

* * *

Где-то горны еще гремят,
День в крови и пепле багров,
Но кончается век солдат,
Наступает век мастеров.

С этим надо считаться всем.
Стало ясно во всех верхах —
Не удержишь мир на штыках
Даже самых новых систем.

С этим надо считаться всем,
Кто играет еще с огнем, —
Шар земной предназначен тем,
Кто для мира живет на нем.

Он не даром сумел расцвести
Под огнями вселенских гроз
В лепестках океанов весь,
Как цветок голубой меж звезд.

1960

* * *

Не скрываю, что очень понравился мне
Незнакомый заморский один человек.
Он в солдатской рубахе, с кобурой на ремне
И пудовых ботинках, пошитых навек.

С ним бы хлеб разломил,
Стопку отдал свою —
Человек этот был,
Всем известно, в бою.

Знает мир, а не знал,
Как с открытым лицом
Фидель Кастро стоял
Под огнем и свинцом.

Он идет по проспекту, высок, бородат,
Отдыхает ладонь на широком ремне.
Революции Кубы трибун и солдат,
Как он нравится мне!

В сорок третьем метельном военном году,
В тридцать третьем отдельном гвардейском полку,
На дыбы поднимая КВ на ходу,
Мы свое повидали на нашем веку.

Средь кипящего зарева стали и льда
Верный леер полка плыл за нами упрям,
Тыл полка, ну какой это тыл, но когда
Мы из боя к своим возвращались друзьям,

Нам постель уступали они у костра,
Отдавали пайковую водку свою
И дежурили рядом в снегу до утра,
Потому что мы только что были в бою.

Знаю я, что такое солдатский ночлег
И сто грамм, что без слова друзья отдают...
Как мне нравится этот чужой человек
В незнакомом заморском далеком краю,
Побеждавший в бою.

1960

* * *

Вот кажется, ну что я этой Кубе,
Что Кубе я, что для меня она?
И не согреет и не приголубит
Чужая незнакомая страна.

Экзотикой она б не заманила,
Романтикой к себе б не позвала
И ничего она не заменила
Того, чем жизнь моя полна была.

Но я сегодня думаю про Кубу.
Среди своих забот, хлопот и дел
Вдруг радостью обдаст она сугубой.
Как будто вдруг на миг помолодел.

Она как искра от костра. Не близко,
Далеко залетела за моря
И там горит и светит эта искра.
Все, значит, было на земле не зря.

Костры не зря палили конармейцы,
Мечтая об эпохе зоревой...
А век грозил: лишь на себя надейся!..
И мы под Брестом принимали бой.

О, первый свет костра за океаном!
Как бородатым конникам сродни
Солдаты Фидель Кастро из Гаваны,
Хотя о том не ведают они.

Второе полушарие планеты,
Иная жизнь, иные времена.
Но свет горит, не остановишь света,
Он ярче там, где ночь еще черна.

Нам век грозил: лишь на себя надейся,
Когда под Брестом мы вступили в бой...
Гори, костер за океаном, вейся,
Костры Европы все сейчас с тобой!

1960

ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТЬЯ ЯМЩИКИ

Посвящаю ленинградским таксистам

Двадцатого столетья ямщики
Как таковые в песнях не воспеты.
Обиты лентой в шашку облучки,
Кареты серебристы, как кометы.

Им безраздельно отданы во власть
Нарядами таксомоторных парков,—
Храпят полсотни лошадей, ярьась,
Дыша бензином и простором жарким.

И Охта любит быструю езду,—
Она садится и на всю пятерку
Летит, как будто в космос, на звезду,
Покачиваясь на рессорах гордо.

С супругой в гости к теще раз в году,
И на вокзал — в далекую дорогу.
Ей говорит ямщик: «Не подведу!» —
И верно,— гонит, гонит, слава богу.

Звенит и рвется воздух на куски,
Свистят по камню шины, как подковы.
Двадцатого столетья ямщики,
Общительные парни, острословы.

Вам скучно белой ночью в тишине
Одним в машинах с огоньком зеленым:
Куда на Петроградской стороне
Спешить сейчас туристам и влюбленным?

Закрыты рестораны и кино,
Окончены концерты и спектакли,
А белой ночи светлое вино
Звенит в крови, хмелит себе по капле.

И, на баранку руки положив,
Без пассажиров по проспектам лета
Они неспешно едут под мотив
Заполненного музыкой рассвета.

1960

ХЛЕБ ПРИВЕЗЛИ

Когда войдет неслышно в улочки
Рассвета мятная остуда,
У распахнувших двери булочных
Ночами происходит чудо.

Спят все дома, пути трамвайные,
Цистерны с квасом и киоски,
И вдруг — с хлебами, с караваями
Встречаются дома и звезды.

Фургонов дверцы резко лязгают,
Взревев, моторы выхлоп гасят,
И вдруг вокруг повеет праздником,
Гостьбой и ожиданьем счастья.

Над камнем у витрин движение:
Плывут, качаясь, как планеты,
Как теплые миры весенние,
Хлеба из голубой кареты.

Река асфальтовая вкопанно
Стоит перед лицом рассвета.
Ночь пахнет полем, речкой, тропами,
Во ржи затерянными где-то.

Ночь у печей гремит заслонками,
Взметает звезды обмолота,
Щепоть роняет над солонками,
Благословляя... А всего-то

Хлеб привезли. Шофер торопится,
Огнем цигарки гонит дрему.
Стуча, лотки у стенки копятся.
Спит женщина в постели дома.

Над одеялом плечи жаркие
Белеют памятно и ало.
Метлою где-то дворник шаркает,
Почти за тридевять кварталов.

Спит город, в чудеса не веруя,
Но каждый миг творит он чудо,
Неутомимо, полной мерою,
Всегда, в любое время суток.

Над ним заря с зарей встречается,
И птенчик крохотный и звонкий
Поет, ликует, заливается
На прутике антенны тонкой.

Его никто не слышит, малого.
Но он, стараясь бескорыстно,
Огромный город песней жалует,
Как жаловали славой исстари.

Под ним внизу на тихой улочке
Ему подсвистывает грузчик.
Хлеб выгружается у булочной,
И день за ним грядет насущный.

1960

* * *

Требуется сказка для детей
В возрасте не младше сорока,
Для пронесших бремя всех страстей
На сердце своем наверняка!

Нет у них ни счастья, ни тепла,
Все, что было, — было для людей.
А у них опять же — ни кола...
Требуется сказка для детей!

Все, как в сказке, делать им пришлось:
Город за ночь строить, как родить,
Брать жар-птицу на лету за хвост,
Огнедышащую гидру бить.

А у них опять же — ни двора...
Да не в этом, впрочем, суть сама!
Эта песенка для них стара,
Не нужны им были терема.

1960

* * *

До конька украшенный резьбой,
Крытый охрой пламенной и спелой,
Дом стоял у речки, сам собой
В ней красуясь, под березой белой.

А над ним в лазури голубой
Все вращался на жерди сосновой
Петушок, как в сказке золотой,
Хвост трубою в кузнице откован.

Сколько лет прошло над ним и бед!
Дом устал, слиняли краски, как в картине.
В нем давно уже хозяев нет,
И на снос он предназначен ныне.

С жердочки свалился петушок,
Покосились кружева вдоль крыши,
Лебеди взобрались на конек,
И стоит он тихой речки тише.

1960

* * *

Что может быть проще еще и сложнее
Дороги летящей и поля за нею!
Что может быть жестче еще и нежнее
Ладоней, что только себя не жалеют!

Зеленые звезды дрожат в поднебесье,
Большая Медведица зла и космата.
Но луг соизмерен с кострами созвездий,
С зарею грядущей, с вчерашним закатом.

Как зеркало месяца, падает в травы
Коса — и цветы обжигает под корень,
И древняя жатва обходит державу
С зари до зари, как от моря до моря.

И женщина в ливне пшеничного света
Встает на носки, выпрямляя колени,
Одета в цвета негасимого лета
И им же раздета как бы на мгновенье.

Да песня займется, зовя и тревожа,
А в ней все про то же, что было и будет,
И нет ничего, и не сыщешь дороже
Весь мир повидавшим, все видевшим людям.

1961

* * *

Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юные,
Завидую впервые я сейчас.

Вам предстоит увидеть горы лунные,
Открыть Венеру и ступить на Марс.

К чему скрывать, на ваше поколение
Смотрели мы порою свысока.

Но вышло — во вселенную вселение
Вам начинать от мира сотворения
Впервые предстоит, и на века.

Дорога, на которую вы ступите,
Сама есть цель — нет у нее конца.
На ней вы возмужаете, полюбите
И вечностью проверите сердца.

Никто не может вам сказать заранее,
Как нам никто не смог сказать с вершин,
Какие предстоят вам испытания
На ней, какой свой Зимний, свой Берлин.

С нее вы не сойдете, как в истории
И не сходил доньше человек
С дорог земли тяжелых, им проторенных.
А звезды дарит вам двадцатый век.

И, может быть, с небес, как небожители,
Святые и земные до конца,
Вы спуститесь к иным планетным жителям
И им свои раскроете сердца,

В которых пламя крови штурма Зимнего
И нежность всех садов, что вам цвели.
Вы юные, вы добрые, вы сильные
Сыны Земли и дочери Земли.

1961

КОММУНИСТЫ

О них поэты пишут непременно
Высоким «штилем», как в трубу трубят,
Что им подвластны даль и глубь Вселенной
И нет на свете никаких преград.

Сияние на их высоких ликах,
И каждый шаг — в века, не просто шаг.
А мы-то знаем запросто великих
И делим с ними дружбу и табак.

Сосед, дружок, товарищ по работе,
Такой, как все, от всех неотделим —
В цеху, в колхозе, в институте, в роте —
Ни обликом, ни званием своим.

Но на фронтах, под небом боя мглистым,
Когда огонь над бруствером внахлест:
«Прошу считать отныне коммунистом», —
Писали люди и вставали в рост.

И ныне про способных бескорыстно
Идти за дело правое на риск,
Пускай он даже не был коммунистом,
Недаром говорят: «Он коммунист!»

Мир знает их, веселых и влюбленных,
Грустящих, пожилых и молодых.
На свете коммунистов миллионы,
И в этом сила и величье их.

Они верны без страха и измены
Той партии, в которой состоят,
А ей подвластны даль и глубь Вселенной,
И нет на свете никаких преград.

1961

НОЧЬ

В час, когда приближаются звезды к земле,
Спят полки в гарнизонах, гармошки в селе,
Города миллионные в душном тепле, —
Чувства, мир озаряя, бушуют во мгле.

Рвут шифровки разрядами строчек петит,
Лампы, тускло мерцая, теряют накал,
Тайно ненависть в волнах эфира летит,
И кодирован злобы короткий сигнал.

Блещет молнии свет
Открыто в ночи,
И радисты, немея,
Сжимают ключи.

И радисты с улыбкой
Сжимают ключи, —
Чье-то сердце опять
Над землею стучит.

В холодеющих высях
Журавлиных рокад
Треугольники писем
Солдатских летят.

Будто к северу с юга
(Шире шаг, почтальон!),
Опускаясь по кругу
В руки сельских мадонн.

«Всем и всем» — под звенящими льдинками звезд
Бьется жилка мольбы о холодный зенит.
«Всем и всем» — пробивается жаркое «SOS».
Это чья-то надежда и вера звенит.

Через рев океанов и материки
Узы дружбы, как меридианы, крепки,
Протянулись, прилив вызывая в крови...
Вся планета окутана дымкой любви.

1961

* * *

Дымная качается река,
В белые закована граниты.
В ней одна заветная строка,
Кровь и боль, что были здесь забыты.

Нет ни трав, ни глины, ни песка,
Ни воды, ни звука, ни дыханья.
Синий мрак и зыбкая тоска,
Есть лишь дым и света колыханье.

1961

НЕВСКАЯ ДУБРОВКА

Б. Пидежскому

Мы с товарищем бродим по Невской Дубровке,
Два довольно-таки пожилые хрыча,
Будто мы разломили на круг поллитровку,
Мы с товарищем плачем и солдатские песни поем
сгоряча.

Вот он, берег Невы сорок первого года.
Двадцать лет поднималась и жухла трава,
Шли дожди и снега, лишь одна оставалась пехота,—
Та, что в берег вцепилась, от дивизии рота
В сорок первом году, ни жива ни мертва.

Вспоминает полковник лейтенантское звание,
Вспоминает о Женьке, санитарке глазастой,—
Как она полоскала рубашку свою
и рвала, как ромашку, для раненых,—
И смеется, как будто бы вспомнил о счастье.

А в траве земляника пылает на брустверах,
И солдаты лежат между ржавыми минами,
И, наверное, Женька — красавица русая —
Пулеметом порубана, где-то рядышком, милая.

Вспоминает полковник... А земля исковеркана,
Двадцать лет ничего на земле не разгладили,
Да и мы — как земля, наша память, наверное,
Будет тоже, как эта земля, вечно в ссадинах.

На шоссе ждет машина нас, зря надрывается.
От воронки к воронке над траншеями медленно
В бой на Невской Дубровке от земли отрываются
Пять солдат с лейтенантом, из роты последние.

Ничего нет вокруг, но велением памяти
Мины рвут тишину, лейтенант чертыхается,
И солдаты встают... Воздвигается памятью памятник,
Там, где нету его, но стоять ему там полагается.

А вокруг — мирный луг, а вокруг — жизнь нормальная.
По Неве к Валааму плывет теплоход, полон песнями.
Но сердца, словно компасов стрелки над аномалией,
Бьют о ребра вовсю, будто тесно им, тесно им.

А водителю Вите лет двадцать, не более,
Столько, сколько нам в армии было когда-то.
Он включил себе радио, не идет с нами в поле,
Наши слезы и песни ему непонятны.

Что ему это поле, — как нам Куликово, не боле!..
Хлещет радио джазами над погостом в костях
и металле.

Мы с товарищем, с нашей славою, с болями,
Эпопеей для Витьки, историей стали.

Только мы не история, мы в нее не годимся, —
В нас ликуют и плачут железные годы,
И живут там солдаты, и хрипят: «Не сдадимся!»
Делят хлеб и патроны у бездонного брода.

Делят хлеб и патроны, разгружают понтоны...
Нам бы надо обидеться на курносого Витю,
Но у жизни есть горя и счастья законы,
Наше — нам, юность — юным, и мы не в обиде.

И зачем ему, Витьке, за нас нашей памятью
мучиться.
Ах, зачем, все равно у него не получится!

Свищут птицы, горит земляника на брустверах.
Полон Витька к истории благодарности и уважения.
Он глядит на шоссе и на девочек в брючках,
без устали
Мчащих велосипеды вдоль древнего поля сражения.

* * *

Как трудно делалась история.
Ее ни вождь, ни царь, ни бог,
Полна история которыми,
Построить бы один не мог.

С огнем, с железом дело спорилось.
Рабочие в цехах стальных
Бесстрашно делали историю,
Не покладая рук своих.

Крестьяне делали историю.
Как солон пот, крестьянский пот!
Хлеба растили, избы строили
В счастливый год и в недород.

Солдаты делали историю.
Не сладкий труд, солдатский труд.
Они вставали и не спорили,
И шли туда, куда пошлют.

Она и солона и дóрога.
И в годы трудные народ
В ней силы черпает, в истории,
И в счастье до небес встает.

Она и без прикрас великая.
И из нее во все года
Нельзя, как в песне, слова выкинуть,—
История одна всегда!

1961

* * *

Две крутых соболинки
Над рекой-синевой.
С торжеством и грустинкой
Низкий голос грудной.

Темным вишеньем спелым
Тронут маленький рот.
Золотых, загорелых
Плеч покатый полет.

Словно вверх по ступеням,
На тропе полевой
С ней летит по коленям
Синий ситец волной.

И встает и не сводит
Глаз при встрече народ,—
Словно юность проходит,
Словно счастье идет.

1961

* * *

Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла,
Как будто тень и свет сменялись,
И людям все казалось мало.

Ей ветер обнажал колени,
Она подол рукою била
И хохотала в упоенье
Так, как она всегда любила.

И все вокруг переменилось,
Все стало праздничней и ярче,
Все сдвинулось, переместилось
И стало вдруг свежей и жарче.

А было лишь — такая малость:
Катилось, звоном озаряло.
Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла.

1961

* * *

Бывает так: уже пришла весна,
Но на земле и в небе нету света,
Черна земля и туч гряда темна,
Черны деревья и смутны рассветы.

На реках синих грязноватый лед,
Туман просторы медленно заносит,
И дождик серый целый день сечет,
Как будто это не весна, а осень.

Но снег в полях быстрее день ото дня
Пора такая запросто съедает,
Земля в грязи и жиже, как квашня,
Вздымается, восходит, набухает.

В лесу, в оврагах, в поле, на земле —
Повсюду дело верное творится:
Как только солнце выглянет во мгле,
Весь мир мгновенно с ним преобразится.

И никаких на нем следов зимы, —
Он весь прозрачный, голубой и рыжий.
Вот солнце в небе, в золоте холмы,
И с черных пашен свет до неба брызжет.

1961

* * *

Весна —
Пора любви, рождения.
Ах, эта истина от века!
Сосулька на капель разменяна,
Но льды уже трещат на реках.

Что без весны деревья рослые
И даже малые растенья, —
Они под солнцем и под звездами
Молчат, как призраки и тени.

Весна —
А что она для пахаря?
Протравленная солью пота,
Под небом золотым, распахнутым
Весна —
Тяжелая работа.

До ломоты в костях без роздыха,
До черноты дубленой кожи.
Но без весны он, как без воздуха,
Самим собою быть не может.

Попробуй от утра до вечера
Песка и глины мир ворочать,
Но пахарь ожидает встречи с ней,
Как ждут любви, цветов, пророчеств.

Прекрасен отягченный брашнами
Роскошный август, бахарь красный,

Но всю его красу на пашне нам
Весной
Творит из глины мастер.

Он просыпается с рассветами,
Минуты в ней не упуская.
Для дела древнего, заветного
Весна
Ему — как мастерская.

1961

ВЕСНОЙ

Все предвещает в мире перемены:
Скворец на ветке, радуга в полях,
И жемчуга на ниточке антенны,
И окна неба в синих облаках.

Все в мире предвещает перемены:
Росток зерна, пробивший пласт земли,
Далекий ливень, лебедь в хлопьях пены,
Трубящие тревогу журавли.

Рев оленей на тундровых угодьях,
И в устьях рек кипящий ход кеты,
И солнца с неба кинутые сходни
На синих плесах в зарослях тресты.

И спящих женщин жаркие колени
Полны предвестьем дрожи перемен,
Рожденья жизни, завязи цветенья,
Бессмертного в пожаре тока вен.

Все ожиданьем перемен чревато,
Чревато, даже если не полно:
Леса, поля, рассветы и закаты,
Высь поднебесья и морское дно.

Пусть кто-то по иным приметам судит,
По звону стали и счетам измен,
И думает, что никогда не будет
На всей земле счастливых перемен.

1961

* * *

Романтики двадцатого столетья,
Не на бортах крылатых каравелл,
Не на коне с клинком, где гром и ветер,
А в нашем дне за этот день в ответе,
Завиден и прекрасен ваш удел!

Во имя правды не страшась обиды,
Не думая о славе и чинах,
Вы от Тавриды и до Антарктиды
Повсюду на нетореных путях.

За формулами вашего расчета,
Бессонными ночами рождена,
Звенит дорога звездного полета,
Могучим ревом дюз потрясена.

Где ложь, прикрывшись фразой демагога
Грозится: не сносить вам головы,—
Прокладывая истине дорогу,
Не дрогнете, не покачнетесь вы.

Романтики двадцатого столетья,
Я душу грел у вашего огня,
И не было отраднее на свете,
Чем этот жаркий трудный пламень дня.

1961

* * *

Там, где из вороненой стали
Летит по берегу шоссе,
Там сосны бронзовые встали
У синя моря на косе,
У синя моря с кромкой белой,
С пустынной далью золотой,
Где чайка солнца круг задела
Серебряною запятой,—
Три дерева, как три солдата,
Как три зеленые поста,
Там держат в сучьях узловатых
Просторы неба и ветра.

1961

* * *

Мы не пытались в жизни окопаться,
Нас мало уцелело под огнем,
Мы думали немного отдышаться,
Но вот уже опять гремит подъем.

Выходим мы в последнюю атаку,
Как в сорок первом вышли в первый раз
По грозному пылающему знаку,
И мой сегодня наступает час.

Собраться надо, чтобы встать, подняться,
И не крича ни «здравствуй», ни «прости»,
Пускай совсем не так, как в восемнадцать,
Но надо встать, подняться и пойти...

1961

* * *

Муку надо же такую:
Все о чем-то вспоминаю,
Все ищу и все тоскую,
А о чем сказать — не знаю.

Все не те слова и строки,
Не о том печаль и радость,
Блиzkих дней и дней далеких
Память мучу — нету ладу..

Вроде было очень много
Встреч, прощаний, расставаний,
А молю, за-ради бога,
Об одном хотя свиданье.

С той невыдуманной, ясной,
Душу захватившей круто,
С жаркой, истинно прекрасной,
Озарившей ночь минутой.

Чтоб потом кому-то, где-то
Люди в трудный час сказали:
Повтори-ка снова это —
И минуту помолчали.

1961

ВТОРОЙ

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог.
Второй.
Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.

Ему трудней безмерно было —
Он был не гений, не пророк —
Решиться вдруг, собрать все силы,
И встать, и выйти за порог.

Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устой все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.

Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он — хаты, села, города!

И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути,
Чтоб только тот поднялся сзади,
Второй, чтобы за ним идти.

Я сам видал, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжелый в ночь.

В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: «За мной!»
Второй поднялся.
Значит, рота —
И вся Россия за спиной.

Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый, —
Ни бог, ни царь и не герой.

1962

* * *

А кто такой Бартоломей Диас?
Что слышали вы нынче о Диасе?
И почему Диас дошел до нас,
Чем он прославился? — вопрос неясен.

Он Африку когда-то обогнул,
Впервые обогнул ее по морю.
Сто раз тонул, но гнул ее и гнул,
И обогнул, навек войдя в историю.

А кто такой Бартоломей Диас?
Я спрашивал, мне люди не ответили.
Одни сказали — он испанец, раз
Фамилия Диас.
Да, тьма на свете их.

Другие заявили — футболист.
Зачем тебе он? — вопрошали третьи.
Плыл в пене волн и солнц зеленый мыс,
Рвал ветер паруса в пятнадцатом столетье.

Жгла соль огнем бессонные глаза.
Как мир велик! — ни тронов в нем, ни клира.
Под килем и над мачтами гроза,
И солнце прогибает крышу мира.

А в стольном Лиссабоне день за днем
В порту взлетали флаги на флагштоках,
Гремели сходни, но никто о нем
Не вспоминал, не знал о нем, и только

Шальная девка, все забыв с тоски,
Обласканная как-то ненароком,
Не забывала жарких две руки
И знала, кто такой Диас, до срока.

А он о ней забыл в тот самый час,
Когда вернулся, королем обласкан,
И Лиссабон: «Да здравствует Диас!» —
Гремел, судьбе завидуя прекрасной.

.

Прошли века, сегодня мир гремит,
От маршей тесно рациям в эфире,
Волна восторга в радугах звенит,
Неслыханное совершилось в мире.

Мир шире стал, чем был, для всех для нас.
...А кто такой Бартоломей Диас?

1962

* * *

Далекое становится все ближе,
Уже Луна — и та доступна нам.
Наука движется вперед и движет
Весь мир навстречу новым временам,

Когда близки любые станут дали
И суть вещей сокрытая ясна.
Но как измерить радость и печали,
Ее вершины и глубины дна?

Но как приблизить, одержав победу
Над бездной, разделяющей собой
Далекий; как созвездье Андромеды,
Мир человеческой души иной?

Расчеты — чушь! И формул тоже нету.
Есть лишь Гомер, Толстой, Бетховен, Дант —
Искусства гениальные ракеты
И новые Ромео и Джульетта —
Любви соединяющий талант.

Они одни ничем не заменимы,
Без них на свете через все года
Немыслимы и неосуществимы
Гармония и счастье никогда.

1962

ПТИЦА СИРИН

На клочке пергаментных забот
Я прочел значки полуустава —
Птица Сири́н в уши там поет...
И тревожно мне донельзя стало.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Посреди гиперборейских вод
Скалы, как ножи, встают над ними.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
На пять тысяч верст зеленый лед.
Солнца шар над ним в шерсти и дыме.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Красный Марс во весь обзор встает
Со своими лунами пустыни.

Птица Сири́н в уши там поет...
Гаснет парус, замерзают ноги.
Дюзы разрывают звездолет —
Птица Сири́н встала на дороге.

1962

КУРГАН-ГЕРОЙ

Я слышал, что курган Мамаев
В бетон и мрамор одевают.

Ревут бульдозеры и скреперы
Над зимней Волгою с утра.
Спивается стальными скрепами
Сегодня наше и вчера.

Так, значит, верно, в самом деле
Прошло с той битвы двадцать лет,
Когда в солдатские шинели
И в ватники он был одет.

Когда сто дней катились волны
Свинца и пламени над ним,
А он стоял сто дней у Волги,
Прикрытый мужеством одним.

И пусть оно предстанет в мраморе,
Пока еще тревожен век.
Над ним всегда в дыму и пламени
Лететь на землю будет снег.

И из траншей неперекопанных
Вставать солдаты будут в рост
Над Азией и над Европою,
Ушанками касаясь звезд.

1962

МИРНАЯ ПЕСЕНКА

Сквозь страхи века атомного грозные
Ко мне приходит нынче неспроста,
Пронизанная ливнями и звездами,
Как солнце, неотступная мечта.

Гражданские заботы перевесили,
Распущены солдаты по домам,
Война уж не работа, не профессия,
И незачем глазеть по сторонам.

В мартенах танки с пушками ворочая,
Старательно вращается земля,
Спокойная, зеленая, рабочая,
Антеннами травинок шевеля.

И мы, как будто пыльные реликвии,
Действительно которым нет цены,
С последней, называемой Великою,
Историей оправданной войны.

Вы скажете — фантазия, идиллия!
Ну что ж, я оптимист и фантазер.
Но если страхи в мире победили бы,
То б шар земной не дожил до сих пор.

И с каждым днем крепчает убеждение,
Что только так должно быть на века.
Фантазия становится движением
На всех пяти земных материках.

И в сторону мечты быстрее вращается,
Под звездами и ливнями пыли,
Хотя кому-то это и не нравится,
Любимая людьми навек земля.

1962

СКАЗЫ О ДИОНИСИИ

Рубить в высоту,
как мера и красота скажут.

Из старинной грамоты

С теплохода бросают трап
В синеву, в тишину, в березы,
В пенье птах, в полыханье трав,
Под дожди, облака и звезды.

И взыскующий града народ,
С рюкзаком на плече, с транзистором,
Как десант веселый, берет
На Шексне голубые пристани.

За спиной его — в проводах,
В ливнях вздрагивающих неона
Миллионные города,
Космодромы и циклотроны.

За спиною ревуший век
Конференций, джазов, молен
С дымным прищуром из-под век
Неусыпно в душу нацелен.

Бомбой атомной осенен,
На полотнах разъят на части,
Взвешен, выверен, расщеплен,
Засекречен, распахнут настежь.

Но летит деревянный трап,
И петух, как на крае света,
За густым частоколом трав
Запевает горласто где-то.

Возникает голос ручья,
И за белой роцей туманной,
Незаемная, вся своя,
Открывается вдруг неожиданно,

Простодушна, пряма, чиста,
Пережившая все на свете
Неразменная красота
Нестареющего бессмертья.

*

А дорога в Кириллов вьется
От холма долиной к холму,
То вернется, то вбок метнется.
А к чему бы это, к чему?

Ну к чему бы?..
Умна дорога.
Гудом ноги уже гудят.
А она — подожди немного...
Холм подкинет: взойди-ка, брат.

Как свеча, как парус крылат —
Вот он рядом, Кириллов град.
Вот он — только сойди с холма.
Ах, дорога, себе — сама!

Видно, был палата ума
Тот мужик, что ее торил.
Он торил ее, как творил,
Силы путнику впрок дарил,
Все поманивал — глянь-ка, брат,
Как свеча, как парус крылат,
Вот он рядом, Кириллов град.

*

Мастера воздвигали храм
До заката вплоть от рассвета,
И никто не мог мастерам
Ни перечить, ни дать совета.

И никто им был не указ,—
Стены, окна, притворы, двери
Воздвигали они на глаз,
Ну, а глаз — чем его измеришь?

Возникал, означался храм,
Рос, как сосны растут с рожденья,
К небу синему, строг и прям,
Будто в сказке по наущенью.

Прост, как небо, поле, река.
А стоишь, глядишь и глядишь, и...
А всего-то одна строка
Белых кружев камня под крышей.

А всего-то на нем сошлись
Мастера, забываясь в выси,
И кричал им: — Слезайте вниз,
Ну-ка дайте мне!.. — Дионисий.

*

Дионисий.
Синие выси.
Храм шатровый на берегу.
Он раздвинул его, возвысил
Кистью.
Как — понять не могу!

Разворачивая тряпицу,
Яйца в жестких пальцах лупил,
Обдирал сухую плотицу,
Запивал водой и всходил
На помост, к себе на тесинку
Восходил, как на край небес,
Прижимая с красками кринку
Ко груди,
И глядел через
Стены каменные навывлет...

Широко сияли глаза!
В них озера и гряды плыли,
Зори прядали, и гроза,
Травы синие Бородавы...

И он в озеро кисть макал,
А потом он макал в дубравы,
В алых зорь золотой накал.

А налево, да и направо,
Лишь леса в багреце, в дыму.
Было здесь ему не до славы,
А до правды было ему.

Кто давал ему это право,
Кто позволил это ему?
Но взрывались листвой дубравы,
Но всходили до неба травы,
И несли реки свет во тьму.

И глазасты, высоколобы,
Выше сосен, сильнее рек.
Души плотников, землеробов
Словно молнии били в век.
Не принижены, не убоги —
Просветленные люди-боги.

А тесинка под ним качалась,
И сидел он на ней один,
Сокрушенный, и звал, печалась:
— Встань-ко, сын, погляди-ко, сын...

А тесинка под ним плясала,
Словно ярмарка на юру.
— Глянь-ко, женка, — рука писала. —
Полюбуйся, а то сотру!

Дионисий.
Синие выси.
Кисть как факел в его руке.
Изумрудное солнце виснет
В крупной капле на кончике.

Факел?..
Кисти кидал за спину.
Били хряка дымным ножом,
Драли с теплой шкуры щетину
И смывали с нее назем.

Он стоял, бородат и странен,
Закатив рукава. Босой.
Рыжий, будто мирской крестьянин
Над невспаханной полосой...

*

В век космических скоростей,
Кибернетики, и нейлона,
И штампованных впрок страстей
Не хватает людям озона.

Люди жаждут, ищут, таращатся,
Широко раскрывают губы.
В океане зеленой ящерицей
Остров всплыл.
Люди ахают — Куба!

Из межзвездного океана
Человек на ракете выплыл,
Но несут по землям и странам
Не ракету — его улыбку.

В кедах, в алых и голубых
Бедных стеганках из синтетики
Дети атомного столетия
Застывают у стен лесных.

Над стыдливым пожаром лиц,
Как озера, глаза смятенны.
Даль без края и без границ
Открывают пред ними стены.

Молчаливо они стоят,
Дышат свежестью чуда росной.
Дети физиков и солдат,
Разгорающиеся звезды.

*

Там, где Чудь чудила и Меря,
Где семь верст до небес,
Она
Начиналась не в веке — в вере,
И не в спорах — в сборах.

Со дна
Русь по капле росы собиралась
И копилась в реки в тиши.
С вольных душ людских начиналась
На борах, на горах, в глуши.

Сталь калила, камни гранила,
На траве белила холсты,
Скатный жемчуг песен хранила.

Начиналась она с высоты,
С той, которую враг ни плетью,
Ни копьём не достал, как звезду.
Начиналась с души
В ответе
Не за скарб, а за красоту.

Ту, что не увязать, да в торок,
И на спину коня, да в орду.
Ту, что не запалить, как город,
Не купить ничем красоту.

Ту, что можно, пожалуй, кистью,
Как жар-птицу, взять на лету.
Не крестьян писал Дионисий,
Не святых писал —
Красоту.

Вот она из камней упрямо
Воздвигается к облакам.
Пусть каменья на стройке храма —
Это камни лишь, а не храм.

Пусть каменья грубы, шербаты,
И в навозе они, и в пыли,
Но из них, как солнце, палаты
На зеленой заре земли.

*

На траве во дворе дрова,
Горкомхозовские поленницы,
Неба синие острова,
Птиц серебряные коленца, и
Сошлись посреди двора

Вместе — атомной эры жители
И безвестные мастера,
Воздвигавшие днесь обители.

Вот сошлись и держат совет,
Одного они роду-племени.
Разных душ во времени нет,
Самого нет на свете времени.

В небе белый ракетный след.
Рев турбин.
А внизу под высями
Льется добрый и чистый свет
Стен, расписанных Дионисием.

Ни ярыг архиерейских нет,
Ни царей, ни владык, ни иноков.
Мастера сошлись на совет
Дела верного и взаимного.

Отделяется свет от тьмы.
Это наше было и будет.
Словно реки, поля, холмы,
Это людям дарили люди.

Льется, льется листва берез
Бело-белых средь дымной сини.
Сколько глаз горит, сколько звезд.
Как похожи они в России!

Дионисий.
Ступаю ввысь
Вместе с теми,
Кто был и будет.
Освещает, как факел, кисть
Путь сквозь время идущим к людям.

1962

* * *

На крышах солью выступает иней,
С утра дорога в лезвиях ледка,
Поля лежат, как черная пустыня,
И задевают землю облака.

Ничто вокруг ни взора и ни слуха
Не радует в промозглой этой мгле,
Как будто силу творческого духа
Природа исчерпала на земле.

Но вдруг мороз, и с высоты неожиданной
Не солнца свет, но и уже не тьма,
Враз осветив леса, дома, поляны,
Снег упадет, и через час зима.

Земля лежит, как новая планета,
На ней еще ни тропок, ни дорог
На всех ее меридианах нету,
Все вдаль зовет, и снова путь далек.

1962

* * *

Я верю в бога, но не с бородой,
Сидящего на облаке высоком.
Бог — он и старый, он и молодой,
Со мной живет он рядом и далеко.

С шести утра он пьет на кухне чай,
Закуривает жадно сигарету.
Его везет грохочущий трамвай
За три копейки через всю планету

На свой завод, на шахту и в гараж, —
Да мало ли, куда там надо богу,
Ведь без него день не начнется наш,
И в самом деле — мир не до порога.

А он себя считает, как всегда,
Бетонщиком, механиком, шахтером.
Какой там бог! Идет наверх руда,
Струится стружка и ревут моторы.

Но все на свете создано трудом.
Он сдвинул горы, он попятил реки.
И в переносном смысле и в прямом
Он бог в двадцатом громоносном веке!

1962

ХЛЕБ

В нем дюжина дождей и солнца суток сорок,
В нем пара сотен зорь и полдесятка гроз,
Сто тысяч в нем токов и шин машинных шорох,
Комбайнов ровный рев и ливни синих звезд.

Лежит бугор меж гор, в народе говорится,
А выставят на стол, и станет стол — престол.
Хлеб — голова всему. Он с солью не бранится.
Смирятся и пес пред ним, хотя и зол.

1962

* * *

И Русь не та, и русские не те...
Не те, конечно.
Ну, а те чем плохи?
Те, что не те и, видно, в простоте
Перевернули ход самой эпохи.

Те, что воткнули в землю враз штыки:
Конец войне!
И в десять дней, не боле,
Земные потрясли материки.
Материки земные,
А не поле.

Дворцы построить можно до небес
И возродить сады Семирамиды, —
Да мало ль натворить каких чудес,
Каких и мир в глаза еще не видел!

Но ими вряд ли увлечешь когда
Пойти вослед так, как идут народы
По всей земле с семнадцатого года,
С тех пор когда зажглась Руси звезда.

Вот, говорят, была отсталой Русь.
А не она ли родина Свободы!
Я навсегда с той Русью остаюсь,
С вершинами семнадцатого года.

Такого взлета духа, и ума,
И мужества история не знала.
Она взяла за образец сама
Рожденные той Русью идеалы.

1962

* * *

Новые времена — новые песни.

Пословица

Ах, песни старые, забытые,
Запетые до хрипоты,
В недавнем прошлом знаменитые,
Вы словно в молодость мосты.

Вздохнет ли драная гармоника,
Затянет ли осевший бас,
Встаю, иду в края, где конники
И радуги
Благословляют вас.

Иду туда, где зори дымные,
Где блеск брони и звон костров,
От Одера идут до Зимнего,
К себе и в молодость отцов.

Пусть наотрез права пословица,—
Я с ней не спорю, не хочу,
А песня все-таки не клонится,
И ей такое по плечу.

Смотри, взошла она — и дрогнули
Глаза, и губы, и сердца
Перед летящею дорогою,
И снова славе нет конца

И сторонятся те, которые
Новы и модны, может быть,
Но без огня того и пороха,
Чем вас сумели начинить

Святые, юные, безвестные
И бескорыстные творцы —
Признание себе не песнями
Снискавшие в огне бойцы.

1962

* * *

Я много раз в пути встречал рассветы:
Еще темно и сыро у земли,
Но в высоте, сияньем дня задеты,
Вершины сосен небо подожгли.

Еще звезда летит, не потухая,
Пушинкой одуванчика на нем,
Но облака — поляна золотая,
Полна живым трепещущим огнем.

И пусть с высот нисходит день на травы
От облака, от опаленных крон,—
Все тонет в нем, на то имея право,
Иначе б днем не назывался он.

1962

* * *

Люди веруют в поезда,
Люди веруют в города,
Люди веруют в реки серые,
В море синее и в суда.

Люди едут, летят, плывут,
Их все время дали зовут,
Люди счастья на свете ждут —
До ста лет на земле живут...

Поезда грохочут во мгле,
Города шумят на земле,
Горы синие, ветры сильные,
На кострищах угли в золе.

По морям плывут корабли,
Люди в воздухе — короли.
Не хватает людям земли,
Люди в космос уже вошли.

А земля, как бубен, кругла,
А моря, как небо, пусты,
И от города до села
Дальше, чем до ближней звезды.

Бездна черная на пути,
Ни кола на ней ни двора,
А они говорят — летим,
А они говорят — пора!
Люди думают: есть звезда.

1963

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Сложились бабы по рублю,
Простые бабы, деревенские,
И пьют, я их не оскорблю —
Мол, пить занятие не женское.

У баб на то причина есть,
Особая, всемерно веская:
По радио промчалась весть,
И озарилась доля женская.

Вся вдруг до донышка видна
С поры далекой, незапамятной,
На целый белый свет одна,
Горя своим горячим пламенем.

Три полбутылки на столе
Плодовой, ягодной и выгодной.
Пьют бабы у себя в селе,
Румяные от водки выпитой.

Их не зовут домой мужья:
«Валюша, Валя, Валентина!»
Судьба — не песня соловья,
Не все вернулись из Берлина.

Пахали бабы, жали хлеб,
Леса рубили, сенокосили,
Век прожили в своем селе,
И слыхом не слыхав о космосе.

А над землей уж третий час,
Быстрее чем шар земной наш кружится,
Вокруг него в который раз
Летит сестренка, дочь, подруженька.

Над щами, стиркой и страдой,
Над песнями, от слез солеными,
Летит над старыми законами,
Муж по которым — бог земной.

Гремит над всей землей эфир,
И марши, марши, в честь них, марши,
В честь них, потрясших целый мир,
Обыкновенных женщин наших.

А здесь, в деревне, стол накрыт,
Пластинка кружится любимая,
И день, как колокол, гудит
Над придорожными рябинами.

1963

В АВТОБУСЕ

Косматый, рыжий, словно солнце, я
Оптимистичен до конца.
Душа моя — огнепоклонница,
Язычица из-под венца.

Чем дело кончилось с татарами?
Как мартом сарафан белен!
Вдрызг реактивными фанфарами
Исполосован небосклон.

Летят дюралевые капли
По небу синему, свистя.
Не так ли хлынет вниз, не так ли
Ливнь реактивного дождя?

Но вальсы, вальсы, только вальсы,
Кружа, в динамике дрожат.
Белеют на баранке пальцы,
Темнеет у шофера взгляд.

Весь голубой, как будто глобус,
В никелированной росе
Летит размашистый автобус
По пригородному шоссе.

Он в солнце, в первых лужах, в глине...
Творится на земле весна,
Как при Микуле и Добрыне,
Как при Владимире, красна,

И Лель сидит на косогоре
С кленовой дудочкой в зубах,
И витязи торчат в дозоре,
Щитами заслепясь в лучах.

Мосты над реками толнятся,
В бензинном дыме провода...
И ничего не можетиться
С весной и Русью никогда.

1963

СОСНА

На белом, розовом, на синем,
На голубеющем снегу
Лежит сосна, роняя иней,
Как бы споткнувшись на бегу.
На сахарном снегу пластаясь,
Вся зелена, вся золотá
И в кроне солнцем обливаясь,
Звенит и рвется высота.

Но от сравнения с солдатом
Я отрешиться не могу,
Вот так споткнувшимся когда-то,
Назад лет двадцать, на снегу.
Ну что ж, перед годами теми
Я не стыжусь банальным быть.
Лежит сосна,
Не властно время
Того, что было, изменить.

1963

* * *

Я давно увидел в первый раз,
Как оно меня не ослепило,
Чудо женское зеленых глаз,—
Где, когда, не помню, это было...

Два дождя качаются в зрачках,
Две реки, два леса, две дороги,
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

С той поры прошла землей война.
Государства в пепел рассыпались.
Годы отгорели в дым до дна.
Жизнь прошла, а вот они остались...

Я ее забыл. Я постарел.
Женщина моя со мною рядом
Средь своих забот, хлопот и дел
Взглянет вдруг каким-то странным взглядом...

Два дождя стоят в ее зрачках,
Две реки, два леса, две дороги,
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

1963

НА ВОЛГО-БАЛТЕ

Моей деревни больше нету...
Она жила без счета лет,
Как луг, как небо, бор и ветер,—
Теперь ее на свете нет.

Она дышала теплым хлебом,
Позванивая погромком.
К ней на рогах коровы небо
Несли неспешно людям в дом.

Плывут над ней, взрывая воды,
Не зная, что она была,
Белы, как солнце, теплоходы —
Планеты стали и стекла.

И дела нет на них, пожалуй,
Уж ни одной душе живой,
Что здесь жила, пахала, жала
Деревня русская век свой.

Детей растила, ликовала,
Плясала, плакала, пила,
С зарей ложилась и вставала,
Гремя в свои колокола.

Стогов, домов, хлевов, овинов
В богатый год и в недород.
В чем невиновна, в чем повинна,
Теперь никто не разберет.

Я до сих пор твой сын, деревня,
Но есть еще двадцатый век,—
Вывертывает он коренья
И прерывает русла рек.

Что сделал он, то сам я сделал,
Никто другой того не мог,—
И этот лайнер снежно-белый,
И всплывший дедовский пенек.

И я пройду по дну всю пойму,
Как под водой ни тяжело.
Я все потопленное помню,
Я слышу звон колоколов.

А наверху, как плахи, пирсы
В ладонях шлюзов — солнца ртуть.
Я с тем и этим крепко свыкся,—
Одно другим не зачеркнуть.

1963

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.

Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.

Жизнь прошла с тех пор,—
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,

Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.

Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной.

Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.

Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.
Только бы его сейчас пройти.

Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.

Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была,
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.

Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук, в снегу
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.

А земля огромна, фронт безмерен.
Лейтенант — песчинка средь огня.
Как он там в огне ревушем верит
В мирного, далекого меня!

Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.

Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!

Он не хочет верить в поговорку:
«Жизнь прожить — не поле перейти».
Там друзья, там поровну махорка, —
Я ему завидую почти.

Надо встать, и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.

Далеко не все добиты доты.
Время хлещет тяжко, люто, зло.
Только бы сейчас пройти болото,
Вот оно лежит, белым бело.

Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?

Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

1963

* * *

Кто был изобретатель колеса?
Никто не знает. Все о нем забыли.
В каком краю, когда он родился?
Ни имени не помним, ни фамилии.

А был изобретатель колеса.
Оно в природе не существовало,
Пока на белый свет не родился
Великий гений, неизвестный малый.

Крыло в природе человек узрел
И рычагов машинных сочлененье,
А он на мир не так, как все, смотрел.
Без подражання мыслил, без сравненья.

Он смастерил однажды колесо,
И покатилося колесо по свету,
А он свернул, должно быть, сигарету
И сам себе воскликнул: «Хорошо!»

Ревели первобытные леса,
На четырех ногах зверье бежало,
Крылами птицы мяли небеса,
Пока он щепочку жевал устало...

Какие нынче в мире чудеса!
Открытия! Им счета нет повсюду.
Но все его технические чуда
Ни в чем не зачеркнули колеса.

1963

* * *

И я ее искал, по свету ездил я
За тридевять земель, морей и рек,
Красоты видел, но самой поэзии
Так и не встретил, глупый человек.

...Дышало лето ливнями и грозами,
Дымились реки, зрела тишина.
На большаке с плакучими березами
Мне повстречалась запросто она.

В своем краю, за речкою, не за морем
Она мелькнула вдруг грузовиком,
Плеснула песней, так что сердце замерло
И опалило душу холодком.

За песней баб над громкими колесами,
Растаявшей стремительно в пыли,
Вечерками, страдою и покосами
Она открылась посреди земли.

Горячим хлебом обмолота первого,
Кувшином потным на краю стола,
Озерами с нетающими вербами,
Луной морозной в зареве стекла.

Девчонкою босой, простоволосою,
Забредшею во ржи, как василек,
Она прошла под солнцем и под звездами
И озарила запад и восток.

А было-то всего лишь — бабы ехали,
Да песня, да обычный грузовик, —
Но это оказалось ее вехами,
И мир за ними встал и был велик,

Такой, что мне не рассказать, не высказать,
Какой он есть, и только, может быть,
Чтобы понять далекое и близкое,
Жизнь надо просто заново прожить...

А я ее искал, по свету ездил я
За тридевять земель, морей и рек,
Красоты видел, но самой поэзии
Так и не встретил, глупый человек.

И в землях тех она, видать, прописана,
Но надо с ними жить и бедовать,
Пот проливать под небом кипарисовым,
Чтоб запросто в лицо ее узнать.

1963

ПЕСНЯ О МАМОНТЕ

Вымирали мамонты на свете,
Рыжие, огромные, в шерсти,
И на всей земле, на всей планете
Было некому по ним грустить.

Их никто не ел, никто не трогал их,
Шерсть не стриг с них — зря она росла.
Бивнями тяжелыми дорога их
Сквозь века проложена была.

Были мамонты венцом творения,
Сущего в то время на земли,
Сильные и добрые, как гении,
Только выжить все же не смогли.

То ли изменились вдруг условия,
То ли жить мешала им среда,
Только стала им земля надгробием:
Горы, доли, небо и вода.

Наступило некое столетие —
Полегла царей природы рать.
Каково ж в нем одному, последнему,
Было жить? Не то что умирать!

Тучи шли косматые над чащами,
И, оставшись на земле один,
Их приняв за братьев уходящих,
Затрубил косматый исполин.

Над лесами древними, дремучими
Рокотала скорбная труба.
Тучам что! Они ведь были тучами,
Их не трогала его судьба.

Только эхо в дальних далях дрогнуло,
Из-под ног рванулся зверь в кусты,
Замерли цветы четверорогие,—
Огляделся мамонт с высоты.

Жизнь вокруг вершилась непонятная;
Волки, лисы, тигры, барсуки
Жаркими в лесах мелькали пятнами
И друг друга рвали на куски.

И тогда за тучами бегучими,
Бросив благодатные края,
Он пошел живой шерстнатой тучею,
Чтоб не видеть сущего зверья.

Он пошел от них в пустыню белую,
Как в изгнание, за Полярный круг.
Ничего не прыгало, не бегало
И не мельтешило там вокруг.

Шел, питался вереском и ветками
И дошел до тех равнин вдали,
Только силы стали очень ветхими.
В сон клонило. Был здесь край земли.

Океан гремел пустыми волнами,
Солнца шар не мог подняться ввысь,
Падал снег, как белое безмолвие.
Уходила из-под сердца жизнь.

Лег он, к небу выставив точеные
Бивни, не бывавшие в бою...
...Через сто веков его ученые
Так и отыскиали в том краю.

Говорят, что, сытые и рослые,
Живы братья мамонтов — слоны.
Только мне бывает жалко до смерти
Мамонтов
Средь белой тишины...

1963

ПРИГЛАШЕНИЕ

Запаситесь картою,
Поезжайте в Каргополь
Через реки синие
И леса
Зеленые,
Через птичьи голоса
И ключи студеные.

Каргополь, как Акрополь,
С храмами и высями,
На горе стал во поле
Гордо, независимо,
На Онеге во поле,
Чем не брат Акрополю.

Небо там старинное,
Стиранное ливнями,
С песнями, с былинами,
С елью, как с оливами.
Град стоит, красуется
С простотой естественной,
Возведен не суетно
Топором-кудесником.

А вокруг него холсты
Белые расстелены,
И утрами с высоты
Солнышки рассеяны,
Радуги расставлены
На российском Севере
В стороне прославленной!

1963

ВСТРЕЧА С МОРЕМ

Я с морем встретился вчера,
Как с миром праздничным огромным,
Всклень полным света и добра
И искренности неумной.

Я к морю нес свой груз обид,
Не помышляя об участье,
Недавно без причины бит
И предан, но не другом, к счастью.

Голы, как белые слоны,
У моря грелись эвкалипты.
В тени у розовой стены
Два ишака кричали хрипло.

Абхазка тротуар мела,
И у воды на жаркой гальке
От солнца алые тела
Лежали бревнами вповалку.

Что море?
Синяя вода,
Соленая до окоема.
Что морю счастье и беда?..
Но море дрогнуло у кромок.

...Накат вступил немым оркестром,
Меняя красок череду,
Роняя отблески и всплески
С забытым чем-то лишь в ладу,
В душе встающим, как растенья
Неслышно через камень плит,
Дробя гранит своим рождением,
Гранит печалей, бед, обид.

Накат не знал обид и болей,
Но, омывая, уносил
С собою что-то с пеной белой
И возвращался с тайной сил,
Еще пока не осязаемых,
Но прибывающих уже...
Он проявлял меня, как снимок,
И с ним светало на душе.

Огромность вод, блескучих, близких
Сближали с небом и цветным
Простором поиска и риска
И утверждала перед ним
Неумолимо, без насилья,
И пробуждала, как от сна,
Еще не выросшие крылья,
Неузнанные времена.

И я в себе услышал море,
И сам стал морем я живым,
И мог и должен был я спорить
И соглашаться только с ним,
Огромным, видевшим вчера лишь
Рожденье ящеров во тьме,
И груз эпической печали
У аргонавтов на корме.

А волны шли и шли на берег,
Вздымали горы щит земли,
И поединок двух империй
Судейство только мне сулил.

Пропела дальняя сирена,—
Шел белый лайнер на Сухум,
А берег вскидывался с пеной
И плыл саженками без дум.

Струился полдень лиловатый...
Дельфин, как маховик, тяжел,
Вздымался черный и горбатый
И вновь скрывался среди волн.

Как взрывы, к небу эвкалипты
Вздымали кроны. Босиком

Богиня вышла из калитки
У розовой стены, с кульком
Тяжелых синих виноградин,
Гибка, как пламя от костра...

Как многое случилось за день!
Я с морем встретился вчера.

1963

* * *

Я на войне писал стихи украдкой,
Скрывал стихи от посторонних глаз,
Под картой в сумке прятал я тетрадку.
Друзья просили: напиши про нас!

Про то, как писем ждем,
Про то, как у сержанта
Жена в тылу с другим,
Не прячась, не таясь...
Про то, как мы тоскуем.
Ты таланта
Не пожалей
И напиши про нас.

А я стихи писал, когда все спали.
Все про себя писал.
Как тосковал я сам,
Как писем ждал,
Хотел, чтоб вспоминали,
Не забывали... Я отказывал друзьям.

Я говорил им, сонным и усталым:
Отстаньте, я пишу письмо домой...
Домой! И лица им улыбка озаряла,—
Прости, пожалуйста, само собой...

Они валились в сны свои на нары,
Коптилка замирала в тишине,
И я писал, за то им благодарный,
Что не мешали мне.

А ночь в громах ворочалась снаружи,
Стучала пулеметною строкой.
Я юным был, и было мне не нужно
Заемных чувств, чтоб быть самим собой.

1963

* * *

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы,
Верил только в загады
И не верил в приметы.

Я пришел в сорок пятом
Опаленный, живой,
Молодой, конопатый,
С золотой головой.

Думал, глянув на лето:
Жизнь еще впереди.
Все, что кончилось, — это
Уходи — уходи...

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы.
Пожилым, бородатым
Вспомнил дальнее лето.

Сосчитал и закаты,
Сосчитал и рассветы —
Позабыл про загады
И поверил в приметы.

Глянул в дальнее лето:
Защемило в груди...
Все, что кончилось, где ты?
Жизнь, постой, погоди!

1964

КЛЮЧ

Все выше день. Идут на убыль,
Синея, тени от межи.
Поют берестяные трубы
Над голубым покоем ржи.

А меж корнями на поляне,
Раздвинув травы и цветы,
Вдруг небо из земли проглянет
Прохладой знобкой высоты.

Над ним раскрыта рамка сруба
Вчера, а может, век назад,
И терпкий свежий запах луба,
И смол янтарных звездопад.

Сквозь сито глины, камня, кварца,
Подрагивая, как кольцо
На счастье или как на царство,
Студеный ключ летит в лицо.

Лови сверкающие кольца
В ладони лунку на лету.
Прислушайся, как колокольцы
Звонят в тиши о пустоту.

Пьют воду, умывая лица,
В ладонях пробуя на вес,
Откусывая, словно птицы,
Студеный краешек небес.

1964

ГЛАЗА

В них не проплывают облака,
Птицы в них не пролетают стаяй,
Не летит дорога далека,
Неизменно в грусть перерастая.

Не смотрю, не думаю, молчу,
Забывать старательно стараюсь
И по ней стремительно лечу,
Все лечу, не достигая края.

А куда несет она, куда?
Что там, в этих всплесках тьмы и света?
Сквозь года, в года, через года
Нету ни ответа, ни привета.

В грохоте ракетных переправ.
В реве далее железобетонных
Тише тихих полуночных трав
Сердце бьется — грозно, озаренно.

Может, шар земной пересеку
По широтам весь и по долготам,
А дорогу эту не смогу
Ни на шаг пройти, ни на йоту.

Зыблются, синяя, небеса,
Тень ресниц, скользя, идет по склону,
И глядят, глядят на мир глаза,
Сожалея, грустно, отчужденно.

В них не проплывают облака,
Нет ни птиц, ни парусов,—
Сквозная
Вдаль летит дорога далека —
Ни конца, ни края ей не знаю...

1964

* * *

Весна, а что она такое?
Летят сквозь дали журавли,
Летят сквозь дни деревья стоя,
И травы снова вверх пошли.

Все рушится, что было свято,
Незыблемо в снегах зимы,
В пару и дыме лиловатом,
В лохмотьях обветшалых тьмы.

Вот землю небом раскололи
Ручьи и реки на куски,
В оградах оживают кольца,
И на камнях встают ростки.

Творится новая планета
У всех бесстрашно на глазах
Из глины, воздуха и света,
В навозной жиже и цветах.

Дождей мгновенных колыханье,
Ветров свистящие столбы,
Громов далеких грохотанье
И придыхание трубы.

Из пепла, глины и навоза
Встает, рождается, чиста,
Как ландыши и туберозы,
Неслыханная красота.

1964

* * *

Девочки веселые, бедовые,
С поговорочкой: «Хоть час, да мой»,
Мне вас очень жалко, непутевые,
Черт-те что творящие с собой.

Девочки с прическами косматыми,
В туфельках на острых каблучках,
Бомбой искалеченные атомной,—
Не взорвавшейся, издавека.

Сколько и без взрыва искалечено
В некогда восторженных сердцах.
В пламенных, веселых и доверчивых,
В голубых неоновых нотах!

Даже души сильные и стойкие
Холодом ее знобит сейчас
Свист метели с той шкалы с настройкою,
Где горит, дрожа, зеленый глаз.

Мы иные, мы не слабонервные,
Только как вам, девочки, помочь,
Чтобы вы смогли в себя уверовать,
Слабость и бездумье превозмочь?

Мне не легче, юности не помню я,
Только век за это не корю.
Ласковые и опустошенные,
Мне вас жаль, девчонки, говорю...

1964

НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

На сцене в пионерском хоре
Поют бесстрашно пацаны
Стальные песни из истории
Отечественной войны.

На сцене, голосами ломаными,
Под медь трубы и барабан,
Поют «Вставай, страна огромная» —
Гимн всех солдат и партизан.

А в зале словно бы в печали —
И седина и ордена —
Сидят родители в молчанье,
Как вставшая на бой страна.

На этом пионерском сборе
Они почувствовали вдруг,
Что стали эпосом, историей,
Что времени замкнулся круг;

Что где-то снова рядом с ними
Дружки, погибшие в бою,
А барабан гремит во имя,
А голоса зовут, поют,

Как будто не мальчишки юные
Под красным знаменем, а полк,
И поступь у него чугунная —
Здесь, в школе, встал и вдаль пошел.

Застыли в тихом зале матери,
У глаз расширенных платки:
На бой смертельный с неприятелем
Уходят милые сынки.

Уходят вдаль и не вернутся,
Уходят в пламя, дождь и снег.
А матери всё остаются
Из года в год, из века в век.

Смешались времена и даты,
Глядит в глаза отцов война.
Из века в век идут солдаты,
А родина на всех одна.

На всех — на тех седых в молчанье,
На всех — на тоненьких юнцов,
Что, словно бы однополчане,
Поют на сцене песнь отцов.

1964

ОДНОМУ ЗНАКОМОМУ

Вы знаете, что правда,
Что — неправильно.
У вас на все имеются ответы.
Вам жить легко.
Вы праведно прославлены,
И ничего, что славят лишь газеты.

О вас начальство судит снисходительно,
С приятцей:
Этот знает! Этот может!
И тем отличны вы от земножителей,
И тем на небожителя похожи.

А вам-то как?
Неужто в самом деле
Все нравится?
И все вам в мире ясно?
Не день встает для вас,
А понедельник,
И было воскресенье,
А не праздник!

Не мучат вас вопросы, на которые
Не ценятся, а судятся ответы.
Они вам не захлестывают горло,
Как петля, от которой спасу нету.

Все ясно было
Только не Копернику!
На все ответы знал
Не Галилео только!
А если бы?!
То на земле, наверное,
Свет не зажегся еще долго, долго.

Во тьме она бы пребывала, плоская.
И на китах качалась бы,
Качалась...
Все ясно —
И не надо Маяковскому
Искать курок с безвыходным началом.

«Да, жизнь сложна!» —
Вы прожурчите барственно,
Хлебая славу мелкими глотками,
Летя своей орбитой государственной,
Отталкивая спутников локтями.

А было! И могло быть!
Да, могло быть!
Вас жизнь из той же глины создавала,
Что поценней высокой самой пробы
Любого драгоценного металла.

Мне жалко вас, как жаль себя бывало.
А ваша знаменитость мне печальна.
Ведь где-то женщина ночей не спала,
Все отдавала вам в любви отчаянной.

В глаза глядела, пела колыбельную,
Старалась оградить от всех напастей
И в мир несла с огнем сосуд скудельный —
Не для себя одной, а всем на счастье.

1964

* * *

Не на западе — на востоке
(Запад стар и все знает сам)
Вновь по свету ходят пророки,
Свет внимает их голосам.

Ах, пророки годов высоких!
От костров гражданской войны
Ваших гневных воззваний строки
Алой кровью обогрены.

Убивали вас ночью белой
В темноте кулацкой рукой,
А гармоника где-то пела
Ваши песенки за рекой.

Поднимались вы из окопов,
Чтоб под пулей немецкой лечь,
Но не может забыть Европа
Ваших гимнов походных речь.

Вновь выстраиваются в строки
Вера, Правда, Верность, Любовь, —
Поднимают слова пророки
И несут их на люди вновь

Не в библейских белых хитонах —
В гимнастерках и в пиджаках,
Непременные микрофоны,
Словно посохи, в кулаках.

И совсем как во время оно,
Как две тысячи лет назад,
Словно трубы Иерихона,
Репродукторы их гремят.

1964

* * *

Меня страшат аэродромы,
Когда в ненастные часы
Вдруг станет шар земной огромным
За краем взлетной полосы.

Дюрали мир и плексигласа,
Мир современных скоростей
Дряхлеет вдруг мгновенно, разом
И слухов ждет, как ждут вестей.

Становятся горами — горы,
Моря — морями, лесом — лес
Под грозным заревом просторов
Пустых эпических небес.

Ангары, башни и экраны,
И фюзеляжи в серебре,
Как свалка крашенных жестянок
За городом на пустыре.

И у буфетной стойки длинной
Под скучный музыкальный гром
Сжимают в кулаках мужчины
Безмолвно стопки с коньяком.

Как хрупок все еще бетонный,
Стальной и электронный свет
Пред тем, живым, одушевленным,
Бушующим миллионы лет.

Одно неверное движение —
И брызнет тонкое стекло,
И вот уж снегом с тихой ленью
Его случайно замело...

1964

* * *

Дни стали вдруг похожи на пластинки,
А может, на картинки переводные,—
В них много охры, сурика и синьки,
Они тонки, с листом бумаги сходные.

Они слетают красочные, яркие,
Пустынные, земные и небесные,
Увенчанные зорями, как арками,
Пронизанные птицами и песнями.

И я гляжу на них с веселой грустью,
И я гляжу на них, себя жалея,
На тонкие, на легкие, на хрупкие
Дни солнечно летящего апреля.

1965

* * *

Куда уходят годы? Ну куда?..
Стекают, как в резервуар вода,
Уходят, как на переплав руда?
Куда уходят годы? Ну куда?..

Куда ушел вот тот, такой уж год,
Который долго ждали наперед,
С таким терпением, как никто не ждет, —
Аж пуп трещал. А где теперь тот год?

Куда девался год — и не найти. —
Который мы смогли перенести —
Едва-едва несли, хрипя, кляня...
Теперь ни камня от него, ни дня.

Наверно, где-то копятся года,
Как под землею копится руда,
Или как шлак сгоревший навсегда,
Иль в небеса восходят, как вода, —

Восходят паром, дымом, а потом
Плывут над миром, словно облака
Прекрасные, все в золоте бока,
Воздушные, как музыка райка,
И мир на них глядит с открытым ртом.

1965

* * *

Я стану облаком, зарей,
Щепоткою песка и глины,
Травинку на ветру игрой,
Сверкающим полетом льдинок.

Что в мире через тысячу лет
Изменится, вы мне скажите?
Иначе станет литься свет
Небес на крыши новых жилищ?

Ослабнет соль в морях и синь?
Вино изменится в стакане?
Иною стын и жар пустынь
Иным и незнакомым станет?

Иль предок мой, кентавр степной,
Не те же звезды видел в реках,
И шмель над ним кружился в зной
Иной, из каменного века?

И женщина иной была?
И женщина иною будет?
Нет! И все той же будет мгла,
В которую уходят люди.

1965

* * *

Это было все-таки со мной
В день девятый мая, в сорок пятом:
Мир желанный на оси земной
Утвердил я, будучи солдатом.

Пели птицы, радуга цвела,
Мокрой солью заливало щеки...
А земля сожженная ждала,
И с нее я начал, как с опокп.

Начал вновь мечты и все дела,
Села, пашни, города, плотины,
Выбелив на солнце добела
Гимнастерки жесткую холстину.

Это было все-таки со мной...
Для труда, прогулки и парада
Не имел я лучшего наряда
И в рабочий день и в выходной.

Кто-то за железною стеной
Рабским посчитал мое терпенье.
Что ему сказать? Его с коленей
В сорок пятом поднял я весной,
Начиная мира сотворенье.

Шел бетон, вставляли корпуса,
Реки переламывали спины,
Домны озаряли небеса,
Плуг переворачивал равнины.

Это было все-таки со мной...
С неба на земные континенты
Я ступил, затмив собой легенды,
В форме космонавта голубой.

Я иду дорогою земной,
Перед солнцем не смежая веки...
Все, что в мире делается мной,
Остается на земле навеки.

1965

СОЛДАТСКИЙ МАРШ

В этот день гремели марши, марши —
Громогласны, бра́вурны, легки.
Из Берлина воротились наши
Славой осененные полки.

Но не вспомнить всех гремевших песен,
Маршей всех в тот день победный наш.
В этом дне один далекий есть — он
Навсегда запавший в душу марш.

Смолкли трубы сводного оркестра
Гролом перекатным по стране.
И возник не медный, не железный
Стук сапог солдатских в тишине.

Он катился по земному шару —
По лесам, по пашням, по траве...
Шли солдаты шагом, шагом, шагом,
Шли по Красной площади в Москве.

Шли без труб, без музыки, без грома,
Словно в чужедальной стороне.
Шли привычно, тяжело, знакомо,
Как четыре года на войне.

Как в походе, как это бывает,
Лишь врывался в шаг неожиданно вдруг,
На мгновенье ритм перебивая,
Дерева сухой, трескучий стук.

Словно кто-то сваливал поленья
В кучу с ходу, прямо через борт.
Это к Мавзолею на ступени
Падали штандарты вражьих орд.

Это шли солдаты шагом, шагом,—
Ряд за рядом, тысяча рядов,
И бросали стяги, стяги, стяги
Армий, эскадрилий и флотов.

С той минуты по земному шару
Не стихает, помнится, гремит,
Как идут солдаты шагом, шагом,
Как летят штандарты на гранит.

1965

* * *

Начало лета —
Как начало лет,
Где любят женщину
И ценят друга.
Где да — есть да.
Где нет — уж точно нет.
И мир очерчен,
Но не замкнут кругом.

Начало лета...
Зной еще не зной,
Листва упруга, говорливы травы.
Виски не облепило сединой,
И воздух полон ожиданьем славы.

...Как замирают зубчики резной
Ромашки и пугливой маргаритки.
С размаху ливни, вставшие стеной,
Ко мне идут, стремительны и зыбки.

Я верю в парус и люблю весло,
И утром, на окраине рассвета,
Куда меня неожиданно занесло,
Ломаю хлеб, благословляя лето.

Ах, птицы с веток, небеса в дыму,
Сирень на камне, хруст песка у плеса
И занавески белые в дому,
Летающие вослед разноголоса.

Мир полон превращений и чудес,
В нем хмель вина, соль медленных раздумий,
Пир за полночь, дорог далеких вес,
Оазисы мои и Каракумы.

Моя обетованная земля —
Улыбка женщины, рукопожатье друга.
Моей охоты трудные поля
Лежат за рощей моего досуга..

Успех дешевый я отверг давно,
Смешны мне резвых мальчиков забавы
И с ними беспокойство заодно
Тупых, самодовольных, величавых.

Начало лета...
Крыл невидных свист.
День, словно подвиг, и высок и звонок.
Как тоненько подрагивает лист,
Промытый ливнем, огненного клена.

Наверно, собирается жара:
Край радуги в столбах аквамарина.
Ах, как утешна зайчиков игра —
Всегдашний тьмы и света поединок.

1965

* * *

Давно всему известно свету,
И это не его вина,—
Непогрешимых истин нету,
Но, может быть, права одна:

Стирает время в пыль державы,
И гордая стареет новь,
Бессмертная проходит слава
Легко, как дым,
И лишь любовь

Летит поверх барьеров Рима,
Сквозь все века и времена —
Добра, безжалостна, гонима,
Беспомощна, как смерть сильна.

1965

РАЗГОВОР С МАДОННОЙ

Мадонна с Петроградской
Сидит передо мной.
Высокий лоб прекрасный
И волосы копной.

Она глядит на вещи
В упор, как на торгу.
Коньяк с боржомом хлещет,
Как моряки в порту.

«...Вы что-то там сказали?» —
Прищурились глаза.
Джаз в ресторанном зале
Грохочет, как гроза.

«...Любви на свете нету,
Есть флирт и просто спорт, —
Девчонки до рассвета
Целуются на спор...

Живу со скушным мужем.
Есть сын, его люблю.
А муж — он только нужен,
Он терпит, я терплю...»

А каблучки, как льдинки,
Звенят, звенят, звенят...
А мужики с блондинки
Хмельной не сводят взгляд.

Горят ее коленки,
Бледно ее лицо.
От сигаретки лентой
Дымок кольцо в кольцо.

Плечам покатым жарко,
Они зимы белей...
А мне мадонну жалко,
И я не верю ей.

Не верю, но не спорю,
Поскольку слышу злость,
Слова летят с которой
На все, что в них сошлось.

Лет двадцать пять мадонне,
Она стройна, сильна,
До маленькой ладони
Вся как одна струна.

И ей, мадонне, скушно
От звона баккара,
И ей на службу нужно
Постылую с утра.

Одна отрада — летом
На месяц ледоруб,
И на снегу рассветы,
И ветер лишь у губ.

Где в камень гор, как в стремя,
Становится ногой,
И ввысь хотя б на время
Она сама собой.

1965

БЕЛЫЕ НОЧИ

Вы слышали про белые ночи? Слыхали?
Как заря полыхает в гранитном канале,
Как мосты поднимают пролеты, как крылья,
И черемухи цветом, как снегом, обильны.

Разве белые ночи бывают? Бывают.
Город отдан влюбленным, нет в нем равнодушных.
Что такое? Здесь белую ночь открывают!
Открывают, как бал? Нет, скорее, как душу.

Рассказать вам, как это бывает,
Как и что происходит при этом?
Кто-то времени ход обрывает
И сближает закаты с рассветом.

Истончается мгла до предела,
Выявляется сущность пейзажа,
Ночь становится призрачно-белой
И слегка розоватою даже.

В парк уходят трамваи поспешно,
Убирают с проспектов машины
И приветствуют юность и свежесть
У дворцов над Невою старинных.

Факела зажигают на рострах,
Гасят все фонари, и, как в храме,
Все возвышенно, чисто и просто
Говорить начинают стихами.

Вы не верите мне? Вы забыли
То, что некогда вас окрыляло,
Что когда-то влюбленными были,
Что поэзия вас озаряла.

Людам нравятся белые ночи,
Люди не перестали влюбляться,
И ночей этих праздничный почерк
Им в сердца продолжает стучаться.

Светом хлещет он в девичьи очи,
И героев в мальчишках он будит.
Людам нравятся белые ночи,
Люди черные ночи не любят!

1965

* * *

Хвала не взлетевшим ракетам,
Я их не хую, а хвалю.
Успех им как небо неведом,
Но я их за то и люблю.

Бессонные ночи до света,
Внушительный счет неудач.
Хвала невзлетевшим, отпетым,
Совсем неудачным, хоть плачь.

Без них бы иных не бывало,
И линии верной вовек
Нам не начертало лекало,
И к звездам не взмыл человек.

Все правильно, правильно это,
Но я их люблю не за то, —
Хвала не взлетевшим ракетам,
О них не узнает никто.

1965

В БРЕСТЕ

Здесь первый шаг свой сделала война
В июне, в сорок первом, на рассвете.
Здесь нынче соловьи, и тишина
Струится в заводи с зеленых ветел.

Бетона глыбы разметал тротил,
Черны провалы старых казематов,
И прячутся ромашки меж могил
На кладбище, где спят одни солдаты.

Не все еще известны имена
Тех, кто стоял здесь насмерть в сорок первом,
Тех, кто отдал ей честь свою и верность,
Когда еще спала вдали страна.

Но в небесах синеют здесь глаза
Солдат, взглянувших первыми на пламя.
Стирается во времени гроза
Квадратных крыльев с черными крестами.

Уходит взрывов дальняя волна
В историю на тихие страницы...
И над землей встают их имена —
Русоволосых, юных, круглолицых.

Не требуя ни славы, ни наград,
Все, что могли, свершили здесь солдаты.
Год сорок первый только ими свят,
Без них бы не настал и сорок пятый.

Я в Брест вхожу, как в сорок первый год.
Гремят о землю тяжкие удары,
И принимает комендантский взвод
На грудь свою железный натиск армий.

Он не был вероломством потрясен
И паникой внезапности охвачен,
Бесстрашно ждал минуты этой он,—
Как мог бы здесь он устоять иначе?

Без гимнастеров, с коек на траву,
Расставив прочно сошки пулеметов,
Залег он здесь, у крепости во рву,
Как на Берлин идущая пехота.

Год сорок первый, сорок смертный год,
Но в нем встает, здесь присягнув державе,
Не отступавший комендантский взвод
В крови, железе и бессмертной славе.

Встает он в соловьиной стороне,
В росе и травах молодых по пояс,
И слушает, как мчится в тишине
«Москва — Берлин» зеленый скорый поезд.

1965

* * *

...Не было ни маршей, ни речей,
Ни знамен, ни воинских парадов.
Был он — ослепивший свет очей —
День, в который ничего не надо.

Солнце было, были небеса,
Каторжная кончилась работа,
Та, что длилась будто без конца
И без роздыха четыре года.

И никто не вспоминал о ней,
Все мечтали только о грядущем —
В солнце ясном, в дождике идущем,
В рощах, в тишине, в игре теней.

Били в небо, гнали лошадей,
Плакали, на месте застывая...
Кончилась вторая мировая,
И никто не вспоминал о ней.

1965

* * *

Мы для костров рубили топором
В землянках все, что было нашим бытом.
Разогревали масло над костром,
Настраивали рации открыто.

Чехлы срывали с пушечных стволов,
Делили водку, заводили танки.
А над землей в ту ночь огнем мело,
Ревело небо перед днем атаки.

И кто из нас тогда подумать мог,
Что вспомнят через два десятилетия
И эту ночь, и день, пришедший в срок,
И праздником страна его отметит.

Кто мог подумать и вообразить,
Что будут оды и статьи в газетах,
Минуты не было, чтоб покурить,
Не то чтобы еще мечтать при этом.

Дрожала из конца в конец земля,
День занимался над равниной белой.
Как трубы, грохотали дизеля,
Сталь на морозе колоколом пела.

1965

* * *

Леса уходят. Жалко мне леса.
Уходят ели, сосны и березы,
Рябины гасят пламенные гроздья,
Осинников смолкают голоса.

Когда-то жили в тех лесах дубы,
И ясени, и золотые клены.
Куда им деться от такой судьбы —
Лес вырубают, океан зеленый.

Я был в Европе, там леса хранят,
Стоят, пронумерованны, деревья,
И ни соринки на земле, и в ряд
Приглаженные тянутся корни.

Леса хранят. Но это не леса.
Не свищут птицы в них, не плещет ветер.
В стеклянных загородках чуда,
А не одно большое чудо света.

Асфальтовые тропки и бетон,
Рай для туристов атомного века.
А здесь еще плывут плоты по рекам
И слышен в далях Китеж-града звон.

И может, можно сохранить леса,
А не деревьев ценные породы?
Леса поют и плачут, как народы,
На все свои живые голоса.

1965

* * *

Птаха малая песней заветной
Золотой осеняет зенит.
День над полем, над лесом, над летом
Знойным маревом в небе звенит.

Рожь невиданной встала стеною,
Васильками цветет тишина.
Почему же, как боль, с тишиною
Вдруг приходит команда одна?

Это не по уставу. Уставы
Не имеют команды такой.
Это право последнее правды,
Что навек остается с тобой.

В час, когда уже нечем сражаться,
Эту землю с рожденья любя,
Есть возможность сказать по-солдатски:
«Вызываю огонь на себя!»

Попросить. И, как будто бы маршал
Громовой отпечатал приказ,
Все стволы артиллерии нашей
Повернут и ударят тотчас.

Без пристрелки ударят картечью
И фугасами, словно в кино,
И сметут обступившую нечисть,
И зарюют тебя заодно.

После вырастут буйные травы,
Люди рожью укроют тебя
И забудут последнюю правду.
«Вызываю огонь на себя!»

1965

* * *

У ракетной переправы
На бетонном берегу
Ни налево, ни направо
Оглянуться не могу.

Все смотрю на купол синий
С кромкой леса на краю,
На земле моей России
Заглядевшись в даль свою.

Крыльями зари касаясь,
Серебрится самолет.
Улетаю не прощаясь,
Не отметив стопкой взлет.

Позабыв про телефоны
И про серые глаза,
Не печальный, не влюбленный,—
Сам не знаю, как сказать.

Улетаю, улетаю...
Тает талая заря.
Все, что было,— сам считаю,—
Это было просто зря.

Люк захлопнут, трап откатят,
Щелкнут пряжками ремни,
Гром накатит и подхватит
За стеклом земли огни.

И пройдет на шпильках острых,
Длиннонога, не стуча,
Всем улыбчива по ГОСТу,
Стюардесса у плеча.

1966

* * *

Я снова вспомнил почему-то
Далекий госпиталь в войну,
Где я лежал немало суток,
И санитарку в нем одну.

Тупой бессонницей измаян,
Я морфий у нее просил,
Кричал, что доза небольшая,
Ругался матом и грозил.

Но, зная, меня жалея очень,
Девчонка прикрывала свет
И на мои угрозы ночью
В ответ твердила только — нет.

Я позабыл, какие песни
Она мне пела у виска,
И как мои писала письма —
Не вспомнить мне наверняка.

Но помню, как с неженской силой,
От оскорблений всех бледна:
«Нет, морфия не дам», — твердила,
И помню также, как она

На перевязку вывозила,
Катала бинт, как снежный ком,
И вдруг его срывала с силой,
Безжалостно, одним рывком.

Она жалела, уважала
Меня, солдата, мужика,
И потому бинты срывала,
Не дрогнув, добрая рука.

А ты все медлишь...

1966

* * *

Ты в жизни жег хоть раз мосты
В своей,
Как жгут мосты саперы,
Настилы руша с высоты
И за рекой оставив город?..

Он бел. Над ним плывут сады,
Сверкают шпиль колоколен.
Но сожжены к нему мосты,
И надо уходить по полю.

И лучше не глядеть назад:
Там над безгрешною рекою
Мосты горят, мосты горят —
Твоею зажжены рукою.

Ты в жизни жег хоть раз мосты,
Вот так, а может быть, иначе,
На пламя глядя с высоты,
Сто раз оборотившись, плача?..

Саперам что! Они пройдут
Огонь и дым, но час настанет, —
Мосты саперы возведут,
И город вновь в их лица глянет.

А в жизни жгут мосты навек,
И в прошлое возврата нету,
В тот город за разливом рек,
Где мост горит в разгаре лета.

1966

* * *

Уходит женщина. Уходит,
Как солнце с неба, как река
За горизонт по шатким сходням
Травы, кувшинок, тростника.

Уходит женщина так просто,
Без слов, без слез, без жалоб прочь,
Как в океане синий остров,
Как день уходит и как ночь, —

Естественно, обычно, вечно
Уходит женщина. Не тронь.
Так, уходя, идет навстречу
Кому-то ветер и огонь.

Как ливень с тысячей мелодий
Из поля в новые поля,
Уходит женщина. Уходят
И гаснут следом тополя.

Уходит женщина. Ни злоба,
Ни просьбы непонятны ей,
И задержать ее не пробуй,
Остановить ее не смей.

Молить напрасно, звать напрасно,
Бежать за ней — напрасный труд...
Уходит — и ее, как праздник,
Уже, наверно, где-то ждут.

1966

* * *

Меняется движение светил,
И предстает в ином и новом свете
Во что ты верил, то, что ты любил,
Что видел ты и что ты не заметил.

Осталось измениться самому,
Но я довольно древнее явление
Из глины той, что в пламенном дыму
И жгли, и мяли светопреставленья.

Наотмашь тьма и пламя наотрез,
Трещала атмосфера от давленья...
Не мало разных испытал чудес —
От гибели до чуда воскрешенья.

1966

* * *

У леса голубого на опушке,
Где улица пустынна и грустна,
В поселке дачном в маленькой избушке
Была ты ни хозяйка, ни жена.

Трещали в печке хвойные поленья,
Шипел не умолкая самовар,
И розовые полные колени
Спокойно оббивал веселый жар.

Но было счастье, только не в мужчине,
Нет, не в его сжигающем тепле,
А в золотой наколотой лучине
И там в окне, в морозном хрустале.

1966

ЗЕМЛЯК

С. Викулову

Мы редко с ним теперь встречаемся,—
У каждого свои дела.
Но все ж встречаемся, случается,
Вдвоем садимся у стола.

Не по желанью — по традиции,
Как на Руси заведено,
Мы балуемся не водичею
Дистиллированной. Но...

Как только «что» да «как» кончается,
Отодвигается хрусталь —
И раздвигается, что чается,
Что видится,— и глубь и даль.

Он трет виски, он наклоняется
И курит, курит без конца.
И тень, и свет, летя, сменяются
На резких линиях лица.

И край, в котором уместиться бы
Могло с полдюжины держав
С их европейскими столицами,
Определяется вдруг, став

Тем настоящим, главным, истинным:
И как живешь и как дела,—
С чем исповедуются искренне,
Ни боли не тая, ни зла.

Над чем задумываясь, пробуют
Себя, других и жизнь понять
По счету по большому, строгому,
Где не на кого зря пенять.

А надо встретиться с причинами
Того, что плохо, что не так...
Шумят поля, горит рябинами
И подступает к сердцу тракт.

Раскинулась в дождях и радугах
Провинция лесов и рек,
Печали, сокрушая, радуя,
Как личная судьба — навек.

Ах, эти встречи с другом досветла!
Гора окурков. Поздний час.
Наговоришься вроде досыта,
А ляжешь — не смыкаешь глаз.

1966

* * *

Земля землей, не мелковата.
Двадцатый век. Двадцатый год
Я, позабыв, что был солдатом,
Хожу по ней не без забот.

За тридцать земель от дома
Февраль меня встречал жарой,
Банановым аэродромом
И пальмами в тиши ночной.

А по бокам летящей трассы,
Спросил я, — что такое там?
И мне сказали: ананасы,
И я глазам не верил сам.

Как: ананасы, как крапива
У нас в России, вдоль дорог?
— Крапива? Что это за диво? —
А что я им ответить мог...

1966

ОДА ДУРАКУ

Я не знаю, почему и как
Снова древним сквозняком подуло:
Эгоист — так, значит, не дурак,
Даже у него губа не дура.

Вновь звучит: «Ищите дураков!»
Только нет на дурака науки
Ныне, присно, испокон веков
И от дедов к сыновьям во внуки.

Дураков не сеют и не жнут,
Сами дураки на свет рождаются
И, как мера древняя и жмудь,
Начинаются и не кончаются.

Не перевелись и на Руси.
Есть. Живут. Она без них немыслима
Со своими верстами веси
И заоблачными всеми высями.

Славлю, прославляю дурака
Так, как сказка славил и присказка.
Без него немыслимы века
Давние и будущие близкие.

Он бессмертной думою богат,
От нее до смерти не откажется,
Пусть при этом сам себе не рад
И порою свет с овчинку кажется.

Для него не пишется закон,—
Эту дурь из дурака не вышибешь.
Он — дурак и лезет на рожон,
Если б мог, то лез еще повыше бы.

Я и сам такой — из дураков,
Жизнь меня еще не переделала
И лупила зря со всех боков
Так, что я не видел света белого.

День встает. Дорога далека.
Кто ее без нас на свете высветлит?
Славлю, прославляю дурака —
Так, как сказка славил и присказка.

1966

* * *

Ракетами, как луг ракитами,
Стал ныне шар земной богат.
На всех материках раскиданы,
Ракеты пьют и хлеб едят.

Живется им неплохо. В наледи
Свои вздымают острия —
Континентальные, глобальные,
«Земля — зенит», «земля — земля».

На них работают, не ленятся
Три миллиарда на земле,
И засекреченные гении
Ракетам служат в их числе.

Ракетам всё — шоссе бетонные,
Дворцы в глубинах недр земли,
Луга, леса, поля зеленые,
И глуби вод, и корабли.

Их фотографии красуются
На первых полосах газет,
И дипломатами трактуется
С трибун земли язык ракет.

Тяжел от стронция и радия,
Летит на землю дождь и снег...
Так непонятно в веке ядерном
Выходит к звездам человек.

1966

МОСТ ЧЕРЕЗ БЕН ХАИ

Пальмы и бамбуковые рощи,
И жемчужный, теплый, без просвета,
Целый день идет февральский дождик —
Зимний дождь, как в Ленинграде летом.

Узловаты, высоки и гладки,
Краснозем корнями размесили
Фикусы такие ж, как в России,
Что стоят у нас по избам в кадках.

Буйволы несут рога, как лиры,
Небо меж рогами полыхает.
Аисты разгуливают мирно
Над рекой медлительной Бен Хаи.

Наклонив конические ноны,
Рис сажают над рекой крестьяне,
Как штрихуют поле в цвет зеленый,
А поля — как зеркала в тумане.

За рекой Бен Хаи те же крыши,
Те же песни, аисты и пальмы,
И на спинах буйволов мальчишки
За рекой Бен Хаи цвета стали.

Как клинок, лежит река, сверкая, —
Ни волны над нею нет, ни всплеска, —
Землю на две части рассекая,
Рассекая пальмы, семьи, песни,

Над рекой Бен Хаи мост железный,
Только по нему никто не ходит,
Десять лет не ходят и не ездят
По нему ни при какой погоде.

Но в кругу друзей большом и тесном
Рыбаки на берегу у моря
Песню нам про этот мост железный
Пели, с грохотом прибоя споря.

Эту песню создавали руки,
Эту песню поднимали спины,
На вьетнамском севере и юге
Эта песня десять лет едина.

Песня шла гремя, не затихая,
С болью, с верой в то, что это будет,
Будет день,— пройдут по мосту люди
Над рекой медлительной Бен Хаи.

1966

ХА ЛОНГ

Всю землю ночь опустошила.
Гляжу — нет ничего в окне.
Залива черные чернила
Да звук прибоя в тишине...

Да запахи цветов и моря.
Залив Ха Лонг.
Слова звучат, как гонг.
Я лампу потушил и поднял штору
И говорю:
— Ха Лонг, ты здесь, Ха Лонг?

На краешке материка на самом,
Вдаль руку протяну — и нету там
Европы с Азией, за белой рамой.
А есть Ха Лонг —
Вступление к морям.

Есть лишь Ха Лонг,
Неведомого знак он,
Невиданного символ и печать.
Я ничего не вижу, но, однако,
Он здесь — рукой подать —
Ха Лонг...

1966

* * *

Не носят давно награды,
Забыли свои чины
Последние в мире солдаты
Отечественной войны.

Отечественной, справедливой...
Вовек не будет иной
На весь этот несчастливый
Единственный шар земной.

Исчислен, взвешен, измерен,
Быть может накрыт с головой
Он, как последний берег,
Атомною волной.

Ни дна тебе ни покрышки,
Ни мира тебе ни войны,
Только сияние вспышки,
Грохочущей до луны...

Только промельк ракетный...
Но сладко поет, как во сне,
На березовой ветке
Пеночка в тишине.

Где-то за дальним лесом
Ворочается аэродром,
И стрекоза, как «мессер»,
Пляшет над поплавром.

В хрустальный полдень покоя,
Тревожа самим собой,
Входит мир, беспокой,
Неясной еще судьбой.

1966

* * *

Меня раздумья одолели,
Как будто старость старика:
Одни, одетые в шинели,
Идут ко мне издалека;

Другие, близкие, как тучи,
Как облака, ползут на лоб,
Темны, светлы, тяжки, летучи,
Неся прохладу и потоп.

Хлебаю щи — они клубятся
Над мискою, как синий пар,
И, с ложки капая, дробятся,
Как звезды медные, в навар.

Хожу в раздумьях, как в одеждах,
Мне трудно в них, без них нельзя.
Я с ними злой, угрюмый, нежный
Стал
И придирчивый к друзьям.

Я не могу без них и с ними...
Вот день ступает за межу.
Встаю с раздумьями своими
И на дорогу выхожу...

1966

РАКОВИНА ЗАЛИВА ХА ЛОНГ

Медлительный и молчаливый
Рыбак поднес ее к губам,
Как белый рог, и над заливом
Запел, зарокотал Вьетнам.

Призывный звук, тревожный звук,
Летающий к небу, к солнцу, к скалам.
— Возьми ее на память, друг,
И звук возьми с собой,— сказал он.

Плясала джонка на волне,
Звенел в заплатах парус рыжий,
Ворчал прибой на пляжах ближних,
И пели птицы в душу мне.

И незнакомые деревья,
Как ливни, рокоты несли,
И били в барабан деревни,
И в слюдяных полях вдали
Вздыхали буйволы на межах
Огромные, как валуны,
И ветер белых побережий
Нес всплески бурь и тишины.

Я все увез в Россию в ней,
Закрученной на совесть круто,
Облитой жарким перламутром
Больших тропических морей.

И только к уху подниму,—
Неутихающий упрямый
Я слышу дальний гул Вьетнама
В России у себя в дому.

1967

СТИХИ О ДАЛЬНЕЙ ДОРОГЕ

Ноги пухли от полета,
Огибал я шар земной.
Ангелы аэрофлота
Наклонялись надо мной.

Предлагали мне тянучки,
Водку, ножку петуха.
В небе не было ни тучки,
Расстоянья — чепуха.

Вся земля внизу качалась,
Никаких на ней границ,
И сидел я без печали,
Глядя в небе сверху вниз.

Как господь глядел с престола
Или как Иван-дурак,
Начиная с полшестого
Утра, скинувшего мрак.

Города внизу лежали,
Реки струйками текли.
Люди там внизу сражались,
Строили, хлеба пекли.

Сочиняли триолеты
Без зазренья на друзей.
Но пустой была планета
Сверху, словно бы музей.

Глиняная, будто черный
Старый в трещинах горшок.
Ни души на ней, к прискорбью,
Сверху я узреть не мог.

Были только очертанья
Их труда за все века.
Городов и пашен в плане,
Видимом издалека.

Остальное затерялось,
Измельчалось, словно мышь,—
Что большим внизу казалось,
Сверху и не разглядишь.

Ни дворцов, ни монументов,
Только пашни и сады,
Да дорог прямые ленты,
Да плотины у воды.

Думал я, вернусь и буду
После этой высоты
Философски, словно будда,
К мелочам земной тщеты
Относиться после этой
Траектории в выси,
Охватившей полпланеты
Лайнером на небеси.

Но сосед, храпевший сбоку,
В бок толкнул меня локтем.
Ангел флота синеокий
Вдруг назвал меня отцом.

Он зевнул, взглянул со скукой,
Как в трамвае, на меня,
И поблек небесный купол,
Синий в середине дня...

1967

ПИЛОТЫ

1

За городом, у кромки леса,
Где лег на землю небосвод,
Как юный двигатель прогресса
Гремит в грома Аэрофлот.

О нем кричат и днем и ночью
Реклам цветастые щиты:
За два часа ты будешь в Сочи,
За пять достигнешь ты Читы.

А что в Чите, а что в Чите там?
Рай для души, и в нем своя
Кричит реклама на щите там,
Зовет в далекие края.

Все граждане сорвались с места,
Летят незнаемо куда.
Аэрофлот, дитя прогресса,
Для них к услугам навсегда.

С утра до самой ночи поздней
К земле бетонной и с земли
Срываются со свистом звезды,
Летят, садятся корабли.

Аэрофлот всюду хлопочет,
Грохочет — господи прости!
Снег Воркуты и пальмы Сочи
Зажаты у него в горсти.

А от него на всех широтах
По матушке-земле самой
Идут усталые пилоты,
Пешком торопятся домой.

2

Когда пилоты на аэродромах
Играют в карты или в домино,
Наш тесный мир становится огромным,
Таким, каким он был давным-давно.

Еще до появления скоростей,
Магнитофонов, субмарин, гудрона;
Еще до проштампованных страстей
И массовых психозов миллионов.

Стучат костяшки. Партия «козла».
И с каждым сокрушительным ударом
Уходят вдаль — и их скрывает мгла —
Материки всего земного шара.

Рукой подать! Рука сжимает кость.
И надо на почтовом до Парижа.
А кость уже вколочена, как гвоздь.
Прощай, Париж, тебя я не увижу.

Растет окурков дымная гора.
Воротнички распахнуты и души.
Далекая придвинулась пора,
Распался мир на хляби и на суши.

Скликайте в мире вымерших коней,
Седлайте их, впрягайте в дилижансы
И за столом у молодых парней
На выигрыш приумножайте шансы.

Ищите на толкучках паруса!..
Стучат костяшки звонко, как копыта.
Который час? А может, на часах
Века сгорают, как метеориты.

Пилоты забивают в домино.
Отменено пять тысяч совещаний.
Пять караулов спать ушли давно
В столицах стран, затерянных в тумане.

А у ребят хорошая игра,
Они вошли во вкус своей работы.
Такая в мире настает пора,
Когда играют в домино пилоты.

1967

* * *

Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близкого чего-то стал бояться.
Вдруг оказалось — у меня душа,
И с нею надо, видимо, считаться.

Она не то что вымысел какой
Пиитов девятнадцатого века, —
Душа болит! Что делать мне с душой?
Неправда! Ей что делать с человеком?

Что делать ей, мифической, со мной?
Я семьдесят четыре килограмма.
Член профсоюза. Праведник земной.
А лгу и трушу только в крайнем самом...

Но взбунтовалась бедная душа,
Та самая, что еле-еле в теле,
И двинулась, все ложное круша,
Ко мне. Она другой не знает цели.

Меня она за шиворот взяла,
Тряхнула и поставила на ноги:
«Иди, будь тверд, верши свои дела
И знай: горшки из глины лепят боги.

Ты — бог, ты добр, ты храбр, и я с тобой.
Лепи горшки. Не предавайся лени.
И принимай неотвратимый бой,
И подымай упавших с четверенек.

Бессмертна я...»
Я подчинился ей.
Она — душа.
Считаться с нею надо,
И забывать о бренности своей,
И, кроме жизни, не искать награды!..

1967

* * *

Вечернее мычание коров —
Деревни нашей древняя молитва —
Хозяек вызывает со дворов,
Ворота раскрывает и калитки.

Они идут. Им улица узка.
Бык впереди, как будто холм горбатый,
А на рогах дожди и облака
Иль чистый пламень тихого заката.

Аркадия, пастушечья страна,
По улице течет живой рекою,
Тяжелые качая вымена —
Колокола домашнего покоя.

Подойники ответно им звенят,
Петух крылом на полотенце машет,
Коричневые кринки встали в ряд,
Стол хлебом-солью, как престол, украшен.

Поет струя парного молока.
Вы слышите, как цвинькают синицы
И вспыхивают вдруг издалека,
Из детства залетевшие зарницы.

Строители дорог и городов,
Солдаты и пилоты космодромов,
Вам всем она с младенческих годов,
Как песня колыбельная, знакома,

Та песенка подойника — без слов,
И руки материнские над нею
У розовых с шерстинками сосков,
Полынью отдающих и шалфеем.

Вы слышите, строители веков,
В местах, ничем другим не знаменитых,
Вечернее мычание коров,
Деревни нашей древнюю молитву?

1967

* * *

Небо лесом огорожено,
Поле полито луной.
Чуть звенит в простор заброшенный
Звездный ковшик ледяной.

И ни шороха, ни замети —
Вот он, белый-белый свет,
Нарисованный по памяти
Через много-много лет.

Был таким, таким останется —
Лучше нет и не найти.
Может быть, пойти на станцию
И уехать. И сойти...

1967

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

А наши песни остаются,
И в пригородных поездах
Они опять вовсю поются,
Как мы их пели на фронтах

Есть на веревочке гитара,
Своя компания вокруг,
И нет на свете песни старой,
И времени замкнулся круг.

Поют ее, как мы певали,
Вдруг повзрослевшие юнцы.
Поют опять не трали-вали,
А то, что деды и отцы,

Когда им было лет по двадцать,
Когда, казалось, тишь и гладь,
А завтра надо призываться,
А послезавтра умирать.

Летит вагон заре вдогонку.
Ах, как натянута струна!
И мы стоим грустя, в сторонке.
И родина на всех одна.

1967

* * *

Были годы юны, были рыжи,
Бегали по лужам босиком.
Я из них, как из пеленок, вышел,
Вырос бородатым мужиком.

Ликовал над горсткою махорки,
Над краюшкой хлеба и костром.
Были годы трудны, люты, горьки,
Порохом продуты и огнем.

Стал я стар и, как мальчишка, ясен
И доверчив. Видно, те года
Одарили верой, и не к счастью,
И уже, как видно, навсегда.

1967

* * *

Как древний Рим во время оно,
А может быть, поверх времен
В бетонной чаше стадиона
Ревет и плачет стадион.

Молчит. Грохочет, свирепея,
Свистки вонзает в небеса.
Сто тысяч легких не жалея,
Возносит к небу голоса.

Живучий, яростнее веча,
Вздыхает он, смеется он.
Какие мысли там и речи! —
Он только чувством наделен.

1967

ОКТЯБРЬСКИЙ ПАТРУЛЬ

Земля была все той же, небо то же
Меж затененных каменных громад.
И по бедру легко стучали логи
Патрульных, обходивших Петроград.

Пальтишки настезь. Холодок осенний
Был нипочем на утренней заре.
День начинался. Первый день творенья
В семнадцатом, восьмого в ноябре.

Был город тем же. Но над ним на Зимнем
Горел, плескался, вился алый стяг
На тонком древке в небе блекло-синем,
И был патрульных скор и весел шаг.

От Смольного по каменным ступеням
Они спустились и пошли смеясь.
Из кабинета глянув вслед им, Ленин
Свет погасил. Заря в окно лилась.

И шли они счастливые, как дети,
По середине улицы втроем,
И эхо их шагов по всей планете
Уже катилось, как весенний гром.

Ломались троны, падали короны,
Горел разбитый бомбами рейхстаг.
Был Невский тих, снежком посеребренный,
И по нему патруль чеканил шаг.

Балтийский ветер дул с реки морозной,
Шагал патруль, по Невскому шагал,
И космодром, нацеленный на звезды,
Гагарину скафандры примерял.

Вниз на Гавану с гор спускался Кастро.
Меконг с сампанов вел огонь в зенит.
Шагал патруль уверенно и властно,
Зажав в багровых кулаках ремни.

Над Африкой гремели барабаны,
Знамена поднимали племена,
И сотрясались города и страны,—
Такой была на Невском тишина.

Вдали, у Александровского сада,
Проснулись птицы, плыл костра дымок,
И самый юный, с сердцем нету сладу.
Пел песенку веселую, как мог.

Земля была все той же, небо то же,—
Но он не тот. Не бог и не герой.
На внуков и детей своих похожий,
Он с песней шел, как будто брат с сестрой.

Был первый день. Еще был молод Ленин.
Немногим больше сорока пяти.
Шагал патруль, и, разгоняя тени,
Вставало солнце на его пути.

С «Путилова», а может быть, с «Айваза»,
С Обуховского, знать, наверняка,
Шагал и пел он, юный, синеглазый,
Девчонкой не целованный пока.

Я с ним сойду в одном окопе вместе —
Блокаду прорывать в сорок втором.
Он будет мой товарищ и ровесник,
Мы встанем с ним на бруствер и пойдем

Под пулями и минами как надо,
И я себя почувствую, что вдруг
В семнадцатом году по Петрограду
Иду на розовеющем ветру.

Что жив еще и молод в Смольном Ленин,
Он в синее окно глядит нам вслед.
Мы только что спустились по ступеням
И двинулись с винтовками в рассвет.

Еще на свете первый день творенья.
Горят огни на рострах. Спит вода.
Стоят в метро вагоны без движенья.
И лишь патруль идет через года.

1967

* * *

Живым поверка. Павшим слава.
Салюты гром и тишина.
Победу празднует держава,
Надев цветы и ордена.

От маршала и до солдата
Перед Победой все равны,
Как были ей равны когда-то
В день окончания войны.

На площадях и на полянах —
Повсюду царствует она
В дворцах бетонных и стеклянных,
В избе всего на три окна.

И только мальчики с портретов,
Как много лет тому назад,
Не увидавшие Победы,
Со снимков в траурных багетах
На матерей одни глядят.

Такой уж день, дела такие:
Со счастьем боль неprovорот.
Творец истории России —
Победу празднует народ.

1967

КОСТРЫ

Костры на площади Дворцовой
Плясали у разбитых рам.
Был Зимний ими атакован
И отдан настежь всем ветрам.

Как пламя среди темных статуй,
Летел над крышей алый стяг,
И в царских спальнях и палатах
Гремел красногвардейский шаг.

Перебивая запах боя,
В них плыл махорочный дымок.
Рассвет вздымался над Невою,
И целый мир заснуть не мог,

Когда отцы, достав кисеты,
Еще от боя горячи,
Среди картин, зеркал, паркета
Уже подумали в ночи,

Какую жизнь на белом свете
Они построят навсегда,
И позавидовали детям,
Взглянув в грядущие года...

Мы мерзли в топах подо Мгою,
Мы в сорок пятом, взяв Берлин,
Огни салюта над Москвою
До звездных подняли вершин.

На реках возвели плотины,
Мы встали, в космос путь торя...
Но с каждой новой годовщиной
В великий праздник Октября

Мы не скрываем восхищенья,
Завидуя отцам своим,
Их подвигу и их презреньям
В ту ночь под небом грозовым.

1967

* * *

Та глина, из которой нас лепили,
Вся заскорузла. Времени ветра
Ее лупили и огнем палили.
На ней следы мороза и костра.

Но есть на ней не то что благодати —
Запечатленный до скончанья лет,
Как родинка, среди борозд и вмятин,—
На ней цветка неразличимый след.

1967

ДВЕ КАРТИНКИ ЛЕНИНГРАДА

1

Предрассветный час утра
Полон сосредоточенья
И жемчужного свечения
Матового серебра
Окон, площадей, оград,
Дождь качающих деревьев.

Чайки над Невой парят,
Белые роняя перья.

В зеркалах промытых крыш
Небо медленно светлеет.
В узких каменных аллеях
Сумрак, неподвижность, тишь.

Город словно полотно,
Вымысел тебе на память,
Неподвижное кино
В пять утра в оконной раме.

2

Дождь над городом стучал
В маленькие барабаны.
Веселился и крепчал
Дождь, как праздник долгожданный.

Только было до него
Здесь кому какое дело.
Был не другом, не врагом
Дождь в означенных пределах.

Просто говорили — дождь,
Удостоверялись в этом.
Ну а дождь, как плеск ладош,
Весело летел по лету.

Шел, не думая о том,
Что внизу, о нем не зная,
С белым водяным зонтом
Шла машина поливная.

1967

* * *

С утра в субботу электрички
Полным-полны, как поезд в ад.
Там анекдоты, шутки, стычки
И песни новые звучат.

А я, больной и бородатый,
В последний втиснутый вагон,
Качу, соседями зажатый,
За оснеженный горизонт.

Там, словно в старых добрых сказках,
Творятся всюду чудеса.
Там мир на лыжах и салазках
Впал в детство и ушел в леса.

1968

* * *

Хотел бы я волшебным даром
Пройти через заставы лет
В Совет Народных Комиссаров —
Державы первый кабинет.

Не как любитель заседаний,
С особым чувством чтущий власть,
А как на первое свиданье
Хотел бы я туда попасть.

В Москву пылающего года,
В одну из тех Кремля палат,
Где часовыми возле входа
Ее рабочие стоят.

Из исторических просторов
Вошел бы я, незрим для глаз,
Как та уверенность, с которой
Там думают они о нас.

Там обжигающих декретов
Слова бессмертные слышны,
Как будто пишут гимн поэты,
Походный гимн для всей страны.

Ее железные наркомы —
Сыны завода и села —
В лицо потомкам лишь знакомы,
Вершат державные дела.

Распределяют соль и воблу
И, не желая временить,
Планируют, как Дон и Волгу
Каналами соединить.

Страна в разрухе и блокаде,
Четырнадцать держав кругом,
В Москве осталось хлеба на день,
И молод первый Совнарком.

Я старше сам из них любого,
Я знаю, как пойдет их жизнь...
Но я хотел бы там любовью,
Теплом и верой запастись.

1968

В КВАРТИРЕ ЛЕНИНА

Четырехногий, плоскостопый,
Квадратный, спрятавший углы,
Стол неопровержим, как опыт,
Как столп. Есть разные столы.

К одним садятся, придвигаясь,
Как будто к краю пирога,
Себе локтями помогая,
К другим — как к черту на рога.

Стол может буйством обернуться
Или лирической строкой.
Над ним склоняются и гнутся
И заслоняются рукой...

Нет проще и святее — с хлебом
Стола из всех...
Я был бы прав,
Когда б не видел стол — как небо,
Звнящее от звезд да трав.

Какой он, я и не заметил.
Увидел я, не что на нем,
Не на столе — на белом свете
Вершилось, зрело, жгло огнем.

На нем развертывалась буря
В масштабной сетке без прикрас.
И глаз глядел, знакомо щурясь
Над нею, глаз — как ватерпас.

Чтоб завтра, через год, в столетьях
Отпало, врезалось, легло,
Раскрылось не в отцах, так в детях —
Величественно и светло.

1968

* * *

Я вижу Ленина портреты:
Вот говорит с трибуны он,
А вот над полосой газеты
Один в раздумье погружен.

Но чем все дальше время мчится,
С собою унося года,
Все чаще вглядываюсь в лица
Тех, кто с ним рядом был тогда.

На площади в толпе бурливой
Рукою машет он кому
И улыбается, счастливый, —
Наверно, другу своему.

Во всех решительных сраженьях,
В года свершений и тревог
Был не один товарищ Ленин.
Что он один бы сделать мог?

Еще в симбирской снежной дали,
Считая долгой ссылки дни,
Своим товарищем назвали
Впервые Ленина они.

На них рассчитывая твердо,
Он начинал за правду бой.
Была у Ленина когорта
Сынов России огневой.

Наркомы — им едва за тридцать,
Без орденов и седины —
Ушли.
Но ими те страницы
Истории освещены.

На времени святом и грозном
Не чемпионов и ракет —
Буденовок их красноезвездных
И душ бессмертных плещет свет.

/

Недаром до сих пор, не даром
В движение армии труда
На всех материках пожаром
Вдруг вспыхивают их года.

А Ленин знал их поименно
И счастлив был среди тревог,
В своих товарищей влюбленный,
Тем, что он не был одинок.

1968

* * *

Я много слышу о народе:
Народ могуч, велик народ.
То он умен и благороден,
То он чего-то не поймет.

«Народу этого не надо,
Народ пока что не дорос...»
А он воздвиг атомограды
И головой коснулся звезд.

К его ногам короны пали,
И в звездный час свой, в грозный год
Он нам открыл такие дали,
Что кругом голова идет.

Должно быть, он великий гений,
Но даже гениев народ —
Мой Пушкин, мой Толстой, мой Ленин —
Как сыновей в веках зовет.

И все ж летит из ближней дали,
Под скрип истории колес,
Звон двух сторон одной медали:
«Народ пока что не дорос».

Трещит башка от размышлений,
Так что же все-таки народ?
Кто он, младенец или гений,
Гигант или наоборот?

А он иной заботой занят,
Давно, решительно, всерьез,
И в Казахстане, и в Рязани,
И где-то там уже, у звезд.

1968

ПАМЯТИ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРЫ

Че Гевара уходит в горы,
Возвращается в мир Гевара.
Так крестьянин бросает город —
Потянуло к пенатам старым.

Ничего не надо Геваре —
Ни портретов, ни кадиллака.
Он Гаване улыбку дарит
И уходит в свою атаку.

Десять раз его похоронят,
Десять раз его позабудут.
Будет взрывом он и погоней,
Только смерти его не будет.

Он ушел к рыбакам соленым
И к видавшим виды солдатам.
И сегодня среди девчонок
Он пирует запанибрата.

Во главе миллионных армий
Он поднимется только завтра.
Че Гевара ушел не даром
К тем, кто рубит тростник на сафре,

К тем, кто водит машины с ветром,
К остроусловам — лихим шоферам.
Где-то есть на земле бессмертье —
Че Гевара уходит в горы...

1968

* * *

Красный бархат и алый шелк.
На траве преклонил колени
Тридцать третий гвардейский полк,
А на знамени в небе — Ленин.

Где-то там, в полковом строю,
Лейтенант в свои девятнадцать,
На одном колене стою
Со словами клятвы солдатской.

Шлем кирзовый в руке зажат,
Говорю слова беззаветно
Четверть века тому назад,
А как будто вчера все это.

Небо рвется над головой
В черных всплесках осенней сны.
А завтра уходим в бой,
В бой за Ленина и Россию.

Горьким дымом плещут ветра,
Пахнут кровью, газойлем, толом.
Все как будто было вчера,
Только я уж давно не молод.

Почему же не раз, не два
Вспоминаются неизменно
Небо грозное и трава
Та, железная, под коленом?

Вспоминаются не в бою,—
Где-то в залах и кабинетах,
И в далеком чужом краю,
На краю почти бела света.

Видно, память крепка у нас
Или просто дело не в датах,—
Присягают солдаты раз,
Только раз присягают солдаты.

1968

* * *

Опять на старую гляжу
На фотокарточку оттуда,
Где жизнь моя в огне, как чудо,
Шла по стальному рубежу.

Чему он радуется там,
Юнец, мальчишка в гимнастерке:
Бомбежке, на снегу кострам,
Щепотке рубленой махорки?

Он, улыбаясь, на меня
Глядит из взорванного мира,
В планшете кирпичном храня
Настроенную музыкой лиру.

Чему он радуется там?
Снаряд шальной, завыв, ударит,
И он не пискнет, как комарик,
А полк уйдет к иным огням.

Гомер гвардейского полка,
Ни жизни, ни любви не зная,
Он может все наверняка,
О чем я не предполагаю.

Возьмет немойтой пятерней
В горсть переливчатые струны —
И я пред ним замру немой,
Завистливо, как мальчик юный.

Ракета над полком взойдет,—
Он эту лиру к черту кинет,
И рейх к его ногам падет
В дыму в поверженном Берлине.

Танкист гвардейского полка,
Мальчишка, искра грозной бури,
На что он там издалека
Глаза улыбчивые щурит?..

1968

* * *

Что знаю я о мире и войне?
Да ничего.
Как в травах льются росы.
Как бьет свинец по танковой броне...
А что еще?
Ты задавай вопросы.

Философ лоб наморщит, как Сократ.
Политик соловьем залется в пенье.
Ты уши раскрывай. Он только рад.
Он полон весь глобальных обобщений.

Я знаю лишь подробности одни.
Я ими обожжен и зачарован.
Ты их забудь. Но все же сохрани,
Как найденную некогда подкову.

Когда-нибудь и зазвенит она.
И ты рукой коснешься строчки ржавой.
Есть мир на свете.
Но была война.
И кровью и железом пахнут травы...

1968

* * *

Мы, дети природы, забыли природу.
Она нам не враг и не друг.
На лоне ее не бываем по году.
А годы — костры на ветру.

Ревут города нам в притихшие души
Неоном, бетоном, стеклом.
Ракетные скорости кровь нашу сушат,
И мы забываем о том,

Что где-то на сине-зеленой опушке
Стоят неподвижно дубы.
Там дрема ромашки, там слезы кукушки
И вздох журавлиной трубы.

Там ивовый пруттик, как радуга, гнется
С цветной стрекозой на спине.
И кольца судьбы в деревянном колодце
Негромко звенят в глубине.

Там пахнет полынью медово и горько
От пыльной и теплой земли.
И солнце встает за ближайшим пригорком,
А не в космодромной дали.

Там вечностью веет от крыл комариных,
От ветра мгновенного смол,
От шлепанья на землю спелой малины
И тихого рвения пчел.

1968

* * *

Хотел бы прямо, без обиняков.
А как сказать, чтоб ты в меня поверил?
Я роюсь в груди обветшалых слов
И целой жизнью меряю потерю.

С углями перемешано, с золой
Оно, как несгоревшая железка,
Омыто кровью, потом и землей,
От ржавчины очищено до блеска.

Я жил и мыслил, подтвердит оно,
Скрепляя расступившиеся звенья
Годов нелегких, минувших давно,
И новых дней упрямое рожденье.

А ты однажды распахнешь окно —
Ворвется ветер с дымом и озоном,
И ты со мною будешь заодно
Дышать им так же, как во время оно
И я дышал.

Шли грозы по реке,
От жажды выгорали побережья,
И чье-то сердце падало в тоске,
И подымалось все-таки в надежде...

1968

БАЛЛАДА О ПАРЛАМЕНТЕРЕ

Армиями оставленный,
Веря в добро и чудо,
Стоит капитан Остапенко
Один на дороге в Буду.
Друзья его позабыли,
Жизнь его стала былью.
Белой походной пылью
Годы его покрыли.

А за Дунаем синим
С почтою голубиной,
С молниями соборов —
Сахарно-белый город.
Красные трубы Пешта,
Арки мостов чугунных.
Стоит капитан безгрешный —
Русоволосый, юный.

Ревут в сорок пятом танки,
Пламя над всем Дунаем,
А капитан, как ангел,
Городу мир предлагает —
В стираной гимнастерке,
Один, даже без нагана,
Восемь дивизий Хорти
Целятся в грудь капитана.

Годы, праздники, будни
Плывут себе по Дунаю.
Пляшут мальчишки в Буде,
И он им мир предлагает.
Мир секретарше мэра

В руке с угольком помады,
Пенсионерам в скверах,
Памятникам и оградам.

Где-то на дальних реках
Снова бушует пламя...
Мир предлагая веку,
В камень врос сапогами —
Армиями оставленный, —
С верой в добро и чудо
Стоит капитан Остапенко
Один на дороге в Буду.

1968

* * *

В заздравной дате государства,
Отмеченной календарем,
Еще дымится снег январский,
Кинжальным вспоротый огнем;
Еще цветет над Ленинградом
Салют, качается в глазах,
Во имя снятия блокады,
На улицах и площадях.

Не все, что было, бронзой стало
И медью литер прописных,
Хотя уже, как зубров, мало
Участников боев живых
И тех блокадников, которым
За девятьсот ночей и дней
С тех пор обязан жизнью город
И ратной славой своей.

Все то, что было, — с ними рядом:
Им кажется, еще вчера
На Невском падали снаряды,
Звенели в небе «мессера»,
В снегу по пояс шла пехота,
Жизнь хлебным мерилась пайком, —
Но им не то что нет охоты
Сегодня вспоминать о том,
А нечего добавить словом
К молчанью павших дорогих,
Где снег, не ведая о славе,
Летит из года в год на них...

В соседях ближних, в землях дальних
Сильнее слов любых гремит
Молчанье мемориальных
Гранитных пискаревских плит.

1968

* * *

Костры горели на снегу...
Мы их сооружали быстро —
Ведро газойля из канистры,
И, как деревья, шли танкисты
Погреться, покурить в кругу;
Друг друга подперев плечами,
Никто не заводил бесед, —
У каждого свое молчанье,
Свои слова, свой в лицах свет.

Костры горели на снегу...
Настало время мне признаться:
Ни мужество, ни долг солдатский,
С тех пор забыть я не могу —
На черном фронтовом снегу
Круг человеческого братства.

1968

* * *

Самые отважные солдаты
Были те, что не пришли домой,
В день Победы, в мае, в сорок пятом,
Став навеки Родиной самой.

Как редело наше поколение —
Звездам в небе гаснувшим сродни —
Знают только русские селенья,
Города да матери одни.

Как в жару в степи мелеют реки
И сады сгорают в тишине,
Лучшие друзья у нас навеки
В юности остались, на войне.

Не хотим мы выйти в генералы,
Меньше нас на этом, чем на том.
Время что-то с нами потеряло,
Что не смог бы, кроме нас, никто.

...Молча спят под бронзовую сенью
Памятников в скверах городских
Циолковский наш и наш Есенин,
Не раскрывши замыслов своих.

А года без них всё длятся, длятся.
Ах, как в мире холодно без них!
Цепь порвалась. Павшим не подняться,
Чтобы на земле согреть живых.

Только плещет пламя над гранитом.
Нерушима кладбищ тишина.
Кто забыт — не знаем. Что забыто?
Ничего не скажут имена...

1968

* * *

Какое лето шло по всей стране,
Все в ливнях зноя, тишины и света,
Когда война, готовая к войне,
Ждала сигнала!..
Ах, какое лето!

Хлеба стояли на полях стеной,
Шли к морю поезда с отпускниками.
За город собирались в выходной
Компаниями, школами, цехами.

А в Греции и в Африке бои.
А в Бресте у старинных казематов
Грохочут на закате соловьи
И спать ложатся с песнями солдаты.

Нам с той поры не позабыть вовек
Той тишины, спустившейся на травы,
На рощи и на русла синих рек,
На города и веси всей державы.
.

Не шутки шутим, на земле живем,
Ее железом били, кровью мыли.
И даже в день, когда замолкнул гром,
Мы этой тишины не позабыли.

Мы не забыли сорок первый год.
Да, мы солдаты, с той поры солдаты.
...Какое лето по земле идет,
В хлебах и травах, пахнущее мятой!..

1968

ИСТОРИЯ

История. Скрипя пером гусиным,
Не небеса, так тишь благодаря,
Как лунь, над ней склонялся некий инок,
Ее в тиши кириллицей творя.

Все будет так, как он ее напишет,
Деяния царя Руси всея,
А под полом скребутся где-то мыши,
Скорбит душа, хоть в пятках, да своя.

И может, только в строчке или в слове,
Средь подвигов, свершений и щедрот,
Она нальется в черных буквах кровью
И солью пота издали блеснет.

История. О давнем, незабвенном.
Трещит от споров некий храм наук.
Но вот она, как молния, мгновенно
Сверкнет, идущий день осветит вдруг

И ход времен движенье обретает
Как бы непостижимо для ума,
И истина горит, и воск не тает
И говорит история сама.

1969

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Что происходит в этом мире?
Гремит, скрежещет и трещит
Мир, пойманный в ночном эфире
И нами поднятый на щит.

Сшибаются походных раций
И мощных станций голоса.
Поди попробуй разобраться
Во всем как есть за полчаса,
Что в этом мире! Ты им пойман,
Прикован к грохоту земли.

А на реке в туманной пойме
Трубят негромко журавли.

Неслышно рыбы бьют хвостами
Луну на глади сонных вод.
А на бугре, за тополями,
Беззвучно в трубку рожь идет.

Кузнечики чеканят росы,
Петух пропел и смолк в селе...
Ответь попробуй на вопросы,
Что происходит на земле.

1969

ДВЕ ПРИТЧИ

1

Заведи себе врага,
Чтобы жить на всю железку
Весело, рисково, резко,
В солнце, в дождик и в снега.

Враг да будет не дурак,
Умный, злой и беззаветный.
Каждый твой неверный шаг
Видит он и бьет за это.

Собран будь. Себя бойцом
Ощущай не понарошку.
Лучше водку пить с врагом,
Чем с глупцом копать картошку.

Заведи,
Чтоб знать с утра —
Враг не спит. Пора за дело.
День поднялся, как гора,
Бед полно на свете белом.

Поднимайся и иди,
Не ссылаясь на усталость.
Враг недаром бьет отсталых,
И врага ты заведи.

Ну, а я не завожу.
Я живу, а не играю.
У меня врагов хватает.
Если надо — одолжу!

Не имей сто рублей!..
Слава богу, не имеем.
Словно снега в Дагомее,
В дымной сутолоке дней
Не имеем ста рублей.

Рано утром бьют звонки.
Двери настежь. Ставим чайник.
Заходите, мужики,
Где вас черти укачали?

Если нам бы сто рублей,
Мы бы вас опохмелили...
День встает в красе и силе
Городов, лесов, полей.

Рыжий, взорванный ветрами,
Весь ломясь от новостей,
День с друзьями, как с дарами...
Не имей сто рублей!..

1969

* * *

Человеку очень много надо.
Он не зверь, не птица, не комар.
Но не меда и не шоколада,
И не обуви пятнадцать пар.

Почему бы это, отчего бы?
Он умен, как дьявол, и хитер.
Отдавал и шоколад и обувь.
Плаху выбирал он и костер.

Он да свет. На глиняной планете
Больше ничего, пожалуй, нет.
Хочет очень многого на свете
Человек уже две тыщи лет.

Он один да святотатства пламень
Освещают путь в кромешной мгле
Над материками и веками
На его единственной земле.

1969

* * *

О, беспокойство вечное умов!
Закваска века.
Молодость вселенной.
Оно срывает крыши у домов
И разрушает каменные стены.

Никто его не может предсказать
Или загнать в бутылку, словно джина.
Вот начал мальчуган соображать,
Мыслишки бродят в голове невинной,
Расчеты на тетрадном листке
И формула — и представление света.

Все, оказалось, было на песке
И рухнуло — и нет авторитетов,
Как будто бы в кино или в раю, —
Держи карман, как говорится, шире.
Я сам не верю в сказочку свою,
Но все ж брожение происходит в мире.

И на дрожжах его восходит день.
Идет умов гигантская работа,
Великое сражение идей.
Мир озаряют светом капли пота.

1969

* * *

В моей деревянной России
Орут петухи да ветра,
Да с дудочкой дядя Василий,
Как леший, сидит у костра.

Один с этим небом безгрешным,
Один с этой чащей лесной,
Да с дудочкой этой потешной,
Жалейкой — смешной стариной.

Жалееет печально жалейка
Широкое поле и луг.
Знать, жизнь для нее — не копейка,
А горя и радостей круг,

Который как будто кропилом,
Слепящим на тысячу лет,
Ни много ни мало — светилом
Очерчен самим на земле.

Костра языкатые всплески
То гаснут, то снова встают.
В них пламя Смоленска и Бреста
И мая лазурный салют.

Чужие края и столицы
Как будто в рассказанном сне.
А больше все рожь да пшеница
Встают и струятся в огне.

А больше дожди да метели,
Дороги с темна до темна,
Да тени в избе-колыбели,
Да пот — тяжелее зерна.

Где пламя, где жизнь — не отринешь.
Над тихой излучкой речной
Без жалости и без гордыни
Костер догорает ночной.

Играет жалейка. А рядом,
На темном лугу, в ивняках,
Звенит колокольцами стадо
И мчится куда-то река...

1969

УХА

Как строится рыбацкая уха —
То хлебово времен палеолита,
Которое в легендах и стихах
Воспето и доныне знаменито?

В янтарных звездах благовест с дымком —
Уха тройная. Край обетованный.
Там ходят рыбы в реках косяком
И люди погружаются в нирвану.

Скрестили ноги, вперили глаза,
И нет огромных городов на свете,
Парламентов, газет, ракет, казарм
И даже тещ двадцатого столетья.

Реки рассветной одинокий плес
Или лесное озеро возьмите.
Щепоть зари и танец двух стрекоз
Над поплавком азарта и открытий.

Возьмите неба синего полней
С застывшими, как иней, облаками,
С курлыканьем в болоте журавлей
За рыжими от солнца тростниками.

Кувшинки вздох белее снега гор,
Свист иволги веселый и печальный,
И тишины торжественный собор,
Над всем вокруг встающий вертикально.

Потом костер, в ведро воды улов,
Картошки штук пяток, головку лука.
Уха клокочет, и не надо слов,
Берите ложку. Вот и вся наука.

1969

* * *

Бушует в душном городе жара,
Асфальт размяк, как под дождями глина.
Застряли где-то тучи и ветра,
Струится солнце в три ручья по спинам.

А на углу, как митинг в грозный час,
Собрав народ в стремлении едином,
В железной бочке на колесах квас
В день врезался, как древняя былина.

Он спорит с солнцем, с городом, с жарой,
Он обещает и дает спасенье.
Вы только станьте в очередь, как в строй,
Возьмите кружку, приготовьте деньги.

За три копейки, цвета янтаря,
В стекле туманном плещется прохлада.
От старца до мальчишки-пузыря
Полезна всем и всякому отраднa.

В ней дух земли, познавшей обмолот,
В ней сила предков, основавших веси
И города и храмы от щедрот,
А квас — ее посол и провозвестник.

Бренчу монетой. В очередь встаю.
Изнемогая, к бочке подвигаюсь
И подставляю кружку под струю,
Губами края потного касаюсь.

Пьют квас. Его потомки будут пить
И вспоминать, что в землях дедич, отчич
Богатыри имели место быть,
Богатыри они, уж это точно.

Что жили мы под солнышком не зря,
С войной боролись, штурмовали звезды,
Как дети, всюду строили моря
И пили квас из бочки на колесах...

1969

* * *

Поезд пригородной зоны
В лес поехал, как этаж
Новостройки освещенной.
Снег летит на лес и пляж.

Никого на дачах нету,
Тишина звенит в ушах.
Эта белая планета
В двух от города шагах.

В трех от грохота минутах.
Ничего не узнаю —
Все белым-бело, как будто
Я у света на краю.

Замело сыпучим снегом,
Ветром дунув, унесло
Все, что здесь под синим небом
Летом пело и цвело,

Радиолами гремело
У веселых теремов.
Снег летит спокойный, белый,
Как забвение само.

Вот оно какого цвета!
Край какой? Который век?
Ничего на свете нету,
Только белый, белый снег.

1969

* * *

А с вами не бывает так?..
По вечерам, перед закатом,
Ты застываешь просто так,
Не грустью — мыслью вдруг объятый.

Здесь край земли. Вот край зари,
Рукою можно дотянуться,
Как сигарету прикурить,
Как шаг шагнуть — и не вернуться.

Лес да заря. А за спиной
Все, что словами не опишешь, —
Дорог тяжелый гром земной
И городов несчастных крыши.

Все позади. А здесь вот край.
Край неба, леса край и поля.
Оглядывайся. Выбирай.
Но ничего не будет боле
Новей того, что позади.

А хочешь, все начни сначала,
Пока не встанет впереди
Край неба алый...

1969

* * *

И я когда-нибудь, однажды,
Вдруг уподобясь кораблю,
Земли космическую жажду,
Как из стакана, утолю.

Уйдут серебряные рощи,
Дороги, реки, города.
Как на стекле морозном росчерк,
Мой след истает без следа.

Открыта сторона любая
Сиянью жесткому огней,
Земля печально-голубая,
И небо черное над ней.

Края безмолвия и мрака,
И только слышно в вышине,
Как лает на земле собака
Далеко где-то при луне.

И дождь стучит по ржавым листьям
Цветов железных, словно гвоздь,
Там, где солдатским обелиском
Белеет в мгле земная ось.

1969

* * *

Леониду Мартынову

Говорил мне старый поэт,
Что он едет туда на лето,
Где ледник свой оставил след
И теперь давно его нету.

Есть там тихий лесной сельсовет,
Валуны на полях валяются;
Что там есть и чего там нет,
То найти он там попытается.

Должен там остаться след
Наших предков эпохи каменной.
Не горшки, не землянки. Нет!
След души их живой и пламенной.

Говорил это старый поэт,
Говорил и хитро поглядывал,
Что скажу я ему в ответ
И пойму ли это как надобно.

Я представил себе сельсовет,
Тихий, временем позабытый,
И как ищет старый поэт
След искусства палеолита.

Петухи в деревне кричат,
Валуны от росы намокли.
Вот идет он, палкой стуча,
По полям с голубым биноклем.

Слышен мамонтов грустный рык,
Горы льда в небесах, как кровля.
Наступает на мир ледник,
Гасит пламя костров в становье.

Но упрямо на валуне
Углем, глиной красной на плитах
Спорит с временем при луне
Человек из палеолита.

В бороде его тает лед,
С голодухи гнутся колени,
Но рубилом он создает
Образ девы и образ оленя.

Стаи птиц несутся на юг,
Как сухие листья по свету,
И резец кремневый из рук
Человек отдает поэту.

В небе белый ракетный след
Над лесным сельсоветом новым,
И стоит там старый поэт,
А в ладони резец кремневый...

1969

* * *

Милый север, край лесной,
Над тобою, не сгорая,
Зори красные стеной
Без конца стоят, играя,
Опоясав круг земной.

Круг любви, тревог, забот,
Вспоминаний и мечтаний,
Белых, синих, юных вод,
Далей, праздников, высот,
Расставаний и свиданий...

1969

* * *

Весенняя трава права,—
Она встает над прошлогодней
Травой без тени торжества,
Но только выше и свободней.

Над ней восходит ток жары,
В звон колокольчиков чуть слышный,
И одуванчиков шары,
Как облачка, стоят недвижно.

Она глядит во все глаза
Раскрытых незабудок синих
В распахнутые небеса,
Купая корни в рыжей глине.

И им, и ей настанет срок,
Но в солнце дня и утра стыни
Ее не тяготит урок
И не страшит небес пустыня.

1969

* * *

Ходят по свету страсти-мордасти,
По знакомству заходят в дом,
Говорят незнакомым: — Здравствуйте! —
И усаживаются за столом.

Говорят они: — Вы слышали?
Вы подумайте! — говорят.
Ходят страсти, как со стихами,
Ходят сами себя даря.

Только люди на эти страсти —
Ноль вниманья, презренья фунт.
Столько пропасти и напасти
Повидали они, что страсти
Для людей пустое фу-фу.

Люди пьют чай, балагурят,
Друга хлопают по плечам,
Строят куры и шуры-муры
И спокойно спят по ночам.

Людям нравятся шуры-муры,
На мордасти им наплевать.
Просто люди давно не хмуры,
Стали губы у них не дуры,
И на пушку людей не взять!

1969

* * *

Не хочу я участвовать в той кутерьме,
В той, где каждый себе на уме.

Не хочу я выслушивать новости те,
Что сорока несет на хвосте.

Возвращаюсь душой в те святые года,
В те, где «нет» было «нет», и где «да» было «да».

1969

* * *

...Не тяготит застольный разговор,
Щекочет нервы праздная беседа.
В ней мы, как боги, гордо смотрим с гор
На все, что там, внизу, в долине бреда.

Теперь легко историю трясти,
Тасуя годы, словно карт колоду,
И мелочь фактов встряхивать в горсти,
Глядеться в них, как будто смотрят в воду.

1969

* * *

Россия есть у каждого своя:
Свои леса в ней и свои поляны,
Свои враги в ней и свои друзья,
Свои у всех на будущее планы.

Но черный хлеб ее — у всех один,
Насущный хлеб, что Правдою зовется.
Не все им сыты. Только все едим.
Его хватает нам и остается.

1970

* * *

Есть день. Он дан мне словно край.
Я в нем хозяин, пахарь, мастер.
Потерянный и обретенный рай —
Все в нем, и нет иного счастья.

Светила пламенного лик,
Высоких трав благоуханье.
Что мудрость всех великих книг
Перед страницей мирозданья?..

1970

* * *

На улицах Праги старинной,
У сосен стеклянного Лахти
Я время просил — отвори мне,
Его заклинал я — оставьте!

Но жил во мне, всюду вставая,
Глядя со своей колокольни,
От Чехии и до Китая
Мой опыт с упрямством и болью.

И в ливнях стекла и бетона,
И в замках замшелых прекрасно,
Повсюду я был Робинзоном,
Но не соглядатаем праздным.

1970

* * *

Остается небольшая малость:
Жизнь дожить без лишней суеты,—
Так, как в дни, когда она касалась
Ежечасно бешеной черты
И могла сгореть в одно мгновенье,
Может, тыщу раз на каждом dniu...
Не пугаться, не искать спасенья,
Не питать надежду на броню.

1970

* * *

Нас нет на свете. Мы трава и лес,
Свист пеночки и звон лозы в кювете,
Волны речной мгновенный вольный плеск
И бьющий в лица на дорогах ветер.

Нас вырубил металл, огонь спалил,
Четыре года, вечности четыре,
В пыль разносил грохочущий тротил,
И нас давно уж нет в подлунном мире.

За нас живут и любят, всё за нас:
Внимают слову, произносят речи,
И ловят дождь в ладони в ранний час,
И женщин будят молча на рассвете...

1970

* * *

Ничему не научился,
А прошел войну, года,
Белый свет когда мутился,
Словно в трещинах слюда.

Дальше были повороты,
Открывался день, как век..
Говорят, что для полета
Создан небом человек.

У друзей менялись лица,
Ходуном ходила спесь,—
Мог бы и перемениться,
Но иду такой, как есть,

Ни о чем не сожалею,
А ведь мог бы — сожалеть,
Стать умнее, жестче, злее,
Высоко наверх взлететь.

А куда лететь, куда там?!
Мир, не сказку о добре,
Подарили мне, солдату,
В сорок пятом на заре.

Мир — такой, могло какого
Очень запросто не быть.
За него сгорел под Псковом
Полк, меня учивший жить.

1970

* * *

Во мне по ночам просыпается страх —
Брюхатый, жилистый, черный как деготь,
В сутане, сжигающий мир на кострах,
В погонах и кителе: «Ты против бога?»

И блещет в руке у него пистолет,
А может, мушкет, а быть может, секира,
Но я-то давно уже знаю, что нет,
Нет бога, хотя мне и днем не до жиру.

А быть бы, как сказано, живу и днем.
А страх, он понятен, и я не фанатик.
Так с богом ли, с чертом ли, днем ли с огнем,
Во имя спасения, может, поладим?

А может быть, сам он боится меня,
Что мы не поладим? И вот из пещеры,
Поднявшись на лапы, в сиянии дня
Идет он, глазищи уставив, как жерла.

Он чувствует, видно, что я человек.
А я по ночам еще все забываю,
Что мною был начат, как песня, мой век,
Когда я поднялся, людей созывая,

Таких же, как сам я, всех стран и всех рас,
Что, солнце схватив, я поднял на ладони,
И звезды на шлемах в сиянии глаз
Несли на полсвета в дыму мои кони.

1970

* * *

Бывает — белый свет
покажется с овчинку,
Сойдется клином свет:
куда ни кинь — все клин.
Мир тесен, говорят,
но не для лет и весен, —
Мир тесен для врагов —
огромен для друзей.
Кричим: «Здорово, брат!» —
и глину мира месим,
И ждем без лишних слов
вестей и новостей.

1970

* * *

Живем на свете, как радары,
И, в одиночестве своем,
Ждем неизвестные удары
И сами вдаль удары шлем.

Ждем счастья, вздрагиваем чутко,
Спешим на службу, кофе пьем,
С друзьями шутим и как будто
В заботах ничего не ждем.

Нас лишь вселенная волнует,
События в масштабах стран,
И не грустим, и не ревнуем,
Исправно выполняем план.

Но поворот плеча случайный,
Чуть вздрогнувший далекий взгляд,
И день встает высокой тайной
И цепью далей и преград.

Привычный ход времен нарушен,
Лишь этот миг ждала она —
Душа. Спасите наши души!
Повсюду душ идет война.

В ней день вчерашний встанет странен
И непонятен новый день.
И вспомнишь: сам кого-то ранил,
Случайно, походя задел.

1970

* * *

Мир, что остался позади, пожалуй,
Весь можно обозреть и без труда,
А что там, за последним перевалом,
Что впереди, — не скажешь никогда.

Какие там тревоги и затишья,
Беда и радость, други и враги, —
Прислушаешься — ничего не слышно,
Вглядишься — тоже не видать ни зги.

Где там твоя последняя отметка?..
И может, хорошо, что это так:
Идешь туда один и не в разведку,
А навсегда, и твой он, каждый шаг.

1970

ЛАСТОЧКА В МАХАЧКАЛА

Ласточка в Махачкала,
В здании аэродрома,
Средь стекла, бетона, грома
Для птенцов гнездо вила.

В зал влетала, как стрела,
В клюве приносила глину
И гнездо вила, вила
Со сноровкою старинной.

Строила под потолком,
Над людьми, над их заботой
Для птенцов надежный дом —
Делала свою работу.

Зря турбинами рычал
Реактивный век двадцатый:
В нем не гаснул, как свеча,
Этот огонек крылатый.

В царстве стали и стекла
Глины расцветал комочек,
Жил —
Его лепила прочно
Ласточка в Махачкала.

1970

* * *

О, русская земля, ты уже за холмами еси!

«Слово о полку Игореве»

Всю ночь за лесом где-то шла гроза,
И мне казалось, что на белом свете
Я молод вновь, как высказать нельзя,
И сплю на фронте в эшелоне третьем.

Возле дороги в травах и лозе,
Раскинув руки, ниц упав неловко,
Я сплю один, похоронив друзей;
Полк отвели на переформировку.

Горят на горизонте города,
Кричат дороги, пыль белей известки,
А мне не будет в жизни никогда
Спокойней, чем на этом перекрестке.

Как будто в древней песне — позади
Уже Россия за холмами где-то,
И на плече моем, присев, сидит,
Как на холме, птенец, теплом согретый.

Меня не будит ни орудий рев,
Ни марш пехоты, проходящей мимо.
Высокий день встает из-за холмов,
И солнце раздвигает клубы дыма
Из-за холмов, из-за моей спины,
Покрытой солью белой гимнастерки.
Кончается четвертый год войны,
И где-то дребезжат окошка створки.

А это все за лесом шла гроза,
Гром полыхал, и падали зарницы.
Слезами застилали мне глаза
Друзей погибших молодые лица.

Была душа тревогою полна,
Забытые сильнее болели раны,
И вспыхивала белая стена,
Печатавшая перекрестье рамы.

На горизонте вновь стоял пожар,
Крича летели вспугнутые птицы,
А я один, я без оружия, стар,
И даже пальцем не пошевелиться...

1970

* * *

Мы говорим, задумываясь редко,
Что время беспощадное течет.
Как на войне, — с кем бы пошел в разведку? —
А думать надо: кто с тобой пойдет?

Да, так и было. Встанешь с автоматом,
Кисет за пазуху — и на народ.
И говорилось: — Кто со мной, ребята? —
И добавлялось: — Два шага вперед!..

Все меньше, меньше остается рядом
Товарищей хороших и друзей
Не потому, что падают снаряды
Давно на территории твоей.

Скорей всего, что ты не тот, который
Когда-то был, и в этом вся беда.
Металл заржавел, порастрачен порох,
И незачем ссылаться на года.

Крутые горки укатали сивку, —
Не поговорка, мука — поделом.
Ах, не в разведку, в юность на побывку,
И запастись бы верой и теплом.

Тогда бы можно и не хитровато:
— С кем я пошел бы? — молвить в свой черед.
А очень просто: — Кто со мной, ребята? —
И помолчать. И два шага вперед!..

1970

* * *

Стоят в европейских державах неблизких
И рядом с Россией, на Висле и Влтаве,
С армейскою алой звездой обелиски,
Которые год сорок пятый оставил.

Ах, год сорок пятый, великий и святой!
От щедрого сердца, не требуя платы,
Свободу и счастье дарили солдаты,
А сами ложились под холмик горбатый.

А годы меняет земля, как обновы,
А время все мирное длится с рассвета.
Четыреста лет не бывало такого
Периода мира в Европе, как этот.

Четыреста лет не бывало ни неба,
Ни солнца такого на Влтаве и Висле.
И белыми сделались ленточки крепа,
И темными стали с звездой обелиски.

Гремит на бетонных дорогах музыка,
Неонные зори сияют влюбленным,
На зимних курортах смешенье языков,
Под флагами наций режут стадионы.

Все правильно!
Так и хотелось тогда
Идущим до Шпреи, до Вислы, до Влтавы,
Чтоб мир нерушимый сошел на державы,
Где шли они, с боем беря города.

Такого они сокрушили врага,
Такую победу их сталь утвердила,
Что ими оплачены даже снега,
Которые их покрывают могилы!..

1970

* * *

Конь плакал. Падала звезда.
Летели птицы в глубь заката.
И шли неведомо куда
Себя забывшие солдаты.

Мир стал похож на водоем.
В нем, словно водоросли, мысли
Струились неживым огнем
И тучами печально висли.

Но где-то все-таки была
Граница воздуха и света,
Тончайшая, как гладь стекла,
День накрывающая этот.

Еще рывок, еще бросок,
И можно будет, можно будет
Пробить его наискосок
И, вынырнув, вздохнуть всей грудью.

1970

* * *

«Долго ли муки сея, протопоп, будет?»
«Марковна, до самыя до смерти!»
«...Ино еще побредем».

Житие протопопа Аввакума

Ах, этот протопоп опальный,
Фанатик, еретик, крикун,
Известный на Руси скандально,—
Ну да, конечно, Аввакум!

Чего достиг он обличеньем
И потрясением основ,
Путем бессмысленных речений
При помощи никчемных слов?

И нищ и наг, гоним по свету,
Взывая к совести,— ну в ком
Он пробудил ее при этом,
У тех, кто был его врагом?

И кто раскаивался в мерзкой
Лжи? Ну хотя б на краткий миг,
Когда он в яме в Пустозерске
Костью костил земных владык.

И нет иных, и те далече,
Но что бы стало, если б вдруг
Они его прониклись речью
И все покаялись вокруг?

Случись такое, словно в сказке,
В какой лишь правда и права,
Давно пропали б без огласки,
Как без нужды его слова.

А так из уст в уста и книги
Все будут, ложь пока жива,
Грохочущие, как вериги,
Звучать скандальные слова.

И даже эти с тихой болью,
Но несравнимые ни с чем:
— Терпеть мучения доколе?
— И — ино побредем еще...

1970

НА СЕВЕРЕ

Какие ветры ходом здесь прошли,
Срывая кровли и круша каменья!..
Алели долго на груди земли
Одни остатки кладок, как раненья.

Леса редели. Заросли росли
Кустарника в полях — где ни попало.
Сыны взошли в иных краях, вдали,
Как семена, что ветром разметало.

А здесь — болото, глина да подзол,
Да лишь о предках праведная память.
Но рожь всходила, лен неспешно цвел,
И шли плоты по рекам с костерками.

Знать, не сорвало, вдаль не унесло
Того, кто в берег вросся, как ракета,
Кто оставался парусом, веслом,
Избой и пашней, песней позабытой,
Всем бурям и ветрам наперекор.

И вот, как будто не было и было, —
Звенит топор, пыхтит дымком мотор,
Смолою пахнут белые стропила.

Над крышами двадцатый век занес
Уже и здесь свои телеантенны.
А на лугах заречных сенокос,
И тишина вокруг благословенна.

Лениво над рекой звенит осот,
Стрекозы пляшут синие над нею.
Она куда-то облака несет,
То вся светлея разом, то темнея.

В реку глядится с берега посад,
И на пригорке, темнолиц и светел,
Стоит мужик, сам черт ему не брат,
У ног его улегся в травы ветер.

1971

* * *

За рекой-рекою в зареке,
Возле самого села,
Под вечер и в утра зареве
Песня запросто жила.

Неожиданно запетая
Миг назад, а может, век,
Словно дождь весенний, светлая,
Легкая, как первый снег.

Словно конь буланый в яблоках
На лугу в тени берез,
В радуге она жила-была,
В перезвоне ранних рос.

Я за ней ходил, обхаживал,
Услыхав издалека,
Знал и помнил слово каждое,
Да не выдалась строка.

Пролетела беззаветная,
И теперь сквозь все года
Не забуду песню эту я
И не вспомню никогда.

1971

СТАРАЯ ФРЕСКА

Повстречались мы на заре
Белой ночью в веке двадцатом.
На кольчужном их серебре
След зари блестел розоватый.

Копья, словно солнца лучи,
Были в их ладонях зажаты,
А у бедер остры мечи
И щиты у плечей покатых.

Лица юны, добры, строги,
И ни злобы в них, ни печали,
Будто их на пути враги
Смертью лютою не встречали.

Будто виделся им другой
Мир прекрасный в подлунном лоне.
Белой радугю-дугой
Тонконогие гнулись кони.

Перезванивали стремяна,
Пела в облаке птаха где-то,
И ни дали, ни времена
Были здесь ни при чем при этом.

Молвь людская и конский дых
Плыли в белом льняном просторе...
И застыл я, смирен и тих,
На вечерней заре в притворе.

И стоял я, видя не храм,—
Где-то лес палило пожаром,
Города по крутым холмам
Купола вздымали к стожарам.

Сосны в кронах качали дожди,
Солнце в синих катилось высях.
Голос был мне. Он звал: входи,
Это я зову, Дионисий.

1971

МОНОЛОГ ВОИНА С ПОЛЯ КУЛИКОВА

...Лежат князи Белозерски, вкупе побиены суть...

Сказание о Мамаевом побоище

Их четырнадцать было, князей белозерских,
Я пятнадцатый с ними.
Вот стрелой пробитое сердце
И мое забытое имя.

И стою я в полку засадном,
Вольный воин, как терний сильный.
Сотоварищи мои рядом,
Нету только еще России.

Нет России с песней державной
С моря синя до моря синя.
Ни тесовой, ни златоглавой
Нет еще на земле России.

Есть земель вековая обида,
Есть рабы, восставшие к мести:
Чем так жить — лучше быть убиту,
А для нас это дело чести.

Все сомнут мохнатые кони,
По степи помчат на аркане.
Но на нас наткнется погоня,
Ну а мы отступить не станем.

Конь мой гривой мотает рыжей,
Прыщут тучей на солнце стрелы.
Кычут коршуны, кружит крыжень,
А какое до них нам дело!

Как орда Мамая качнется,
Как мы ляжем костями на поле,—
Так Россия с нас и начнется
И вовек не кончится боле.

1971

КРУЖЕВНИЦАМ

За горами, за лесами,
В заповедной стороне,
Где поют в сугробах сани
С подрезами в тишине.

Снегу полная держава,
Вся земля белым-бела.
Там собором многоглавым
На юру стоит ветла.

Там дымки из труб, как спицы
В синей выси-вышине.
Звонко цвинькают синицы
На оранжевой сосне.

Из мороза, льда и солнца
Выстроены терема.
Белым пламенем в оконца
Смотрит алая зима.

Там полы белы намыты,
Занавески голубы.
Без утайки там, открыто,
Между делом вроде бы,

Сказки те, что все на свете
До сих пор как чудо чтут,
В кружевном сельсовете
Бабы запросто плетут.

1971

* * *

Сто лет прошло всего, а не века
С тех пор, когда впервые прозвучала
Мелодия и первая строка
Призывная
«Интернационала».

Версальцев завершающий удар —
Коммуна пала.
И уже в подполье
Запел ее безвестный коммунарь
С надеждой, с гневом,
С верою и болью.

На свете нет другой еще такой
Мелодии, воспрянул бы с которой
Для мира и для счастья род людской
В семье единой на земных просторах.

Без дирижера и без запевал —
Не потому, что так уж голосисты —
Партийный гимн «Интернационал»
Поют на белом свете коммунисты.

От жарких джунглей
До полярных гор,
Под небесами всеми на планете
Поют, когда закончен разговор
И надо встать за новый день в ответе.

Когда настало время выступать
В поход под пули вражеские где-то.
Когда настало время поднимать
Строительства, плотины и ракеты.

Слыхали гимн гроза и тишина,
Дворцов высоких белые палаты,
Цеха заводов, избы в три окна,
Застенки и глухие казематы.

Когда в Москве, в Кремле,
Поднявшись с мест,
Плечом к плечу,
Как бы в строю идущем
Партийный гимн поет партийный съезд,
Я думаю о времени грядущем.

Оно придет не с высоты небес,
Оно придет как наших дней наследье,
Строку из гимна ту, что «это есть...»
Споют однажды: «Это был последний...»

1971

НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

Вы верите в зеленые дворы?

Сергей Наровчатов

Я по мосткам скрипучим по дощатым
Прошел на лаву и через канал
На озеро, — там, где песок крупчатый
Когда-то белым пламенем пылал.

Там нынче валунов гряда лежала
И с озером мешались облака.
Шагнешь и в небо упадешь, пожалуй,
И камнем канешь в нем наверняка.

По горизонту весь в огнях, как город,
К причалу приближался теплоход,
А рядом двое с тихим разговором,
Девичьи руки белые на взлет.

В камнях сплетались медленные струи,
Звения, копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Я слышал, в далях звякали подковы
И воинская плакала труба.
«Да где же это поле Куликово?» —
Звала тревожно девичья мольба.

Ответный голос плыл по глади водной.
Звучал вблизи, уже во мне почти:
«Да что ты, это конных переходов
Считай не больше двадцати пяти».

Сошлись в ночи и годы и разлуки,
Я их не звал, а я их просто знал,
И я был юн и над плечами руки
На берегу в предгрозые разнимал.

И сразу «мессера» над головою,
Трещал прошитый пулями большак,
Гудериана танки под Москвою,
Ростов оставлен, к Волге рвется враг.

Шли эшелоны в зареве багровом.
И где сходились небо и вода:
«Да где же это поле Куликово?» —
Звучало вновь, как в древние года.

И снова две зари передо мною,
Как жизнь назад, над озером горят,
Но уж не мы, а эти юных двое
Сейчас прощанье наше повторят.

Огни причала и огни простора
Сближала даль, как две цепочки звезд.
Сном праведника спал в березах город,
А мне в тревоге смутной не спалось.

В камнях сплетались медленные струи,
Звеня, копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мережились слова и голоса.

Казалось, вдруг сейчас раздастся снова,
Плеснет через разлуки и года:
«Да где же это поле Куликово?»
— Там, где сошлись и небо и вода.

ТВОЯ СУДЬБА

Какие будут времена?
Пройдут и канут наши годы,
Но ты останешься, страна,
Как откровение народа.

Какие там взойдут хлеба?
Какие выстроят строенья?
Но будет в них твоя судьба
Судом всего и озареньем.

Какою мерою еще
Придут события и числа?
Но солнце над твоим плечом
Пребудет золотым и чистым.

Да, было так, что клином свет!
А как там быть могло иначе?
Не перестлать дорог и лет,
Ни слова не переиначить.

Но есть один завет, зарок,
Закон — как их не обозначьте —
Смотреть вперед и думать впрок
О будущем, а не иначе.

И опыт нажитый беречь,
Весь, до былинки, до крупички...
Все чутче вслушиваюсь в речь,
Все четче вглядываюсь в лица.

1971

* * *

Что в мире слаще истин прописных?
Вы приглядитесь, убедитесь сами,
Как их жуют, разжевывают их,
Аж треск стоит по свету за ушами!

Я тоже от других не отстаю.
Как булочку поджаристую с хрустом
Разламываю, в рот сую, жую.
А вкусно ли? Да, чтоб ей было пусто!

Преснятина. А в чем же соль была?
Известно всем, что дважды два — четыре.
Но первому, кто это вывел в мире,
Какая радость разум обожгла?!

Ее встречали не в колокола.
Вы вспомните хотя бы про картошку:
Губернии пороли в шомпола,
Но все-таки внедрили понемножку.

Живем не тужим, истины жуем.
Но чтобы соль не пропадала в мире,
Тут надо хоть однажды на своем
Встать, настоять, что дважды два — четыре.

1971

* * *

Кто же не знает и кто не видал:
С крыльями мальчик, стрела и лук,
Выстрелил — в чье-то сердце попал,
Сердце любовь озаряет вдруг.

Старая сказка у новых рек,
Только и ныне она близка,—
В атомный грозный двадцатый век
Легкой стрелою вошла строка.

Нет в ней ни звона, ни грома нет,—
Шорох березы, тишь ивняка,
Но посильнее стальных ракет
Эта есенинская строка.

Над опереньем ее золотым
Ни радиаций, ни пламени нет,
Только один тополиный дым,
Только рябины багряный свет.

Только надежда, радость и грусть —
То, чем на свете жив человек,
Только Россия, Родина, Русь.
Ранен стрелою двадцатый век.

Кто же не знает и кто не видал:
С крыльями мальчик, стрела и лук,
Выстрелил — в чье-то сердце попал,
Сердце любовь озаряет вдруг.

1971

* * *

В книгу судеб не внесена,
Летописцами не отмечена
Мать, невеста или жена,
А в сказаньях и песнях — женщина.

Бьют ее за то, что мягка,
Что добра, что глаза как блюдца,
Но она одна на века
Государства и революции.

Не звезда горит, не свеча, —
Очи вздрагивают, опущены,
И младенец спит у плеча —
Мать Ульянова, няня Пушкина.

Как рука с ним сопряжена,
Нет на свете дороже бремени!
Вот несет его в мир она
В бури века и грозы времени.

Страху нет и безверья нет,
Проливается сквозь метели
Милосердия горный свет
Над землей, как над колыбелью.

1971

* * *

Что было, то было, и все же
Забылось, быльем поросло,
Быльем, ни на что не похожим,
Ко мне обернувшимся зло.

Однако, ни в чем не изверясь,
Встречая вчерашних друзей,
Иду, как по жердочке, через
Болотный глубокий ручей.

Курю на ветру сигареты,
Веселые сыплю слова,
Встречаю с надеждой рассветы
И знаю, что правда права.

Вот только нежданно зальется
Вдруг сердце тоской на ходу
По ржавому в минах болотцу
В глухом сорок третьем году...

1971

* * *

Узнал я, право где и лево,
Где бог, а также где порог,
И цену пороху и хлебу
Давно усвоил назубок.

Но не пошла мне впрок наука
И грустный не помог урок, —
Я принимал врага за друга
И ошибался сколько мог.

Ни перед кем не виноватый,
Не сват кому-то и не брат,
С корявым рылом бородатый
Опять в калашный лезу ряд.

Зачем? Не знаю сам ответа.
Иду потрепан, бит и мят.
Такая выпала планета,
А ей ведь в зубы не глядят.

1971

* * *

Поезда уходят в лето,
Покидая города.
Вот и я возьму уеду,
Сам не ведая куда.

Белый свет и полдень белый,
Из окошка борода,
И кому какое дело,
Я откуда и куда.

Как пластинка патефона
За окном кружит земля,
Луг в цветочках, лес зеленый,
В рыжем золоте поля.

Близкий край назад стремится,
Дальний край вперед плывет.
Солнце светит, дождь струится,
День за ночью настаёт.

Люди входят и выходят,
Появляются в пути —
Рассуждают о погоде,
Просят чаю принести.

Чай качается в стакане,
Сигарета в кулаке.
Никому мое молчанье
Не мешает в сутолке.

Никому. И слава богу.
Едут все, и едешь ты.
И грохочет путь-дорога
От версты и до версты.

1971

* * *

Есть у сосен зеленых,
На безветрье с утра,
Неподвижность бизонов
Или всплески костра.

Или молний зеленых,
Вдруг застывших в тиши,
Есть неожиданность, бездонность,
Пища есть для души.

Неподвижности этой,
Обступившей вокруг,
Как явление ракеты,
Обгоняющий звук.

Длится, и непонятно,
Сколько будет огня,
Светом золотит пятна,
Тишь вокруг, как стена.

Не шелохнутся иглы,
И застыла трава,
Будто светом воздвигли
Тишины острова.

1972

* * *

Дождик льет, собака лает,
Кот на крыше загорает,
В огороде мак цветет,
Ест медведь в саду малину,
Рыбы плавают в пруду,
Пруд замерз наполовину,—
На одном конце, на льду
На коньках идет катанье,
В теплых шубах детвора,
На другом вовсю купанье,
Золотой песок, жара...

Это все рукой отважной
В полчаса сотворено
На одном листе бумажном
И к стене приклеено!

1972

РОВЕСНИКАМ

Опять придвинулись
И не дают вздохнуть
Года, которые мне были,
Как награда.
В них просто умереть,
Как в небеса взглянуть.
А жить не просто,
Если жить как надо.

Я думал там,
Когда домой вернусь,
Забуду их
И все начну сначала.
Поверю в радость,
Тишину и грусть.
И будет мне,
Как прежде, горя мало.

Но вновь придвинулись
И не дают вздохнуть
Года, как поле снежное
С колючкой ржавой.
Люк закрываю,
Выбираю путь.
И никакого дела нет
До славы.

Не шутки шутим —
На земле живем.
Ее железом били,
Кровью мыли.
И неужели мы с нее уйдем,
Как травы, без следа,
И станем пылью?

Что травы — да.
Что станем — тоже да.
Но в нас витал
Свободы грозный гений.
Мы шли, освобождая города
И поднимая нации с коленей.

...За пятьдесят товарищам моим,
Им некуда от времени деваться,
Лысеющим, стареющим, седым.
А мне все кажется,
Что им по двадцать.

Гляжу на них и вижу те года,
Где шли они
Во всей красе и силе,
Когда была Россия молода
И судьбами ее
Они вершили.

Там в кирзовых планшетах
Вся она
Лежала поквратно
На двухверстках,
Коричневая, желтая и зеленая,
Им во владенье отдана
По горсткам.

Что горсть ее?
Да — глина, да — песок.
Но сталь еще,
И кровь, и пот при этом.
И летний полдень ясен и высок,
Листва шумна,
И птицы свищут с веток.

Лысеющим, стареющим, седым,
С ней всем моим товарищам
По двадцать.
Она как соль
Для хлеба лет и зим,
Что и без нас ведь
Будут нарождаться...

1972

ВОСПОМИНАНИЕ О ТЫЛЕ

Однажды зимой в сорок третьем
Судьба фронтовая моя,
Как будто наградой отметив,
Закинула в наши края.

В ремнях, в полушубке дубленом
Мне был и мороз — не мороз,
С пайком на неделю законным,
Что выдал румяный начхоз.

Мне письма из дома писали:
«Живем мы неплохо, сынок...»
Я знал, что не так, но из дали
Представить всю правду не мог.

И, спрыгнув на станции Тихвин
С платформы состава пустой,
В вокзале полуночно-тихом
Я встретился с правдой самой.

В нетопленном спящем вокзале
Я в кружку набрал кипяток
И пахнувший хлебом и салом
Тугой развязал вещмешок.

И я бы поел, только тотчас
Почувствовал, севши к столу:
Две женщины (с матерью дочка)
Проснулись в недалнем углу.

Как на золотистое чудо
В багровой солдатской руке,
Они загляделись оттуда
В стыдливой и скорбной тоске
На хлеб,
Две проезжих хозяйки,
Что сами его и пекли
Для фронта в тылу,
Без утайки,
Как только они и могли.

Давно это было, а было...
Стал в горле кусок поперек,
Когда вдруг одна попросила:
— Продайте нам хлеба, сынок...

Продайте, отнюдь не подайте...
Еще не стара, молода,
Иначе не скажешь, — хозяйка,
Сама высока и горда.

Я слов благодарных не слушал
С росинками радостных слез.
Оставил недопитой кружку
И выскочил в ночь на мороз.

1972

* * *

В ранней юности, в дальней были,
Не умевших еще любить,
Нас окапываться учили
И траншеи учили рыть.

Старшина не давал поблажки,
Над душой стоял — не ленись,
Без команды не пей из фляжки,—
Так у нас начиналась жизнь.

Крепче в землю вожмись и вройся,
Белый бруствер укрой травой,
А потом ничего не бойся,—
Ты с землей, и она с тобой.

Та наука до пота и дрожи,
А потом на весь свет война.
Был большим оптимистом все же
Обучавший нас старшина.

Но опять его вспоминаю,
Я не вспомнил бы без нужды,
И причина тому иная,
Да не скажешь ей «подожди».

По годам я давно уж маршал,
А судьбой навсегда солдат.
Трудно в землю врываться с марша,
Но нельзя отходить назад.

1972

* * *

Я ее вспоминаю снова
В полушубке солдатском, в каске,
В сапогах пудовых кирзовых,
В давней были, как будто в сказке.

Мины падали, снег сметая,
Обнажая до дна болото.
Кровью на снегу залитая,
Залегла — не встает — пехота.

Ткнувшись в снег головой неловко
Ни назад, ни вперед ни шагу,
За убитыми, как за бровкой,
Поле ровное, как бумага.

И горит там после атаки,
За деревней Гора у леса
Наша рота, все наши танки,
На газойле горит железо.

А она мне встала навстречу,
Головою ткнулась под мышку
И свои подставила плечи,
Ты держись, говорит, братишка.

Ты держись. И скинула каску,
И пошли мы по полю с нею,
С нею, тоненькой и глазастой,
Нос веснушками весь усеян.

Про таких говорят заглазно,
Что ни кожи, ни рожи нету.
Шла она в снегу непролазном
От кювета и до кювета

Там, где пели пули и мины,
До деревни Гора к танкистам,
Да еще подставляя спину,
Да еще твердила — держись ты.

А потом она парабеллум
У меня взяла осторожно;
К рукоятке его прикипела,
Как перчатка, — с ладони кожа.

Постояла возле носилок
И ушла к пехоте без слова.
Это в сорок четвертом было
У деревни Гора под Псковом.

1972

ИКАР И ДЕДАЛ

Это было, считают,
Еще до Христова рождения даже.
С ног сшибая щитами,
Пробилась к упавшему стража.

Там, где люди в карьерах
Валились и мерли, как падаль,
Где никто еще с верой
В свободу не падал.

Распластались рабы на камнях
Со страху сначала,
Когда в небе весеннем
Икар появился с Дедалом.

Молодой появился Икар
И крылатый,
Солнца бронзовый шар
Головой закрывая кудлатой.

Всем лежащим у скал,
Как сардины на блюде,
Сверху он прокричал:
— Встаньте, люди!

Но крыло подвернулось
Под солнечным бризом,
Но земля покачнулась
И ринулась снизу.

Кровь смешалась с песком,
Закружились какие-то перья.
Он был всем им знаком,
Каждый в крылья поверил.

Не египетский бог возле скал
На земле распроклятой,—
Раб, фракиец, Икар
Умирал человеком крылатым.

Мысль пронзила навек
Даже ту оробевшую стражу.
— Сможет все человек,
Став крылатым однажды!..

А Дедал?
Что Дедал?
Улетел. О Дедале забыли:
Ведь никто не видал,
Да, никто не видал
Его крылья...

1972

САРЬЯН

Не о чужих заморских странах, —
Им всем привет, всем исполать! —
Я об Армении Сарьяна,
Где мне случилось побывать.

Там в деревянном мезонине
Сидит седой старик в углу,
Стоит картина на картине,
Лежат картины на полу.

Пчела по комнате летает,
Слегка кружится голова.
То красная, то золотая
Земля, и синь, и синева.

И я меж них, как бы по тропке,
На эти глядя чудеса,
Иду внимательно и робко,
Чтоб не сорваться в небеса.

В туманном граде Ленинграде,
Когда на выставках бывал,
Я, на его картины глядя,
Не очень краскам доверял.

И вдруг армянская столица,
И за окошком Арарат.
В картину можно оступиться,
И будешь сам себе не рад.

Прощай, искусства и науки, —
Меня сгубила бирюза...
Большие плотницкие руки,
Прямые цепкие глаза.

Что знал я раньше о Сарьяне?..
Ко мне неторопливо встал,
Весь солнцем обожжен, крестьянин
Среди своих долин и скал.

И стало все легко и просто,
Здесь не библейские поля, —
Его сады, озера, звезды —
Им сотворенная земля.

Трудился рук не покладая,
Был у него на это срок,
И так же в этот час, когда я
К нему переступил порог,

Уже уверен без опаски,
Что правда все, а не обман,
Как мир, в котором брал он краски,
Художник Мартирос Сарьян.

* * *

Весь шар земной устал от той политики,
С которою в единый миг почти
Великие научные открытия
Его грозят на части разнести.

А пахарь пашет землю без политики,
И женщины рожают сыновей,
А вовсе не колесики и винтики
Для планов всех ее и всех затей.

Но вырастают сыновья в воителей,
И льется кровь на травы и на снег.
И добрый хлеб становится политикой,
Когда его хватает не для всех.

Но над землей релейными метелями
Сквозь гром и лягз, наперекор судьбе,
Летит под вечер песня колыбельная
Не дальше окон в рубленой избе.

Вчера, сегодня, словно в дни былинные
И в дни предчувствий атомных тревог
Бесхитростная, тихая, недлинная,
Коротенькая — на один глазок.

Моря стихают голубыми взмахами,
Садится солнце красное в леса.
Над бурями, конфликтами и страхами
Плывет она, пронзая небеса.

За далями, морями, океанами,
У атомных орудий и ракет,
Плывет над континентами и странами
Наперекор всему, всему в ответ.

1972

* * *

Идея. Правда. Мысль. Или Мечта.
Кто знает, как еще она зовется.
Вокруг привычна жизни суета,
Но вдруг она сама тебя коснется.

Соседи спорят, радио кричит.
Она пришла — и разом все забыто.
Покоя нету от нее в ночи
И нет пути среди дорог избитых.

Тревогой грозной и тоской томим,
О ней поведал вестник бородатый
Взыскующим товарищам своим
И захлебнулся донником и мятой.

В каком году, в какой земле, когда?
Кто был он, тот пастух, солдат, философ?
Мелели реки, гибли города
И шли стада по желтому откосу.

А с ней потом, как с песней, на костер
Всходили люди и в огне молчали.
И языками пламени костел
Пылал над ними в каменной печали.

А может быть, звенел кувшин вина,
Смеялись синеглазые красотки,
И музыкой, нежданна и хмельна,
Она пришла случайно, как находка.

О ней писали золотым пером,
О ней молчали, отыскав в анналах,
И злобно вырубали топором,
И на заре о ней труба кричала.

Как юн и крепок этот вечный хмель,—
Он сушит в жилах кровь, как будто ветер.
С ним нелегко. С ним даже дальше цель.
Но без него и счастья нет на свете.

1972

* * *

В каменной, стальной глуши,
В аэропортах столичных
Кофе по ночам глушил,
Сигареты жег привычно.

Всюду с ревом города
На земле зимой и летом
Низвергались в никуда,
Словно водопады света.

Не было ни зим, ни лет,
Были тропики и холод,
Снег и пальмы. Белый свет
Мчался, как волчок веселый.

Но однажды на краю
Взлетной полосы, на пашне
Вдруг припомнил жизнь свою
Разом всю, как день вчерашний.

Вспомнил выжженный кювет,
Клок земли, в атаке взятый,
Весь как целый белый свет
Неохватный, непонятный.

Вспомнил молодость свою,
Как горящую ракету
В том бою, году, краю,
И ушел и сдал билеты.

1972

* * *

Что есть и мудрее и проще, —
Не в шутку твержу, а всерьез, —
Чем та подмосковная роща,
Семейство осин и берез!

Где я через пень да колоду
По тропке забытой брожу,
Рассвета холодную воду
Сквозь шум электрички цежу.

Разбужены вести до срока
И свежие новости те,
Что срочно приносит сорока
Кому-то на длинном хвосте.

С годами ясней замечаешь —
Не только из книг и газет —
О том, что на свете, узнаешь:
Не так уж он мал, белый свет.

О чем замолчали березы?
И что знаменует она,
На небе встающая грозно,
Как зарево в роще, луна?..

1972

* * *

Живет посредине столицы
В воскресный и праздничный день,
Как будто в светлице жар-птица,
Музыка моих деревень.

Мехи золотые и планки,
Малиновый звон и огонь —
Гармошка, гармонья, тальянка,
Живет на асфальте гармонь.

И сыплет, как ветер, частушки,
Как новенькие пяточки,
И в мини-юбчонках девчушки
Ломают свои каблучки.

Идут безоглядно вприсядку,
Плечами и грудью трясут,
Как будто кирпичную кладку
На стройке какой-то ведут.

В крови это, видно, у наших.
И что там, откуда взялось?
Уж пляшут — так, стало быть, пляшут,
Размах и веселая злость.

Слова озорные без точек,
Все полностью в каждой строке.
Над лицами белый платочек,
Как птица, порхает в руке.

И вроде бы все горожане,
Но, свой не скрывая исход,
У новеньких каменных зданий
Гармошка в столице поет.

1972

* * *

Не в предвкушении удачи,
Не в ожидании беды,
Спал город, пригороды, дачи
И лесопарки и сады.

Всю ночь летали самолеты,
Всю ночь за лесом и бугром
Кипела в небесах работа,
Ворочался аэродром.

Там боинги и каравеллы
И всех систем Аэрофлот
Вытряхивали то и дело
По трапам на землю народ.

Мы нынче наспех сняли дачу,
И на сезон весь, как на грех,
Наш дом был, видно, обозначен
На картах штурманских на всех.

Над ним ревели все широты
Земного шарика всего,
Шли на посадку самолеты
Над крышей дома моего.

Мне не спалось. Не взял я книжек,
И я маршруты изучал
Каира, Токио, Парижа
По их прилету по ночам.

И забывал под этот грохот,
Почти что тридцать лет спустя,
Как «мессеры» твои, эпоха,
И «юнкеры» твои свистят.

1972

* * *

Мне грустно. Я мерз у костров без обиды
И верил — недаром копчу это небо,
И счастлив лишь тем, что я видывал виды,
И сыт не единым, как водится, хлебом.

Мне грустно. Но вновь не дано повториться
В сверкающем мире, что будет вовеки:
Ни плеском ребенка над синим корытцем,
Ни всплеском весла, полюбившего реки.

Не будет прозрачного утра в печали
И в радости или в тревоге и грусти.
Уходят деревья в бескрайние дали,
Река уплывает в нездешнее устье.

Под облаком птица летит в беспредельность,
И камень-валун в придорожной канаве
Плывет неподвижно в иной понедельник,
В иное столетье, без всяких заглавий.

Мне грустно. Но черное спаяно с белым
И левое с правым, и мир симметричен.
И нету у жизни и смерти предела,
А времени ветер не знает различий.

Метет он незримый, но видимый взору.
Срываются звезды, восходят растенья.
Метет, а в какие там дали, просторы,—
Ни звука оттуда, ни эха, ни тени...

1972

В ЭТОТ ДЕНЬ

С того рассвета в глубине России,
Где женщины одни и тишина,
Когда бежали, в окна голосили,
Стучали в двери: «Кончилась война!»

Вставало солнце под Берлином где-то,
Солдаты обнимались, все в слезах,
Стреляли в небо, салютуя свету,
Деревьям, травам и лугам в цветах,—

Не вспоминаю, а запоминаю,
Глаза на миг не отводя, гляжу,
Какой он, этот день девятый мая,
Я до конца о нем не расскажу.

Как города принарядились к маю,
Которые мы брали на войне,
На Висле и на голубом Дунае
Сверкают этажами в вышине.

В Софии, в Праге или в Будапеште
На улицах знамена и сирень,
А если даже и не в мае внешнем,
Он все равно там длится, этот день.

Он всюду на путях земного круга,
Не перечислить всех его примет.
Он женщины улыбка, руки друга,
Рождение ребенка, смена лет.

Попробуй рассказать о нем словами,
Глазами увидеть его зенит,—
Он колосится рожью, льет дождями,
Метет метелью, радугой звенит!

1973

* * *

Все чаще, с грустной завистью, все чаще
Я вспоминаю дальние года,
И о себе самом, как о пропащем,
Я думать начинаю иногда.

От запада до желтого востока
Пути мои легли по облакам.
Встречал я именитых и высоких
И на трибунах возвышался сам.

Фамилия моя нет-нет да где-то
Мелькнет в газетах. И печалюсь я,
Что мало денег для семьи на лето,
Что дача далеко и не своя.

Что вот идут события мировые
Не так, как надо. Что тревожен свет.
Что я в докладе числюсь «и другие»,
Что слишком зол завистливый сосед.

А в тех годах, в тех далях, о которых
Давно молчу, — там все наоборот.
О бабах на привале разговоры,
Но за Россию в бой уходит взвод.

Там все дороги и ветра свирепы,
Богатство — пара сменного белья,
Осьмушка табаку да пайка хлеба...
А что еще? А там еще друзья.

1973

РАССВЕТ

А когда на землю пал туман,
Показалось, что ее не стало,
И вокруг простерся океан
Без конца совсем и без начала.

Канули не только что леса,
Все долины и холмы и хаты,
Даже небеса — и небеса
Канули, бесследные, куда-то.

Тишина дремучая легла,
Стало все, как в первый день творенья,—
Первобытная седая мгла,
Дымное смешенье света с тенью.

И лишь только через два часа
Волны заструились, засветились,
Отдышалась твердь, и небеса
Синие от тверди отделились.

А потом поднялися холмы,
Расступились сосны по ранжиру,
И к утру из первозданной тьмы
Совершилось сотворенье мира.

1973

* * *

Все будет, только нас не будет,
Не будет нас наверняка.
Пусть нас потомки не осудят,
Как мы не судим те века,
Что на земле без нас сменялись.

Творя историю земли,
Без сожаленья и печали
Себя они в себе сожгли.

Идет борьба со мглою света,
И, оставляя шар векам,
Жизнь, словно пламя, над планетой
Бушует по материкам.

Сменяются одежды, лица,
Державы, страсти, голоса,
И с ними мир вперед стремится,
Захлестывая небеса.

И мы, как искры, в этом грозном,
Ревущем пламени летим,
К потомкам, к будущему, к звездам,
И наш полет необратим.

1973

НА РЫБАЛКЕ

И хотя на самом деле
Нет давным-давно калик,
Да и был он,— на неделю
В лес сбежавший отпускник.

Появился он лохматый,
Словно некий дух лесной,—
В бороде его лопатой
Льдинки стыли сединой,
Горсть комариков поющих,
Дым вчерашнего костра,—
Появился леший сущий,
Но желающий добра.

Любопытства полон к людям,
Сел поближе на пенек.
Никаких при нем орудий,
Только тощий рюкзачок.

Кто такой,— мы не спросили.
Пил из кружки чай пустой
И глядел такую синью
Непроглядною густой,
Что придвинулся, похоже,
Век былинный, древний век,
Где каликой переходим
Был он, этот человек...

1973

* * *

Христос распят, но жив Иуда,
И всходят над землей кресты.
На свете будет жить Иуда,
Покуда будут жить христы.

И молоток стучит со злостью,
Ища Христа среди людей:
Ведь надо же в кого-то гвозди
Вбивать, когда полно гвоздей.

Стучит старательно Иуда,
Летит серебряник на стол.
Ах, если бы случилось чудо
И все-таки Христос пришел!..

Пришел не так, как приходили
Все возвращенные с креста,
А в здоровой памяти и силе —
Ко всем, в ком совесть не чиста.

1973

* * *

Памяти Ярослава Смелякова

О нем уже не скажут плохо:
Нельзя, обычай не велит.
Ушла, ну скажем, не эпоха,—
Им срок сегодня не велик,—

А скажем проще — странствий муза
С кленовой дудкою в руке,
В казенном ватнике кургузом
И в новомодном пиджаке.

Ее запомнят и забудут
И вновь откроют, как звезду.
Она была собою всюду,
Хлебая славу и беду.

В ней жарко красный лозунг дышит
О пролетариях всех стран,
И нежный цвет забытых вишен
С нее слетал к ночным кострам.

И строки, словно из мороза,
Из тающего серебра,
Звения ложатся, жгут, как слезы
Существования добра.

Ах, Ярослав Васильич, милый,
Товарищ, Яра, Ярослав!
На Новодевичьем могила
Уже травой заросла.

А в достославном ЦеДееЛе¹
Дни календарные летят.
И там, где с вами мы сидели,
Иные гении шумят.

И так, бывает, станет тошно,
Что лишь один спасает вдруг
В грядущей дали невозможной
Твоей кленовой дудки звук...

1973

¹ ЦДЛ — Центральный дом литераторов.

* * *

И черная случается весна,—
Ни в небе нет, ни на земле нет света.
Черна земля, и туч гряда темна,
Черны деревьев голые скелеты.

На реках синий грязноватый лед,
Туман просторы мглистые заносит,
И дождик серый целый день сечет,
Как будто это не весна, а осень.

Но снег в полях быстрее день ото дня
Пора такая запросто съедает.
Земля в грязи и жиже, как квашня,—
Вздымается, восходит, набухает.

В лесу, в оврагах, в поле, на земле —
Повсюду что-то новое творится.
Как только солнце выглянет во мгле,—
Весь мир мгновенно с ним преобразится.

И никаких на нем следов зимы:
Он весь прозрачен — голубой и рыжий.
Вот — солнце в луже, в золоте холмы,
И с черных пашен свет до неба брызжет.

1973

* * *

Замечаю, происходит что-то:
Облик изменили облака,
Птицы задержались с перелетом,
Вскрылась ото льда зимой река.

Где-то, говорят, летит комета,
За Полярным кругом, говорят,
Необыкновенно жарко летом,
А на юге хлещет снегопад.

Не вступаю в споры, разговоры,
С тишиной как с азбукой друга.
Стал невыносимо дешев порох,
А насущный хлеб подорожал.

1974

* * *

Памяти Г. К. Жукова

Умер маршал. Нет, не умер маршал,
А навек вернулся в строй полков.
Тех полков, что под Москвою с марша
В бой уходят в пламени снегов.

С ним его бессмертные солдаты.
Дождь прошел высокий, как штыки,
Под Берлином в мае, в сорок пятом, —
Как они сегодня вдруг близки!

И опять, как в памятное лето,
Небеса июньские чисты.
Сняты с орудийного лафета
Медленно тяжелые цветы.

Полдень двадцать первого июня.
С музыкой неожиданной марш-броска
Мимо угасающих петуний
Двигутся стремительно войска.

Может быть, успеют до рассвета.
Знаю я, они успеть должны.
Крутится стремительно планета.
Умер маршал мировой войны.

1974

* * *

Знаю я, что в мае, в сорок пятом,
Выиграв великую войну,
Маршалы завидуют солдатам,
Шедшим пешим ходом с автоматом
До победы через всю страну,
Через всю Европу до рейхстага
Шедшим, совершая чудеса,
Как поется в песне, шагом, шагом
Через реки, горы и леса.

И недаром, загрустив, недаром
В тишине сосновой под Москвой,
Проверяя гранки мемуаров,
Маршалы последней мировой
Знают — нету на войне сражений,
Знают — есть солдатский крестный путь
Чернозем и глина по колени,
Снег по пояс и вода по грудь.

Все охваты, клинья, контрудары,
Трижды свят, сам черт ему не брат.
Совершил бессмертный, легендарный —
Никуда не денешься — солдат!

1974

* * *

Появились на дорогах вепри.
Грозы шли и падали трескуче.
Дули ветры. Задували ветры,
И сшибались, словно кони, тучи.

Лето было полное знамений,
Но никто не замечал их просто,
И никто не думал, что за тени
Поднимались от земли под звезды.

Просто в суете и суматохе,
Вовсе оторвавшись от природы,
Все валили чохом на эпоху,
Думали — и тут она подводит.

Но валились с корнем наземь сосны,
Мачтовые сосны — исполины.
Ни с того и ни с сего в покосы
Реки выходили на равнину.

Радуги, как будто полотенца,
Полоскались над любой крышей.
Май такие выдавал коленца
С перепадами от грома к тиши,

Что хватались люди за газеты,
По привычке думая, что эта
Связана с политикой примета,
И спокойно дрыхли до рассвета.

Но к бензоколонкам и киоскам
Выходили вепри, словно к кочкам.
Падали, срываясь, в полночь звезды.
Петухи кричали неурочно.

Лето было полное знамений,
Непрочитанных и странных очень...
А для всех лишь — недоразумений
С отпусками, с дачами и прочим...

1974

МГА

Ах, какой мы штурмом взяли город
На заре морозной в январе!
В нем сирень клубится, а не порох,
Дети в каждом доме и дворе.

Год мы этот город штурмом брали!
Над болотом с черною водой
Танки шли, горели, догорали,
Столбики вставляли со звездой...

Музыка играет на вокзале,
В парке птицы на ветвях свистят.
Девушки с зелеными глазами
Пьют в кафе стеклянном лимонад.

Полк однажды вновь завел моторы.
За колонной хлынули ветра.
В рост, не нагибаясь, шли саперы
Там, где был передний край вчера.

Людям стало жарко на морозе.
Стлали гати, ставили мосты.
И гармошка драная в обозе
Жала на басы до хрипоты.

В окнах тыща солнц встает с рассвета,
Улицы веселия полны.
Он красив и молод, как планета,
Никогда не знавшая войны.

Белый город с небосводом синим.
От позиций наших в давний год
Пять минут всего, пожалуй, ныне
Электричка до него идет.

Полк моторы заглушил, как умер.
Нам открылся город на заре.
Лишь стучал штабной морзянки зуммер
На заре вечерней в январе.

Ничего. Ни дома и ни дыма.
Ни души в округе. Падал снег
Медленно, бесшумно, нелюдимо...
День кончался. Начинался век.

1974

ЗАПЕЛИ САНИ..

За высокими лесами,
В стороне от автострад,
Слышите — запели сани,
Снег полозьями примят.

Снег свистит, поет, хохочет,
На снегу сверчат сверчки,
Брызжут в небо вдоль обочин
Голубые васильки.

Жаром улица искрится,
На домах стоят дымы...
Хорошо бы закатиться
В царство матушки-зимы!

1974

ГАРСИА ЛОРКА

*Художнику
Андрею Мыльникову*

Он убит и зарыт
При дороге в Гранаду.
Там и крест не стоит,
Да и, может, не надо.

Лишь колючки растут,
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд,
Совершается праведный суд
И не скорый.

Неизвестно деревни название,
Нет холма, где лежит его тело.
Говорят, что в Испании,
Говорят, что в Испании
Было совершено это дело.

Даже имя давно
Там на родине всеми забыто,
И молчит она.
Но
И молчит, потому что убит он.

Лишь колючки растут
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд,
Совершается праведный суд
И не скорый.

Не отринув позора,
Бежит ручеек безъязыко.
Поднимаются горы
В молчанье великом.

И беззвучно гитары
Бренчат в кабачках до рассвета.
Не обходится даром,
Никому не обходится даром
Убийство поэта.

1975

* * *

Стерпится — слюбится, все позабудется, —
Старая песня не так уж проста.
Строились с песенкой этою улицы
Да и побольше места.

Крутится, вертится, все перемелется,
Белый, как сказано, свет.
Это давнишняя старая мельница,
Ну а другой-то и нет.

Нету другой и никак не предвидится,
Как ты умом ни раскинь.
Что там меж звездами может увидеться
В громе безгласных пустынь?

Где там еще неподвижные движутся,
Белая тропка во ржи,
В небе льняном журавлиная ижица
И на Онеге Кижи?

Разве без них на муку перемелются
Вместе любовь и вражда?..
Крутится, вертится старая мельница,
Не устает никогда.

1975

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Есть на площади Красной минута, когда
В день рожденья державы на празднике громком
Вдруг встают и восходят внезапно года
В тишине, наступившей от дедов к потомкам...

Над бортами машин голубые штыки
И, как синее небо, береты.
Через мост Москворецкий уходят полки,
Уплывают стальные ракеты.

Снялся сводный оркестр, унося за собой
Марши в медных не тающих искрах,
С одинокой, еще не умолкшей трубой
Молодого, как утро, горниста.

И становится Красная площадь пуста:
Словно поле под небом осенним,
Будто пала на миг на нее высота
И застыла в тиши на мгновение.

На нее не ступил еще с песней народ,
И в тот миг вспоминают трибуны
Сорок первый, а может, семнадцатый год,
Огневую военную юность.

В этот миг полыхают над нею клинки
Первой конной далекой, былинной.
И уходят с парада в сражение полки
В направлении Истры и Клина.

Подождите на Красную площадь ступать,
Всей Москвы молодые районы,—
Пусть швырнут на брусчатку солдаты опять
Битых армий фашистских знамена.

Сорок пятого года победный салют
Пусть ударит победным раскатом,
Молодыми по площади снова пройдут
Все давно уж седые солдаты.

Есть на площади Красной минута, когда
В день рожденья державы на празднике громком
Вдруг встают и восходят внезапно года
В тишине, наступившей от дедов к потомкам...

1975

* * *

Слагая об Армии оды,
Броню воспевая и сталь,
Я, словно в бинокль, через годы
Гляжу в легендарный февраль.

Что видится там сквозь походы,
Сквозь Брест в окруженье врагов,
Сквозь май сорок пятого года,
В котором на веки веков

На площади Красной колонны,
Великой Победы парад,
И вражеских армий знамена
К подножью трибуны летят.

Что там, за всемирною славой,
В далекой дали огневой,
За нынешней мощью державной
Ракетною и броневой.

А там, за метелью у Пскова,
Ни танков еще, ни ракет.
Винтовка в ладони багровой
И Ленина первый декрет.

Декрет о защите свободы,
Да в искрах мороза и льда
Впервые, как на небосводе,
На шлеме суконном звезда.

1975

* * *

Когда это будет, не знаю,
В краю белоногих берез
Победу Девятого мая
Отпразднуют люди без слез.

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.

И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду,
Что было Девятого мая
С утра в сорок пятом году.

1975

* * *

Та землянка в волховских болотах,
Где я жил безбедно — не тужил,
Нынче стала болью тяготеющей,
Стоном всех моих суставов, жил.

Там, над ней, в ночи горят ракеты,
Трассы пуль свистящие летят,—
Где я сплю без задних ног, одетый,
Без забот и снов, как дети спят.

Плещется вода от взрывов тяжких
На полу, как в речке, подо мной:
«Значит, мимо... Пронесло... Промашка...
Это где-то по земле самой...»

Я же сплю и ничего не слышу,
Ничего не чувствую в метель.
Фронт землянку подо мной колышет,
Но не сильно, будто колыбель.

Сплю да сплю — и пушки не разбудят,
В три наката крепок потолок.
Но не в нем причина. Будь как будет:
Путь далек, грустить не вышел срок.

...Ноют руки, поясницу ломит.
Просыпаюсь в ледяном поту —
В мирном доме, в тихом теплом доме,
Позабыв давно землянку ту.

На бок поворачиваюсь с хрустом,
Курево во тьме ищу рукой.
Тяжело, и муторно, и грустно,
И тревожно в тишине такой.

1975

* * *

Враг не может предать, как друг.
Видно, в гору пошла дорога,
Коль сужается дружбы круг,
А врагов остается много.

На вершинах я не бывал,
Мне они и сейчас не снятся,
Но встает впереди перевал,
Значит, надо мне подниматься.

По камням идти вперед,
Не искать дороги окольной,
Не вести пораженьям счет,
Не прислушиваться и к болям.

Там, где ступит на снег нога,
Реже воздух и чище дали,
Нет ни друга там, ни врага,
Только ветер на перевале.

Только ветер да высота,
На которой ни разу не был,
Да, наверное, маета,
Что оттуда все дальше небо.

1975

* * *

Теряю вкус к подробностям хмельным
Воды и суши
И вглядываюсь пристальнее в дым,
В людские души.

Прекрасные мгновения ловлю —
И удивляюсь.
Все больше, больше этот мир люблю
И в том не каюсь.

1975

* * *

День падает, и, словно колокольцы,
Звонят капли, осыпаясь с крыш.
День падает куда-то за околицу,
В вечернюю пустеющую тишь.

Сейчас его пылающая кромка
Сверкнет огнем и скроется из глаз.
Встают стеною черною потемки
На синий и заледеневший наст.

Еще живут дневные звуки в воздухе,
Но и они уймутся. День погас.
День золотой, и голубой, и розовый,
Весенним светом озаривший нас.

1975

* * *

Мне нынче снится край родной ночью,
Воды большие светлы, и по ней
Я все плыву в веселье и в печали,
Как в дни далекой юности моей.

Я все плыву на родину и вижу,
Как изменилась там земля сама.
В воде высокий тонет берег рыжий,
И странные там люди и дома.

Вхожу в дома я, словно в отраженья
В воде зеркальной, преломившей свет.
Я помню все там с моего рожденья,
Все узнаю, и ничего там нет.

Там все не так и все не то, и все же
Над всем душа сжимается моя.
Тревожно и пронзительно похоже
Там все, что твердо знал и видел я.

И все плывет вода, и все струится
Куда-то вдаль, куда-то вдаль... Куда?
Старинные над ней восходят лица,
Как месяцы, как луны, как года.

Зеленые и вянущие травы,
Осенние березы и кусты
Недвижные, как будто бы неправда,
Среди равнины, словно у черты,

Где может все неожиданно оборваться
От шороха, как будто от беды,
И сладко там, и страшно оставаться
И сознавать мне этот сон воды...

1975

НА ШЕКСНЕ

Ю. Бондареву

Взъерошенная синяя река
Открылась вдруг с железного парома
Простором, уплывающим в века,
А не в леса за кромку окоема.

Даль не сводила вместе берега
И даже не сближала перспективой,
И словно бы гигантская дуга
Река в нее входила всем разливом.

И горожанам, повидавшим свет,
Давно решившим, что он мал и тесен,
Почудилось, что края свету нет
И не бывать, да он и неизвестен.

В просторе синем белый пароход
Как будто парус засверкал, и сразу
Подумалось, что с вольницей плывет,
Не ровен час, навстречу Стенька Разин.

И даже след дюралевой стрелы
Был в грозном небе след не самолета,
А след стрелы, запущенной из мглы,
Перуна в небе росчерк беззаботный.

1975

* * *

Как будто древних царств реликт,
В час эры атомной, машинной
Я услышал победный крик
Перед рассветом петушиный.

Еще не колыхнула тишь
Иглой сосновой и травинкой,
Росинки с невысоких крыш
Не обронила на малинник.

Весь мир еще и мглист, и сед,
И сумрак все глубок и прочен,
А он уже поет рассвет,
Не просто смену дня и ночи.

Ах, сколько связано в былом
Надежд и веры с этим кличем!
Крик петуха, и над селом
Он был не просто пеньем птичьим.

Один. Вослед другой за ним.
Светает. Ночь переломилась.
Еще восток неразличим,
Но что-то в небесах свершилось.

Я в них внимательно смотрю
И слушаю до удивленья
Предвосхищающих зарю
Давно не слышанное пенье.

После всегдашней чепухи
И сутолоки дня базарной
Поют нежданно петухи
Светающе и светозарно.

1975

СЕВЕР

Может, он счастья спокойнее,
Правды, быть может, добрей.
Над тишиною и войнами
Светит копорский кипрей.

Ширь, даже грому не тесная,
Эху стократ рокотать,
И высота поднебесная —
Птице крылом не достать.

И чтобы не убаюкала,
Чтобы прожгла глубина, —
Синяя капелька купола
На горизонте видна.

Радостей светлых и горестей,
Дней и ночей берега —
Севера древние прориси —
Озеро, лес и луга.

1976

* * *

Май приносит дым воспоминаний...
Вновь над миром светится звезда,
Ждут свободы, поднимают длани
И горят в Европе города.

Дует ветер — молодой, весенний, —
Гимнастерка на плечах дымна.
Молодость. Ни страха, ни сомнений.
Может, завтра кончится война.

И сиренью на шоссе — девчонка,
Юная, как младшая сестра,
Плачет и смеется у трехтонки, —
Все как будто было бы вчера.

Прошрое мешая с настоящим,
Ты глядишь, как в зеркало, в года:
Да бывал ли ты когда-то счастлив —
Так, как был счастливым ты тогда?..

1976

* * *

Синь все небо уносит,
Солнце волны листает,
А у вас, видно, осень
В эти дни золотая.

Лист ложится багряный
На зеркальные лужи,
Набегают туманы,
Тучи ходят натужно.

Поспевают рябины,
Кисти как семафоры
Над асфальтом пустынным,
Убегающим в город...

1975

* * *

Я требую не многого,
Не многого хочу —
Планету за порогом,
Всю в солнце, как бахчу,
С июльской жарою,
С сентябрьской тишиной,
Всю белую зимою,
Всю черную весной;
Да может быть, травинку
С росинкой в желобке,
Травинку с паутинкой
Одну на сквозняке,
Когда мой сын не старый,
Да и не молодой
Со мной прощаться станет,
Обросший бородой.

1975

* * *

Стал я стар не душой, не телом,
Но неведом покой душе, —
Дела главного я не сделал,
А пора уходить уже.

Остаются леса и доли,
Солнце в небе и города —
Светло-светлый мир и веселый,
Что вошел в меня навсегда.

1976

* * *

Я-то знаю наверно:
Эта ночь неспроста.
Снова, как в сорок первом,
Вдруг страшна высота.

Небо синее в небе,
Звезд движение в ночи.
Все как будто бы небыль,
Только ты помолчи.

Помолчи и запомни:
Это тот горевой,
Этот свод, что заполнен —
Глубиной, синевой.

И забудь, как забыто
Все, что было мельком,
И крест-накрест забито,
Как окно под коньком.

И огнистой березы
Ливень, грянувший ввысь,
И неожиданные слезы,
Что ручьем пролились.

Где-то снова, как в поле,
Кони, травы, костры...
По какой доброй воле,
До какой там поры,

Никому не известной,
Никакой, никакой, —
Сказкой, старую песней,
Непонятной строкой...

1976

* * *

Все кончится. Уйдут пустые споры
И скорбь за рюмкой водки за миры,
Раздумий пресноводные озера
И женщин полуночные костры.

Останется лишь то, что ты однажды
Уже узнал, вися на волоске:
Неутоленная тоска и жажда
По небу и травинке на песке.

1976

* * *

Летят на юг под небом птицы,
Как будто их несут ветра.
В осеннем парке дым струится
И пламя плещется костра.

Аллеи тихие пустынные,
Пруды листвою занесены,
Красны высокие рябины,
Поля далекие черны.

Поедем в пригород недалекий
На вернисаж живых картин
Раздумий, грусти и печали
Без объяснения причин.

Автобус станции конечной
Упрется в синий небосклон.
Горят березы, словно свечи,
Там, как на стыке двух времен.

Там в вышине звучит прощанье
Птиц перелетных над землей.
Там горький запах увяданья
Смешался с дымом и золой.

И обнаженные просторы
Пусты, как белые холсты,
И краткий день щемяще дорог,
Как свет, упавший с высоты.

1976

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Грохочут в небе дни, как поезда,
Все в молниях, ветрах и ливнях плотных.
Уходит лето через города,
Как праздники, легко и беззаботно.

Не надо ждать неожиданных перемен
И радостей каких-то неизвестных.
Уходит лето в травах до колен,
В хлебах по пояс, плечи в перелесках.

Уходит лето... Не остановить.
Не сесть за стол — давай раскинем брашна
И будем петь и будем вина пить,
Как было в мае...
Ну и пусть. Не страшно.

Еще ветра, пожалуй, по пути,
Еще как будто не остыли воды
Реки, что в синем золоте летит
И белые качает пароходы.

Но дни летят — не оглянутся вслед
Теперь уже ни при какой погоде.
Не чередá неторопливых лет, —
Уходит лето... Навсегда уходит.

1976

* * *

День начат с молока и хлеба,
С даров взыскующих полей.
В нем трубный глас, летящий с неба,
Громоподобных кораблей.

Они, как ангельские стрелы,
На миг возникли и прошли,
Маня в нездешние пределы
Просторов неба и земли.

А под окном горит рябина,
Березы жаром залиты,
И веет тишиной пустынной
От подступившей высоты.

Такой, что, может, и не нужно
Тех сиринов над головой.
Есть хлеб и кружка с белой дужкой
И соль в солонке голубой.

1976

КИРИКИ УЛИТЫ

Леониду Буркову

Церковь Кирики Улиты,
Рыжий красный березняк
Почему-то не забыты,
Не забудутся никак.

Вспоминаются нежданно
Без причины и тоски
Небеса, в лесу поляны,
Под ногами рыжики.

А от церкви следу нету,
Только этот березняк
Льется, льется белым светом,
Продувает, как сквозняк.

Церковь Кирики Улиты
Вся рассыпана давно,
И ищи ты, не ищи ты —
Не отыщешь... Все равно.

Почему-то не забыты
И звучат, плывут слова...
Церковь Кирики Улиты,
Словно в небе острова.

1976

* * *

Будет печалить и радовать
В мире оно и без нас,
Белой неожиданною радугой
Искрясь, как мартовский наст.

Там, где кончаются озими
И расступились леса,
Синее Белое озеро
Встало стеной в небеса.

Белой дугою очерчено,
Солнца касаясь и звезд,
Тихое, будто доверчивость,
Но с перезвонами гроз.

Нимбом, светящимся издали,
Встало над краем навек
Неотразимо и искренне,
Будто бы взгляд из-под век.

Белое озеро может быть
Цвета черемух полно.
Белое озеро — боже мой, —
Как это было давно!

1976

* * *

Я к тебе забыл сто дорог,
Тысячу троп,
Тыщи путей.
Я бы просто по небу мог
Дойти без особых затей.

Синие озера твои
Выцвели от солнц и от лун.
Убежали в реки ручьи
Через белый камень падун.

Льны твои,
Что ветра полны,
Посеклись и стали белы.
Встали над землею, темны,
Сосен золотые стволы.

Рыба в реках синих твоих
К берегам прибилась, всплыла
Высоко до листьев сухих,
Что удачей быть мне могла.

Но твои озера сини,
Стоило взглянуть — потонуть.
Золотые льны тишины
Волны захлестнули на грудь.

И как будто не было лет,
Сосны молоды, в реках лов.
Льется от берез белый свет.
Ох, не надо слов, снова слов!

Я к тебе забыл сто дорог,
Я их вспоминал допоздна.
Никакой не выбрал в свой срок,
И теперь осталась одна...

1976

* * *

Пал туман на море синее,
Горы скрыл и море скрыл,
Смыл сверкающие линии,
Растворил бесследно Крым.

И сижу и жду в тумане я,
Словно бог во мгле веков,
Что возникнут очертания
Гор, деревьев и цветов.

Я им дам сперва названия,
Перепробовав на звук
Мне известные заранее —
Кара-Даг, Каю-Сюрюк...

Отделю от моря сушу я,
На ладонь туман солью,
Разгляжу я и послушаю:
Даг-Кара, Сюрюк-Каю...

1976

* * *

За окнами белая стужа
И свет, что действительно бел,
Морозный, туманный и вьюжный,
Свет бел за окошком, как мел.

По крыши дома оснежены,
И белого леса стена,
И черная только ворона
Сидит на заборе одна.

Случайна, как черная клякса,
Но с нею белей белизна.
Смотрю и дивлюсь я, ах как с ней
Мир бел за проемом окна.

1 января 1976 г.

* * *

Ах, эти притчи во языцех!
Гудит от них двадцатый век.
Быть, зацепиться, утвердиться
И переплюнуть имярек.

И все же, как это ни странно,
Мир замедляет бурный бег,
Уходят гномы и титаны,
Стихают волны, сыплет снег.

Тысячелетие второе
Кончается, а что за ним?
Какие там грядут герои?..
Не ведаем, что сотворим.

И все же снег летит, ложится...
Забвенье, милость, смена мет...
Ах, эти притчи во языцех,
И белый, снова белый свет.

12 декабря 1976 г.

* * *

Всю ночь ревело в бухте море,
Шли волны, словно поезда,
И, одинокая, в просторе
Мерцала как маяк звезда.

А может быть, патрульный катер
Меж волн взлетал и падал вниз —
На вахте в заданном квадрате
Вел поиск, несмотря на риск.

А море в берег било, било,
Как будто колокол во мгле —
И потому тревожно было
Всю ночь до света на Земле.

И не уснуть под этот грохот,
И бодрствовать невмочь уже...
А может, это ты, эпоха,
Всю ночь звучишь в моей душе?..

Апрель 1977 г.

* * *

Земля летит, зеленая, навстречу,
Звенит озер метелью голубой.
На ней березы белые, как свечи,
Свист пеночки и цветик полевой.

Я землю эту попираю ногами,
К ней под обстрелом припадал щекой,
Дышал ее дождями и снегами.
И гладил обожженною рукой.

Прости, земля, что я тебя покину,
Не по своей, так по чужой вине,
И не увижу никогда рябину
Ни наяву, ни в непроглядном сне...

1977

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Олег Шестинский. Поэт, устремленный в будущее</i>	3
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вечер	12
Звезда	13
«Планета на время от солнца отходит...»	14
В огороде	15
Тыква	16
«Умер снег... Земля черна и гола...»	17
«Всплошную голубым узором...»	18
«Он шел по дороге в большое село...»	19
Ночь («Давным-давно огни погасли в хатах...»)	20
Водолаз	21
Копье	22
Осень в парке	23
«Как на родине? Осень...»	24
«Через края сосновых станций...»	26
«Как долго мы не получали писем!...»	27
«Когда-нибудь и мы домой приедем...»	28
Граната	29
Дождь	30
«Может, мне и осталось всего...»	31
Осень	32
Письмо	33
«Дымные твои просторы...»	34
В землянке	35
Костер	36
На ночлеге	37
«Издали рывкают гулкие пушки...»	38
«Обвалились небесные хляби...»	39

Песня о лошади	40
Карты	41
«Не с немцами воюем, а с болотом...»	42
«Зачем руда сто тысяч лет...»	43
«Далеко течет река Шексна...»	44
«...На картах не гадай, к чему...»	45
«Хочу, чтобы меня вело...»	46
«С броней танкисты дружат третий год...»	47
Перед атакой	48
Это было 19 марта 1943 года	49
Карбусель	50
Песня о кочегаре	51
«Все болота, болота...»	52
«В танке холодно и тесно...»	53
«Ночь бела. Закат идет в рассвет...»	54
«Погадай мне в этот вечер...»	55
«Мир вспоминали в танке тесном...»	56
Отдых	57
О счастье	58
«Кузнечики стучат в траве...»	59
«Идут солдаты, от сапог...»	60
Перед наступлением	61
Песенка	62
Пыль	63
Смотровая щель	64
Кукушка	65
Дружба	66
На марше	67
После марша	68
«Тополь встанет молодой...»	69
«Потомок наш о нас еще вспомянет...»	70
«Есть на Шексне далекой...»	71
Стихи о переправе	73
«Песня — что-то вроде костра...»	75
«Жил на свете, не скучал...»	76
«Осенняя ночь темна...»	77
«Ходят тучи сизые до злости...»	78
«Всю ночь обрушивались наземь...»	79
В подбитом танке	80
«Когда над фронтом наступает ночь...»	81
Вокруг весна беспутная летела	83
Землянка	84
«Спят солдаты крепким сном...»	85
Прощанье с землянкой	87
Мга («Где пройдет лишь одна пехота...»)	88

Танки в Новгороде	89
Земля Новгородская	90
«Металл сгорел, и пусто в черной башне...»	92
«Он ничьих не называл имен...»	93
Танкист	94
«Поутру, по огненному знаку...»	95
«Его зарыли в шар земной...»	96
«Жить от атаки до атаки...»	97
«Любители костра и солнца...»	98
«А было, под Волховом синим...»	99
«Я своих фотографий тебе не дарил...»	100
«Тонкая российская береза...»	101
«А мы прошли по этой жизни просто...»	102
Открытка	103
«Пусть о нас вспоминать будут редко...»	104
«Когда под пулями лежишь...»	105
Деревня Гора	106
«Сумрак сел. Соловыи в кустарниках...»	107
«Знаю я, в песчаник иль в суглинок...»	108
«В полях уже осыпались траншеи...»	109
«Учила жизнь сама меня...»	110
«Здесь земля дрожала не от страха...»	111
«Над моим родимым краем...»	112
«Вновь над курганом Синеуса...»	113
Поезд	114
Журавли	115
«Всю вселенную проехав с боем...»	117
Перед порогом	118
Колодезный журавль	119
Вино	120
«У той березки, где с тобой...»	121
Мать	122
«Не таким, не в войну, с полпути...»	123
Победа	124
«Вот человек — он искалечен...»	125
«Светлый север, лес дремучий...»	126
«Облако за месяц зацепилось...»	127
«В детстве в речке меня ловили...»	128
«Цветет за окнами картофель...»	129
«Война прошла, но нам еще в атаки...»	131
«Было утро, шумели травами...»	132
Закат	133
Белозерье	135
«На городском валу заплачу...»	136
Поездка в Ковжу	137

На пристани	138
«Будут жарко натоплены печи...»	139
«Опять пойдут хлестать метели...»	140
«Живу как получается...»	141
«По небу падает тихо звезда...»	142
«Любимая, ко мне приходит снова...»	143
«И вдруг нахлынет, вновь пойдут слова...»	144
«Мир безначальный, бесконечный...»	145
«Зима несет в серебряной пыли...»	146
Зима («Мир накренился, прям и светел...»)	147
Слесари, танкисты и поэты	148
Зима («На Крюковом канале паутина...»)	149
«А мы такую книгу прочитали!..»	150
«Руками, огрубевшими от стали...»	151
«Пусть оборот вокруг оси...»	152
«Мне кажется, что я живу...»	153
«Поэтов бессонница мучит в квартирах...»	154
«Невтерпеж ходить по осени...»	155
«За Вологдой метели с бубенцами...»	156
Живая вода	157
Дома	158
«Опять плывет закат над реками...»	159
Дергач	160
«Есть где-то моря-океаны...»	161
Паромщик	163
Старый буксир	164
Бакенщик	165
Новый мост	166
Плотогон	167
Землечерпалка	168
В диспетчерской	169
Ночь («Петух грудастый прокричал спросонок...»)	170
«За слоем Хивсайда, за легкой пылью...»	172
«Узкий месяц, легок на воспомине...»	173
«Нам уходить от милого порога...»	174
«На чужое заглядеться счастье...»	175
«В ночи трепещет тонкая мембрана...»	176
Станция Валя	177
«Не забыл я тебя...»	178
«О далеком селении Чайка...»	179
«Огонь на поленьях сосновых в печи...»	180
«Утрами травы розовеют в росах...»	182
В Рыбинском море	184
«Ты любовь не зови...»	186
«Еще темно, еще туман в полях...»	187

Рябина	188
Радуга	189
«Словно башни победы — на рыжих увалах...»	190
«Здесь постепенно умирает лето...»	191
«Болотный вереск на крови цветет...»	192
«Как стога, стоят снега...»	193
У сгоревшего танка	194
Атака на рассвете	195
«Дымок — дыхание костра...»	196
Ночью	197
«Да, не поле перейти...»	198
На Неве	199
«Над городом синие тени...»	200
«А мне, пожалуй, ничего не надо...»	201
Поле	202
«Без тебя и день не в день...»	203
После боя	204
На привале	205
«У огня своя архитектура...»	206
«Человека осаждают сны...»	207
«В пустых землянках, в спутанных траншеях...»	208
Площадь Революции	209
Молодой солдат	210
«Стережущий»	211
«А ночь идет, она уж на исходе...»	212
«Самое тихое время суток...»	214
«По одной нам земле ходить...»	215
«Без следа исчезну, только где-то...»	216
В кино	217
Утром	219
Весна («Как белые лебеди спины...»)	220
«Может, пели песню плотогоны...»	222
Жеребенок	223
«Медленно вращается Земля...»	224
Песня	225
Ночь («На карты не все занесенный...»)	227
Экзамен	229
Ночью в казарме	231
Полк обедает	232
На поверке	233
«Впервые в жизни на земле большой...»	234
«Ни шороха, ни звука — тишина...»	235
«Я словно опустевшая квартира...»	236
У костра («Костер в лугу горящий, над рекою...»)	237
«Коль трудно будет, я приду туда...»	238

Марья Гавриловна	239
Суслик	241
«К тридцати летят, идут года...»	242
Белой ночью	243
«Когда искусство не было товаром...»	245
«Гудок над пристанью вечерней...»	246
«Болото, да лес, да озера...»	247
Вступление к сказке	248
После дождя	249
Фотограф	250
Шура Капарулина	252
«Низко пригибая травы лета...»	254
«Приснилось мне жаркое лето...»	255
На ученье	257
«Здравствуй, юность танкистская!...»	258
«Жить бы мне на земле...»	259
«Говорят, что мы — поколение...»	260
Письмо	261
«Рыжий дождик бегал с ветром вразпуски...»	262
«Я не люблю людей, которым...»	263
Гвардейское знамя	264
Перед праздником	265
Стихи о первой любви	266
«Час назад сказал как можно строже...»	268
«Палочки две и одна закорючина...»	269
Перед парадом	270
«Утро было. Одевшись теплей по привычке...»	271
Ленинский броневик	272
«В наше время скорости и света...»	274
9 мая 1945 года	276
«Со дна траншей мы наблюдали звезды...»	278
«Нет великих людей...»	279
«Золотые песчинки секунд никогда...»	280
«Над пирогами и борщом...»	281
«С детства я запомнил это имя...»	282
«Голос первой любви моей — поздний, напрасный...»	283
В голубой мечети	284
«В огне холодном, плещущем до крыш...»	285
У берегов Испании	286
На Босфоре	288
В Риме	289
Акрополь	290
Два монолога	292
Звезда	295
Родина	297

«Свет звезд идет к Земле годами...»	299
«Человеку холодно без песни...»	301
«Жизнь, по пословице, не поле...»	302
«За срубом стертого порога...»	303
«Снежок неторопливый, пристальный...»	304
«Старый снимок...»	305
«Кто ж первый сказал мне на свете о ней?...»	306
Побывальщина	307
Кружка молока	309
Свежий хлеб	311
Мытье полов	312
Щи	313
У костра	315
Две дали	317
Дионисий	319
«Мне этот город с кирхами, костелами...»	321
«Я в сорок третьем был комсоргом роты...»	322
Комсомольский билет	323
«Время — чудо главное на свете...»	325
«Над полированной рекой асфальта...»	326
Алешенька	327
Вечер стихов в колхозе	328
«Взрели дюзы частыми громами...»	330
Одна любовь (<i>Поэма</i>)	331
Черемуха на Петроградской стороне	344
Мосты разводятся	346
«Все, говорят, на свете образуется...»	348
«Где-то горны еще гремят...»	350
«Не скрываю, что очень понравился мне...»	351
«Вот кажется, ну что я этой Кубе...»	353
Двадцатого столетия ящики	355
Хлеб привезли	357
«Требуется сказка для детей...»	359
«До конька украшенный резьбой...»	360
«Что может быть проще еще и сложнее...»	361
«Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юные...»	362
Коммунисты	363
Ночь («В час, когда приближаются звезды к земле...»)	364
«Дымная качается река...»	366
Невская Дубровка	367
«Как трудно делалась история...»	369
«Две крутых соболинки...»	370
«Смеялась женщина, смеялась...»	371
«Бывает так: уже пришла весна...»	372
«Весна — пора любви, рождения...»	373

Весной («Все предвещает в мире перемены...»)	375
«Романтики двадцатого столетия...»	376
«Там, где из вороненой стали...»	377
«Мы не пытались в жизни окопаться...»	378
«Муку надо же такую...»	379
Второй	380
«А кто такой Бартоломей Диас?..»	382
«Далекое становится все ближе...»	384
Птица Сирий	385
Курган-герой	386
Мирная песенка	387
Сказы о Дионисии	388
«На крышах солью выступает иней...»	395
«Я верю в бога, но не с бородой...»	396
Хлеб	397
«И Русь не та, и русские не те...»	398
«Ах, песни старые, забытые...»	399
«Я много раз в пути встречал рассветы...»	400
«Люди веруют в поезда...»	401
Женский праздник	402
В автобусе	404
Сосна	406
«Я давно увидел в первый раз...»	407
На Волго-Балте	408
Мой лейтенант	410
«Кто был изобретатель колеса?..»	413
«И я ее искал, по свету ездил я...»	414
Песня о мамонте	416
Приглашение	418
Встреча с морем	419
«Я на войне писал стихи украдкой...»	422
«Не считал я закаты...»	423
Ключ	424
Глаза	425
«Весна, а что она такое?..»	426
«Девочки веселые, бедовые...»	427
На пионерском сборе	428
Одному знакомому	430
«Не на западе — на востоке...»	432
«Меня страшат аэродромы...»	433
«Дни стали вдруг похожи на пластинки...»	434
«Куда уходят годы? Ну куда?..»	435
«Я стану облаком, зарей...»	436
«Это было все-таки со мной...»	437
Солдатский марш	439

«Начало лета...»	441
«Давно всему известно свету...»	443
Разговор с мадонной	444
Белые ночи	446
«Хвала не взлетевшим ракетам...»	448
В Бресте	449
«...Не было ни маршей, ни речей...»	451
«Мы для костров рубили топором...»	452
«Леса уходят. Жалко мне леса...»	453
«Птаха малая песней заветной...»	454
«У ракетной переправы...»	455
«Я снова вспомнил почему-то...»	456
«Ты в жизни жег хоть раз мосты...»	457
«Уходит женщина. Уходит...»	458
«Меняется движение светил...»	459
«У леса голубого на опушке...»	460
Земляк	461
«Земля землей, не мелковата...»	463
Ода дураку	464
«Ракетами, как луг ракетами...»	466
Мост через Бен Хаи	467
Ха Лонг	469
«Не носят давно награды...»	470
«Меня раздумья одолели...»	471
Раковина залива Ха Лонг	472
Стихи о дальней дороге	473
Пилоты	475
«Всю жизнь куда-то далеко спеша...»	478
«Вечернее мычание коров...»	480
«Небо лесом огорожено...»	482
В электричке	483
«Были годы юны, были рыжи...»	484
«Как Древний Рим во время оно...»	485
Октябрьский патруль	486
«Живым поверка. Павшим слава...»	489
Костры	490
«Та глина, из которой нас лепили...»	492
Две картинки Ленинграда	493
«С утра в субботу электрички...»	495
«Хотел бы я волшебным даром...»	496
В квартире Ленина	498
«Я вижу Ленина портреты...»	499
«Я много слышу о народе...»	501
Памяти Эрнесто Че Гевары	502
«Красный бархат и алый шелк...»	503

«Опять на старую гляжу...»	505
«Что знаю я о мире и войне?..»	507
«Мы, дети природы, забыли природу...»	508
«Хотел бы прямо, без обиняков...»	509
Баллада о парламенте	510
«В заздравной дате государства...»	512
«Костры горели на снегу...»	513
«Самые отважные солдаты...»	514
«Какое лето шло по всей стране...»	515
История	516
Последние известия	517
Две притчи	518
«Человеку очень много надо...»	520
«О, беспокойство вечное умов!..»	521
«В моей деревянной России...»	522
Уха	524
«Бушует в душном городе жара...»	525
«Поезд пригородной зоны...»	527
«А с вами не бывает так?..»	528
«И я когда-нибудь, однажды...»	529
«Говорил мне старый поэт...»	530
«Милый север, край лесной...»	532
«Весенняя трава права...»	533
«Ходят по свету страсти-мордасти...»	534
«Не хочу я участвовать в той кутерьме...»	535
«...Не тяготит застольный разговор...»	536
«Россия есть у каждого своя...»	537
«Есть день. Он дан мне словно край...»	538
«На улицах Праги старинной...»	539
«Остается небольшая малость...»	540
«Нас нет на свете. Мы трава и лес...»	541
«Ничему не научился...»	542
«Во мне по ночам просыпается страх...»	543
«Бывает — белый свет...»	544
«Живем на свете, как радары...»	545
«Мир, что остался позади, пожалуй...»	546
Ласточка в Махачкала	547
«Всю ночь за лесом где-то шла гроза...»	548
«Мы говорим, задумываясь редко...»	550
«Стоят в европейских державах неблизких...»	551
«Конь плакал. Падала звезда...»	552
«Ах, этот протопоп опальный...»	553
На севере	555
«За рекой-рекою в зареке...»	557
Старая фреска	558

Монолог воина с поля Куликова	560
Кружевницам	562
«Сто лет прошло всего, а не века...»	563
На Белом озере	565
Твоя судьба	567
«Что в мире слаще истин прописных?...»	568
«Кто же не знает и кто не видал...»	569
«В книгу судеб не внесена...»	570
«Что было, то было, и все же...»	571
«Узнал я, право где и лево...»	572
«Поезда уходят в лето...»	573
«Есть у сосен зеленых...»	574
«Дождик льет, собака лает...»	575
Ровесникам	576
Воспоминание о тыле	578
«В ранней юности, в дальней были...»	580
«Я ее вспоминаю снова...»	581
Икар и Дедал	583
Сарьян	585
«Весь шар земной устал от той политики...»	587
«Идея. Правда. Мысль. Или Мечта...»	588
«В каменной, стальной глуши...»	590
«Что есть и мудрее и проще...»	591
«Живет посредине столицы...»	592
«Не в предвкушении удачи...»	593
«Мне грустно. Я мерз у костров без обиды...»	594
В этот день	595
«Все чаще, с грустной завистью, все чаще...»	596
Рассвет	597
«Все будет, только нас не будет...»	598
На рыбалке	599
«Христос распят, но жив Иуда...»	600
«О нем уже не скажут плохо...»	601
«И черная случается весна...»	603
«Замечаю, происходит что-то...»	604
«Умер маршал. Нет, не умер маршал...»	605
«Знаю я, что в мае, в сорок пятом...»	606
«Появились на дорогах вепри...»	607
Мга («Ах, какой мы штурмом взяли город...»)	609
Запели сани	611
Гарсиа Лорка	612
«Стерпится — слюбится, все позабудется...»	614
На Красной площади	615
«Слагая об Армии оды...»	617
«Когда это будет, не знаю...»	618

«Та землянка в волховских болотах...»	619
«Враг не может предать, как друг...»	620
«Теряю вкус к подробностям хмельным...»	621
«День падает, и, словно колокольцы...»	622
«Мне нынче снится край родной ночью...»	623
На Шексне	624
«Как будто древних царств реликт...»	625
Север	626
«Май приносит дым воспоминаний...»	627
«Синь все небо уносит...»	628
«Я требую не многого...»	629
«Стал я стар не душой, не телом...»	630
«Я-то знаю наверно...»	631
«Все кончится. Уйдут пустые споры...»	632
«Летят на юг под небом птицы...»	633
Прощание с летом	634
«День начат с молока и хлеба...»	635
Кирики Улиты	636
«Будет печалить и радовать...»	637
«Я к тебе забыл сто дорог...»	638
«Пал туман на море синее...»	639
«За окнами белая стужа...»	640
«Ах, эти притчи во языцех!..»	641
«Всю ночь ревело в бухте море...»	642
«Земля летит, зеленая, навстречу...»	643

Орлов С. С.
0-66 Избранное: Стихотворения /Предисл. О. Шестинского. — М.:Худож. лит., 1988. — 655 с.

ISBN 5-280-00193-7

В «Избранное» известного русского советского поэта Сергея Сергеевича Орлова (1921—1977) вошли его стихотворения и поэма «Одна любовь», написанные в 1937—1977 годах.

О 4702010200-297 71-88
028(01)-88

ББК 84Р7

Сергей Сергеевич
Орлов

ИЗБРАННОЕ

Редактор Т. Халилова
Художественный редактор И. Сальникова
Технический редактор Г. Такташова
Корректор И. Лебедева

ИБ № 5188

Сдано в набор 24.12.87. Подписано в печать 20.04.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 34,44+1 вкл.=34,49. Усл. кр.-отт. 34,54. Уч.-изд. л. 19,7+1 вкл.=19,74. Изд. № III-2984. Тираж 50 000 экз. Заказ 1328. Цена 2 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

